

Галина Турбина

Радуга судьбы

Судьба у Альвины переменчивая. Избалованная и любимая дочь, счастливая невеста в одночасье превращается в опальную дочь мятежного герцога, жених отказывается от нее, далее ее ждет ссылка, жизнь в бедности, и кажется, что нет просвета в жизни. Но судьба опять преподносит девушке сюрприз, и неизвестно еще к худу это опять или к добру. Магический мир только фон для любовной истории. Черновик!

Глава первая

- Это невыносимо! - в отчаянье воскликнула Альвина. - Денег слишком мало, их не хватит, чтобы хоть чуть-чуть уменьшить долг! Еще немного и нам откажут во всех лавках!

Со злостью отброшенные расписки и счета веером разлетелись по комнате, а монетки весело застучали по столу и по полу.

- Ну вот, - впад в еще большее уныние, чуть не расплакалась девушка, - теперь придется разыскивать закатившиеся монеты по всей комнате.

Час назад она получила эти деньги за очередные свои акварели, салфетки и вышитые крестиком картины. Хозяйка магазинчика долго извинялась, но сказала, что в следующий раз не обещает взять на продажу то, что Альвина принесет - ее рукоделия стали плохо покупать. Посоветовала девушке начать шить куклы - вот их хорошо разбирают. Но Альвина никогда не шила кукол, да и для того, чтобы что-то начать делать, надобно вначале купить материал, а лишних денег у нее нет. Она и так совсем недавно потратилась на краски.

Конечно, за ее поделки платили мизер, но это лучше, чем совсем ничего. Они с матерью уже продали все, что можно и если у них не будет той мелочи, что она получала за салфетки, нарисованные картины, то станет совсем плохо.

Это не единственная неприятность, случившаяся с Альвиной сегодня. Когда она пришла из магазинчика, застала мать в невменяемом состоянии, та опять где-то достала вино и напилась. Ну, вот где она берет деньги на это? Кто ей поставляет выпивку?

Тяжело вздохнув, Альвина полезла под стол за раскатившимися монетками. Найдя их и собрав разлетевшиеся бумаги, села за стол и опять всё пересчитала, но лучше не стало. Все так же денег было мало, а счетов и расписок слишком много.

- Госпожа, госпожа, - заполошный крик ворвался в невеселые мысли Альвины.

- Что случилось? - недовольно спросила она появившуюся на пороге служанку.

- Там это, - запыхавшаяся девушка перевела дыхание и продолжила, - в гостиной сидит герцог Адьяр и требует вас.

- Кто?! - удивилась Альвина.

Насколько она знала, герцог умер пять лет назад. Сообразив, что это его сын - новый (следующий) герцог Адьяр, девушка раздраженно произнесла:

- Что он делает в моей гостиной? Кто его пустил?

- Ага, у нас стоит в дверях дворецкий и никого не пускает без разрешения, - пробурчала под нос служанка.

- Что ты сказала?

- Я говорю - кто же указ-то герцогу, - громче сказала девушка, - захотел и зашел и вас

сразу же затребовал. Так выйдете к нему? А то он грозит сам найти вас. А че тута искать-то? Сразу же и найдет.

Альвина тяжело вздохнула:

- Сейчас спущусь, подай ему чай пока. Хотя нет, не надо, обойдется.

- Вот это правильно, госпожа, нечего поить всяких чаем, самим мало. Да и кончился он еще утром.

- Иди уже.

Служанка развернулась и мигом выскользнула из комнаты. А девушка подошла к зеркалу и оглядела себя. Да, выглядит она неважно - платье старое, сохранившееся еще с прежних времен, прически нет никакой - просто коса заплетена и уложена на затылке. Веснушки, с которыми она когда-то так отчаянно боролась, теперь видны на бледном лице. Ну и пусть, в том, что она не может выглядеть сообразно своему положению, виноват в числе прочих и нынешний герцог Адъяр. Альвине не хотелось встречаться с этим мужчиной. Когда они виделись последний раз, он был еще маркизом Плесэ и память об этой встрече до сих пор кровотоцит незаживающей раной пережитого ужаса, обиды и ненависти.

Альвина подняла руку, чтобы поправить кружевной воротничок и заметила, что пальцы дрожат. Надо взять себя в руки! Столько лет прошло, изменились и она и он. Но все же, зачем Себастин опять появился в ее жизни, что ему нужно? Они живут тихо в небольшом городе далеко от столицы, никуда не выезжают, никого не принимают. Нет, он не должен видеть ее смятение, возможно даже, страха перед ним. Надо справиться с собой, успокоиться. Герцог ведь не осаждают их родовой замок, как когда-то, и не врывается в него вместе с королевскими гвардейцами. Он просто приехал зачем-то. Может что-то случилось с братом Александром? Эта неожиданная мысль привела Альвину в ужас, и она поспешила вниз.

Спускаясь по скрипучей темной лестнице, девушка пыталась унять дрожь, успокоиться. Сейчас она увидит того, кого никогда не хотела бы знать. Но он сам приехал неизвестно зачем. Неожиданный визит очень обеспокоил Альвину и выбил из колеи. Нет, она не стеснялась ни крохотной обшарпанной гостиной, где сейчас находился герцог Адъяр, ни того, как выглядит их дом. В конце концов, это и его вина, что дочь герцога Лэвирина живет в таких условиях. Пусть она выглядит бедно и невзрачно, но последний раз герцог, тогда еще маркиз, лицезрел ее в более жалком виде.

Остановившись на миг у дверей, Альвина перевела дыхание, мысленно попросила сил у богини Аумонэ и толкнула скрипучие створки.

Маленькая гостиная была залита ярким солнечным светом и ослепленная им после сумрачного коридора, Альвина не сразу узнала поднявшегося с кресла мужчину, одетого во все светлое. Девушка с недоумением рассматривала герцога Адъяра. Неужели это он? Она, конечно, предполагала, что герцог за прошедшие годы изменился внешне, но не настолько же! Альвина помнила герцога высоким, плотно сбитым, неуклюжим молодым человеком. А сейчас перед ней стоял высокий, худой мужчина, исчезли постоянно краснеющие, пухлые щеки, теперь лицо было костлявым, а когда-то непослушные, буйные кудри сейчас коротко стрижены и серебрятся нитями седины в темных волосах. Вот только синие глаза, опущенные длинными, черными ресницами все те же, хотя нет, не те же - взгляд стал совсем другим. Что же случилось с ним, раз он так плохо выглядит?

- Здравствуйте, Альвина, - произнес мужчина чуть надтреснутым голосом.

И этой царапающей трещины в тембре голоса раньше не было. И трости, на которую он

опирался, не было, и одевался раньше Себастин в черное.

- Здравствуйте, Себастин, - растянула губы в фальшивой улыбке Альвина, - или мне надо обращаться к вам “ваша светлость”? Ах, да, я забыла присесть в низком реверансе. Но простите меня, я совсем одичала в этой глуши.

- Ну что вы, Альвина, какие могут быть церемонии между нами, - не менее натянуто улыбнулся герцог.

И ямочки на щеках пропали, превратившись в борозды на впалых щеках - отметила невольно Альвина.

- Что ж, раз с приветствиями закончили, то позвольте поинтересоваться - что вам нужно, зачем вы здесь?

- Вы несколько не изменились, Альвина, все так же нетерпеливы и невежливы. И по-прежнему ослепительно красивы.

- Ах, оставьте это, - поморщилась девушка, - ваше восхищение мной надоело еще много лет назад, и у меня есть веские причины не радоваться вам.

- Да-а-а? - удивленно протянул герцог. - Но все же будьте милосердны к гостю, накормите его, ну или хотя бы велите подать чаю. Дорога к вам, увы, сопряжена с некоторыми неудобствами и я утомился, добираясь сюда.

- О! Герцог Адъяр просит о милосердии, - насмешливо произнесла Альвина. - А не боитесь, что я отравлю вас, помня, как были когда-то вы “милосердны”?

- Ну, хватит, - вдруг жестко произнес герцог, чем ошеломил Альвину, - я знаю, что вы не помните добра.

- Добра?! - задыхнулась от возмущения девушка. - Да как вы смеете...

- Я сказал - хватит, - еще более резко прервал Альвину мужчина, - вижу, что даже многолетняя ссылка и практически нищенское существование не умилили ваш гонор.

- Восемь.

- Что? - не понял мужчина.

- Здесь мы живем восемь лет, - холодно ответила Альвина, - и в этом виноваты ваш отец и вы.

- В этом виноват ваш отец, - устало проговорил герцог, опускаясь в кресло.

— Конечно, герцог, присаживайтесь, - едко произнесла Альвина.

- Покорнейше прошу простить мои манеры, но раз вы не соблюдаете норм этикета и гостеприимства, то не вижу смысла со своей стороны их придерживаться.

- Да, конечно, зачем церемониться со мной, - с горечью ответила Альвина, - я теперь никто.

- Садитесь, Альвина, - приказал мужчина, кивая на стоящее напротив кресло с потертой обивкой.

Фыркнув, девушка подошла к креслу и медленно и величаво, словно делая огромное одолжение, устроилась в нем. Все это время Себастин насмешливо наблюдал за ней.

- Да-а-а, - протянул герцог, - вы все-таки не изменились.

- Вы это уже говорили, Себастин, а вот вы изменились.

- Что, не смотрю на вас щенячьим преданным взглядом? - ядовито улыбнувшись, произнес мужчина.

- Теперь вы смотрите, как голодный волк, да и выглядите так же. Вам хочется меня съесть, герцог Адъяр?

- Мне много чего хочется с вами сделать, Альвина, в том числе и съесть или хотя бы

надкусить.

Эти слова, произнесенные странным тоном, смутили девушку, она отвыкла, видимо, от флирта на грани приличия. Или это не флирт?

- Так зачем вы пожаловали, герцог Адъяр? - спросила Альвина, стараясь не смотреть в глаза мужчине.

- Я приехал, чтобы уберечь вас от ошибки, которую вы, не ведая того, можете совершить.

Герцог замолчал и выжидающе посмотрел на девушку, видимо, желая услышать и увидеть отклик на его слова. Но Альвина тоже молчала в ответ, недоуменно глядя на мужчину.

- Десять дней назад ко мне обратился кузен с просьбой посодействовать в женитьбе, - наконец продолжил герцог, - он думает, что прошло достаточно лет и король разрешит ему взять вас в жены.

- Что? - удивилась Альвина. - Я не помню, чтобы ваш родственник просил у меня руки. Хотя подождите, кто ваш кузен?

- А, значит, все-таки вам что-то вспомнилось, - усмехнулся герцог.

- О нет, не может быть, - простонала девушка, - чтобы граф Людвиг Фрэмер был вашим двоюродным братом!

- Однако это так и есть, милая Альвина. Людвиг сын сестры моего отца.

- Я вам не милая, не смейте меня так называть, вы не имеете на это право! - возмутилась девушка.

- Не смею? - деланно удивился герцог. - О, вы даже не подозреваете на что я имею право, но, похоже, пришло время вам все узнать.

- Что еще я должна знать? Король отказал вашему кузену? Что же, я не удивлена.

Несмотря на то, что эти слова Альвина смогла произнести спокойным и уверенным голосом, у нее холодели руки и сердце колотилось в предчувствии беды, из-за которой опять изменится ее жизнь. О, милостивая богиня, ну почему было не поинтересоваться у Люца кто его брат!

- Нет, до короля Людвиг не добрался, я запретил это ему и на всякий случай запер в подвале моего замка. О, не надо так бледнеть, он там устроен вполне комфортно.

- Я не собираюсь замуж за графа Фрэмера.

- Неужели вы хотите уверить меня, что даже не допускали мысли о такой подвернувшейся возможности хоть в какой-то мере вернуть свое прежнее положение?

- Да, на какой-то миг это пришло мне в голову, и я даже не отказала Людвигу резко и бесповоротно, но все же не рассматривала его предложение всерьез. Так что можете отпустить своего кузена, замуж за него я не пойду.

- Увы, но я не могу его отпустить, он настроен решительно. И я его понимаю, вы умеете кружить голову мужчинам до такой степени, что они готовы ради вас на все. Людвиг не слышит разумных доводов и не поддается ни на какие уговоры, он хочет только одного - жениться на вас.

- И вы, по-видимому, много чего рассказали обо мне в процессе уговоров, - глухо произнесла Альвина, опустив голову.

- То, что мне бы хотелось и стоило ему рассказать, навсегда похоронит его надежды, но вначале надо нам с вами выяснить одно недоразумение, вернее, ошибку, о которой вы не подозреваете.

- Не трудно понять о какой ошибке вы говорите, - проговорила Альвина, рассматривая кисти рук, лежащие на коленях. Когда-то эти тонкие пальцы украшали перстни и кольца, а теперь уже давно нет даже следов от них.

- Вы даже не догадываетесь о чем я хочу вам рассказать, то, что я вам поведаю весьма вас удивит.

Альвина подняла голову и с вызовом посмотрела на герцога.

- Вы утомили меня, извольте, наконец, рассказать об этой ошибке и убирайтесь вон.

- Не смейте разговаривать со мной в таком тоне, - качнувшись вперед, угрожающе произнес герцог, - я уже не тот мальчик, который все когда-то терпел от вас.

- Уже не тот? Правда? - чарующе улыбаясь, спросила Альвина, затем, спрятав улыбку, продолжила сухо: - Но все же будьте добры, герцог Адьяр, рассказать зачем вы здесь и покинуть меня, желательно навсегда.

- Вы неподражаемы, Альвина, - усмехнулся герцог, выпрямляясь в кресле, - но вот насчет покинуть...этого я вам не обещаю.

Альвина поморщилась, но промолчала.

- Итак, - продолжил герцог, - король требует от меня жениться и произвести наследника, я пока отмалчивался, так как уже давно женат, а королю не понравится моя избранница, но заявление Людвига сподвигнуло меня все-таки открыть тайну моей женитьбы.

- Вы женаты? - не удержалась от удивленного возгласа девушка.

- Да, на вас, - издевательски улыбнулся герцог.

- В каком кошмарном сне вам это привиделось, ваша светлость? - спросила ошалевшая от слов герцога девушка.

- Ну так уж и в кошмарном, скорее в приятном сне, - продолжал он улыбаться.

- Оставьте при себе ваши фантазии, Себастин, - ответила резко Альвина, - если вы вспомнили давнейшую шутку, так это был просто розыгрыш и ничего более.

- Розыгрыш? А если нет, а вдруг наш брак действителен? Вы никогда не задумывались об этом?

- Ах, перестаньте, нас шуточно повенчали, а вы столько лет никак не можете это забыть и простить. Я догадалась - помешать мне выйти замуж это ваша месть за то, что произошло много лет назад. Но это недостойно мужчины - мстить за то, что девушка посмеялась когда-то над вами. Еще раз повторяю - это была невинная шутка.

- Невинная шутка? Вы так считаете? - гневно воскликнул герцог. - Вы столько лет думали, что это была мистификация, глупый, злой розыгрыш? Ну, так вот, спешу вас разочаровать - шутка не удалась! Нас обвенчал настоящий жрец, а не один из участников этого фарса!

- Нет, этого не может быть, немедленно скажите, что ваши слова лживы, - потребовала испуганная Альвина, - это недостойно герцога Адьяра так мстить мне!

- А достойно дочери герцога Лэвирина подбить свою свиту поклонников на жестокий розыгрыш? - в ответ обвинил мужчину девушку.

- А, так все-таки, ваши лживые слова - месть? Вы хотели меня напугать? Ну что же, вам это удалось, считайте себя отомщенным.

Герцог некоторое время смотрел на девушку, затем мрачно произнес:

- Нет, это правда, у меня есть свидетельство о браке, заверенное жрецом, проводившем обряд и вырванный лист из храмовой книги с записью о нашем венчании.

- Зачем вы вырвали лист? - растерянно спросила ошарашенная Альвина, побледнев.

- Вас только это волнует? Ну что же извольте - я вырвал лист, чтобы никто не смог прочитать запись и узнать правду о венчании.

- Зачем? - все также заторможено спросила девушка, она никак не могла поверить в слова герцога.

- Затем, что вы не хотели видеть меня мужем, - полыхнул яростью мужчина, - затем, что тогда я был раздавлен вашей жестокой шуткой и мстительно представлял, как вы будете стоять у алтаря, произносить брачные клятвы своему избраннику, а я появлюсь внезапно и расстрою вашу свадьбу.

- Но вам тогда не удалось исполнить свою месть, - горько сказала девушка, - ведь жених отказался от меня, как только узнал, что мой отец участник заговора против короля. И вы тоже не признались во всем тогда, в замке, потому что не хотели признавать женой дочь мятежного герцога?

- Нет, не поэтому. Дело было в вас самой, я уже объяснил свои мотивы.

Себастин мог бы добавить, что ему было тогда все равно кто ее отец. Если бы она любила его, то он бы пошел против всех и открыто объявил Альвину своей женой, забрал с собой. Но она не любила его, а видеть в ее глазах отвращение к нему было выше его сил. И да, пусть он мстительный и жестокий, раз позволил своей жене отбыть в ссылку.

- Что же вы теперь не доиграли до конца? - отвлекла Себастина от невеселых мыслей Альвина. - Надо было дождаться нашего венчания с графом и тогда, надеюсь, вы бы удовлетворились, что ваша месть свершилась.

- Если бы вашим предполагаемым женихом не был мой двоюродный брат, может быть, я бы так и поступил - появился эффектно в самый последний момент. Но я не следил за вашей жизнью. Поэтому, скорее всего, я бы даже не узнал, что вы дали брачные клятвы, как оказалось бы потом недействительные, другому мужчине.

- Не следили? Вам было все равно, что со мной? Так зачем же сейчас вы здесь?

- Я же уже сказал - из-за кузена. Не скажу, что испытываю к нему нежные братские чувства, но он мой родственник и я в какой-то мере ответственен за него. Но это не единственная причина моего приезда сюда. И настала, наверное, пора вам все узнать.

- Я узнала и что дальше? - тихо и как-то безнадежно спросила Альвина. - Позвольте еще вопрос, Себастин?

- Я вас слушаю, спрашивайте, - милостиво разрешил герцог.

- Скажите, - так же тихо продолжила девушка, - у вас же была замечательная возможность отомстить мне жестоко за все то, что я сделала, но поверьте не со зла, а по глупости. Почему тогда, в нашем замке, вы помогли мне?

- А может мне не хотелось, чтобы мою жену насильовали гвардейцы, - оскалился жутковато герцог, - оставляю это право за собой.

Альвина вздрогнула и поежилась от его слов. Она так хотела вычеркнуть из своей жизни тот день, но он никогда не сотрется из памяти, никогда не забудутся унижение, чувство беспомощности, ужас от того, что с ней могли сделать одуревшие от вседозволенности и безнаказанности гвардейцы.

Ее била дрожь, надо бы встать и уйти, покинуть этого мужчину и не видеть больше никогда, но опасение, что ноги не удержат и она рухнет к ногам герцога, заставило девушку остаться сидеть в кресле.

- Альвина, простите мне эти слова, я не должен был так говорить, - раскаялся герцог,

увидев помертвевшее лицо девушки и дрожащие пальцы, комкающие платье на коленях. - На моем месте и в той ситуации любой бы заступился, даже если бы был зол и обижен на вас.

- К сожалению, не любой, - с невыносимой горечью ответила девушка.

- Еще раз простите мне грубые слова, но не надо ставить меня в один ряд с мерзавцами, встретившиеся вам. Я больше не упомяну то, что случилось восемь лет назад.

- Я не знаю какой вы на самом деле, вернее, каким стали. А может я и не знала вас никогда настоящего, - бесцветным голосом сказала девушка. - Столько лет вы не вспоминали обо мне и, как утверждаете, не интересовались моей жизнью. Так что вы хотите сейчас, что, по-вашему, должно теперь измениться для нас? Думаю, что ничего. Так ведь? Я вам не нужна, вы мне тоже, значит, можно и попрощаться, желательно, навсегда. А наследниками можно признать и бастардов, не удивлюсь, если за столько лет они у вас появились.

- Увы, но нет, - многообещающе усмехнулся мужчина, - попрощаться навсегда уже не получится. А бастардов у меня нет.

- Если нет, так вполне могут появиться, - устало и безнадежно произнесла девушка. - Что вам нужно еще от меня?

Герцог задумчиво смотрел на Альвину и не спешил с ответом. Он ее когда-то безумно любил, затем негодовал на нее, считал себя по вине этой девушки униженным, казалось, даже ненавидел, презирал, жаждал мщения, в какой-то момент злорадствовал (за что сам себе был омерзитель). Он ее боготворил, а она оказалась вероломной, жестокой. Сколько раз Себастин пытался изгнать ее из сердца, души и мыслей и, вроде бы, забыл, но вот по воле случая она опять появилась в его жизни и он, наверное, принял правильное решение. Но сейчас, глядя на поникшую, растерянную девушку, не мог подобрать слова, чтобы сказать ей то, что собирался. Раньше ему никогда не было ее жалко, даже когда отбил у гвардейцев не жалел (именно тогда к своему стыду, он злорадствовал). А сейчас герцог, разглядывая, перешитое, старое платье, явно оставшееся с прежних времен, исколотые иглами пальцы, поникшие плечи, бледное лицо, худенькую фигурку (а он помнил ее крепко сбитой, пышущей здоровьем), испытывал к девушке странное чувство. Неужели жалость? Вероятно, на него повлияло и то, как сейчас жила Альвина. Когда он нашел дом, где жили мать и дочь, то с любопытством оглядывал все, что видел. Но маленький дом с потертой, старой мебелью, обшарпанными стенами и скособоченными дверями удручал Себастина. Особенно его впечатляло желание сделать этот дом уютнее, приличнее - на стенах, закрывая дыры, висели небольшие акварели, скорее всего нарисованные Альвиной, особенно потертые и поцарапанные места мебели маскировались вышитыми подушечками, ажурными салфетками. Герцог знал, что герцогиню Лэвирин и ее дочь выслали подальше от столицы, в глушь и сохранили им титул. Но он не представлял, что женщины ведут почти нищенское существование. Понятно, почему похудела Альвина, вряд ли у герцогини и ее дочери еда разнообразная и сытная. Внезапно пришедшая мысль, что они могут даже голодать, ужаснула герцога.

Оценивающий взгляд герцога, его молчание разозлило Альвину, заставило выпрямиться в кресле. Окинув мужчину неприязненным взглядом, она холодно спросила:

- Сколько еще вы будете меня рассматривать, Себастин? Ожидаете, что на мне цветы вырастут?

- Нет, - очнулся герцог и натянуто улыбнулся, - я не жду от вас цветов.

- Зато я жду, - сморщив носик, пренебрежительно произнесла Альвина, - когда вы покинете мой дом. Вы мне неприятны, поэтому будет лучше, если уйдете немедленно. Меня

мало интересуется, что вы собираетесь еще мне поведать. Уходите, наконец, вы утомили меня.

Да-а-а уж, а ведь он ее только что пожалел, но Альвину, похоже, ничего не исправит. Нет, нельзя ни в коем случае давать ей в руки такое оружие, как его чувства к ней, пусть даже это и возможная жалость. Один раз он уже поплатился за свое слепое увлечение этой девушкой.

- Значит, так, - жестко проговорил герцог, - король требует, чтобы я женился и произвел наследника. А так как я, увы, женат, то мне ничего не остается, как представить королю свою жену, то есть вас. Я сейчас уйду, оставаться в вашем доме у меня нет никакого желания. Утром будьте готовы уехать со мной. У вас вся ночь впереди, чтобы подготовиться к отъезду. Но судя по тому, что я вижу, вам и часа достаточно собрать свои вещи.

Сказав эти слова, мужчина встал и, стуча по полу тростью, направился к дверям. Альвина отмерев от ступора, подскочила, как ужаленная с кресла, и стремительно обогнув Себастина, встала перед ним, загораживая выход.

- Вам не кажется, ваше сиятельство, - едко сказала девушка, - что вы не спросили моего согласия?

- Вашего согласия? - приподнял в удивлении брови мужчина. - Зачем мне оно?

- Затем! Кто вы такой, чтобы решать за меня?! - разозлилась Альвина. - Я не собираюсь никуда с вами ехать!

- Я ваш муж по всем законам, - прямо глядя в глаза девушки, холодно произнес герцог, - и как я скажу и решу, так и будет, а вы обязаны полностью и безоговорочно подчиняться моим желаниям. Не захотите добровольно, у меня хватит рычагов заставить, и я не погнушаюсь применением физической силы - поедете связанной.

- Вы не посмеете! - испуганно воскликнула Альвина.

Себастин неприятно усмехнулся в ответ.

- Нет, нет, - замотала в отрицании головой девушка, - вы не можете..., вы не понимаете...

- Могу, а понимать не желаю, - перебил герцог, - если не будете готовы утром, поедете в том, в чем окажитесь на тот момент. Хотя...одежду можете с собой не брать, подозреваю, что все равно придется покупать вам новую.

- Себастин, - Альвина сменила тон на умоляющий, - пожалуйста, я не могу с вами поехать, поймите, прошу вас, я не могу оставить мать одну.

- Ваша мать больна?

- Н-н-н-ет, - неуверенно ответила Альвина.

- Вдовствующая герцогиня, насколько я знаю, еще не старая и немощная, а раз не болеет, то вполне способна обходиться без вас. Если вы переживаете о том, что у нее будет недостаточно средств, то не беспокойтесь, я оставлю достаточно денег, чтобы ваша матушка не нуждалась.

- Она не сможет без меня...

- Наймет помощниц, - опять перебил герцог, - я оставлю деньги и для этого в том числе. Вы, как герцогиня Адъяр, можете покинуть место ссылки, а герцогиня Лэвирин, ваша мать, не имеет право на это. Я даю вам время до утра все рассказать матери и подготовиться к отъезду.

Герцог протянул руку и, обхватив Альвину за предплечье, грубо отодвинул ее со своего пути. Уже выходя в двери, он бросил:

- Не советую сбегать, вам все равно некуда.

Глава вторая

Альвина смотрела на захлопнувшуюся дверь и никак не могла поверить в случившееся. Сжав кулачки, она топнула ногой (чего не делала уже давно). Как он посмел так разговаривать с ней! Не хотелось верить, что Себастин применит к ней силу, но и недооценивать его угрозы, пожалуй, не стоит. Этот Себастин не тот молодой человек, который смотрел на нее преданным взглядом, терпел от нее капризы, снисходительное, временами даже пренебрежительное отношение, выполнял с радостью поручения, и готов был ради нее на все. А она вела себя с нынешним Себастином, как с прежним! Нет, она все-таки дура! Ведь рассмотрела в его глазах, когда он оглядывал обстановку и ее саму, жалость. Но выиграла гордость и досада, что он видит нищету, в которой ей приходится жить! Дура, и еще раз дура! Надо было использовать эту его жалость. А что теперь? Она не может оставить мать одну, не может! И признаться в том, что герцогиня Лэвирин спивается и погибнет без дочери, стыдно. Если сказать, что мать все же больна, то герцог может пригласить лекаря, а тот сразу же выяснит причину ее “недуга”. Ну что же делать? Утром, когда Себастин появится, будет уже поздно что-то доказывать. Где интересно он остановился? Судя по всему, герцог пришел пешком, а значит, скорее всего, он остановился недалеко от них. Самая ближайшая приличная гостиница находится через пять домов вниз по улице. А что если навестить герцога там и попытаться с ним договориться? Неприлично посещать одинокого мужчину в такой поздний час? Так Себастин ее муж, как он утверждает. Кстати, она не видела документа, подтверждающего их венчание. Вот и повод навестить герцога! Пусть представит доказательства, позволяющие ему распоряжаться ее жизнью. А там она попытается его улестить, уговорить, даже если понадобится - соблазнить. Нет, последнее лишнее, на это она не пойдет.

Тяжело вздохнув, девушка прошла в теперь ненавистное кресло и села в него. Продолжая размышлять, она подумала, что может все же не стоит настаивать на том, чтобы остаться здесь. Они и так влачат почти нищенское существование, а что их с матерью ждет в дальнейшем? Может это ее, Альвины, шанс изменить свою жизнь к лучшему? У нее опять будут новые платья, драгоценности, изысканная еда. И ей не придется считать копейки, ей вообще не надо будет думать о деньгах. Все счета безропотно будет оплачивать муж. А если она все-таки не поедет с герцогом, все останется прежним.

Девушка закрыла ладонями лицо и горько разрыдалась. О, богиня милосердная, она так больше не может! Вытирая слезы и пытаясь успокоиться, Альвина продолжала размышлять о своей судьбе. Как же она устала от нищеты, от постоянного корпения за пяльцами у нее болит спина и в глаза как будто песок насыпали, ее пальцы исколоты иглами и крючком, но за кружевные и вышитые салфетки, картины, дорожки и тому подобное она получает гроши. А долги все растут, скоро им не будут давать в рассрочку ни молочник, ни мясник (впрочем, мясо они едят очень редко), ни бакалейщик. Что тогда будет с ними? Останется только умереть голодной смертью. Или ей начать торговать своим телом.

Альвина передернулась от омерзения. Нет, уж лучше голодная смерть, чем такое! Так что она потеряет, если поедет с Себастином? Скорее всего, приобретет. Ее держит мать. Может уговорить герцога взять герцогиню с собой? Но, как поняла Альвина, Себастин не согласится на это. И вдовствующей герцогине Лэвирин нельзя покидать место ссылки. Да и, если быть честной перед собой, она предпочла бы оставить мать здесь. Но так как герцог говорит, что даст денег, то можно найти сиделку, которая будет следить, чтобы герцогиня не пила. Отдавать деньги в руки матери нельзя, но ими может распоряжаться та, которой

девушка доверяет. Хозяйка лавки, куда она сдавала свои рукоделия, относилась всегда к Альвине с добротой и жалостью, не раз давала в долг денег. Может она согласится заботиться о матери, или найдет кого-либо надежного для этого? За плату, конечно, герцог же обещал дать денег.

Все эти годы Альвина заботилась о матери, вела их дом, добывала деньги своим трудом, как могла. А что же мать? Ведь это она должна была опекать дочь, а не наоборот. А герцогиня закрылась ото всех в своем горе, как в скорлупе, а потом еще и пить начала, нашла в вине средство уйти от проблем. Так почему же Альвина не может пожертвовать матерью и устроить свою судьбу? Устыдившись своих мыслей, Альвина тяжело вздохнула - мать она никогда не бросит. Но ведь можно устроить для нее комфортную жизнь и здесь.

Достав из кармана платок, Альвина вытерла уже почти сухие глаза. Как бы и что бы там ни говорил Себастин, но он когда-то был в нее влюблен. И вполне возможно, что его чувства не исчезли, ну или не совсем испарились, может что-то и осталось. Решено - она встретит утром герцога уже готовой к отъезду и будет с ним милой и предупредительной. Но все же вначале она потребует решить вопрос с матерью. Нет, не так - она ПОПРОСИТ, прежде чем они уедут, позаботиться о герцогине. Пусть он сделает все, чтобы ее мать не нуждалась. А уж она, Альвина, сделает все, чтобы любовь Себастина разгорелась вновь. А может все-таки стоит пойти к герцогу сейчас, не дожидаясь утра? Вдруг утром герцог вообще не захочет ничего слушать, или скажет, что нет времени решать что-то. И даст деньги прямо в руки матери? Но герцогине ни в коем случае нельзя давать деньги! Или наоборот, Себастин к утру остынет и уже не будет таким неприступным и жестким?

Неожиданно пришедшая мысль заставила Альвину вздрогнуть. А с чего она решила, что у нее теперь будет такая же жизнь, как до ссылки? Вполне возможно, что Себастин представит ее королю, как свою жену, а потом запрет в каком-нибудь дальнем поместье и будет изредка навещать, чтобы сделать очередного ребенка. И не обязательно, что в этом поместье у нее будет комфортная и беззаботная жизнь.

Все еще сидя в кресле, Альвина опять недобрим словом вспомнила отца. Это он во всем виноват, Себастин прав. Отца уже восемь лет нет в живых, а она никак не может простить, что он ввязался в заговор против короля Флориана и загубил их жизнь. Как отец мог так поступить с ними! Чего ему, герцогу Лэвирину, не хватало? Он все имел - богатство, титул, высокое положение, семью, наследника. Так почему же рискнул всем, чтобы свергнуть законного короля? Ах, да, он считал его бастардом, не достойным короны. Но, по мнению девушки, какая разница - бастард король на самом деле или нет, и кто его настоящий отец не имеет значение, если соблюдены все приличия и нет сомнений в том, что король Флориан ближайший родственник предыдущего короля.

Альвина как-то сунула свой любопытный носик куда не следует, спрятавшись в кабинете отца. Правда она надеялась услышать совсем другое, думала, что гость это герцог Эвлич, приехавший просить ее руки для сына. Но собеседником отца оказался не тот, кого ожидала девушка. Очень быстро она пожалела, что спряталась, разговор отца и неизвестного мужчины был не для ее ушей.

Кабинет герцога Лэвирина был огромным и мрачным, втиснувшись между шкапами и затаившись в плотных тенях, Альвина узнала о том, что настоящим отцом короля Флориана является его же дед, то есть сын покрыл грех своего отца, женившись на матери будущего короля Флорина. Герцог очень возмущался тем, что король на самом деле плод прелюбодеяния.

Не только это вызывало недовольство герцога Лэвирина. Его раздражали реформы, проводимые королем, урезание и уменьшение прав и льгот дворянства. Но все же особенно отец протестовал против закона о признании бастардов. Это, по мнению герцога, приведет к падению нравственности. Зачем теперь беречь девицам свою честь, если нагулянного ребенка или обольститель, или какой-либо родственник могут признать, и постепенно в обществе уже не будут осуждаться внебрачные связи. Еще он негодовал, что король провел такой закон потому, что сам бастард и у него есть дочь, прижитая до брака с нынешней королевой Эмилией. И у королевы очень темное прошлое. Она как оказалось тоже незаконнорожденная, ее настоящий отец - Верховный Князь Эльмфеи, а не граф Солейл, считающийся официальным отцом Эмили. А княжество Эльмфея извечный враг нашей Индании. И ходят слухи, что королева была замужем за князем Яном Ливеном из Эльмфеи. А ведь князь жив, то есть королева Эмилия не вдова. А значит, как она могла вступить в брак с королем Флорианом? Выходит, королевский брак недействителен? Отец гневно возмущался, что на троне сидят незаконнорожденные и прелюбодеи, по законам Индании они не имеют на это право. Он утверждал, что королем должен быть Эдмунд, младший брат Флориана, вот он точно законный ребенок и имеет больше прав на трон. (История Флориана и Эмили рассказана в моей книге "Любовь - крапива стрекучая")

Альвина с ужасом слушала подробности заговора против короля и боялась выдать себя. Когда отец и его собеседник ушли, она еще долго страшилась выйти из своего убежища. Но когда, наконец, выбралась из кабинета, поспешила к себе и, закрывшись в спальне, долго размышляла над тем, что услышала. Что ей теперь делать? Несмотря на то, что ей было всего семнадцать, и она совсем неопытна в таких делах, прекрасно поняла - то, куда ввязался отец очень опасно и грозит им всем самое меньшее ссылкой. Вначале она хотела кинуться к отцу и умолять его отказаться от заговора ради семьи, но поразмыслив, поняла, что это бесполезно. Она только навлечет на себя его гнев, а что сделает с ней отец, даже не хотелось представлять.

На следующий день прибыл герцог Эвилл просить руки Альвины для своего сына маркиза Дэвиера. Смущенная, счастливая, как ей тогда казалось влюбленная, Альвина, стояла в том же самом кабинете рядом с маркизом и, отвечая согласием на вопрос отца, желает ли она выйти замуж, выкинула из головы предыдущий день. С присущими юности беззаботностью и уверенностью, что уж с ней-то точно ничего плохого не произойдет, Альвина просто решила - теперь ее этот заговор никак не коснется и не заденет. Но как же она ошибалась!

За две недели до свадьбы все изменилось.

Альвине хотелось бы все забыть, но она прекрасно все помнит. В тот день герцогиня Лэвирин и ее дочь вернулись в свой столичный дом от модной портнихи, которая шила свадебное платье для девушки, и застали бледного, взбудораженного герцога Лэвирина. Он сообщил им, что карета уже готова, Александр, брат Альвины собран, и они все безотлагательно отбывают в родовой замок. На возмущенные возгласы жены и дочери и отказ куда-то на ночь глядя выезжать, он только рыкнул, что их согласия не требуется. Герцогине и Альвине пришлось подчиниться. Отец дал им немного времени на сборы и приказал не брать с собой много вещей. За пределы столицы под покровом ночи они выехали в одной тесной неприметной карете. Не успели отъехать от города, как их встретили вооруженные люди из числа личной охраны герцога. Отец пересел из кареты на коня. Затем была безумная гонка по дорогам Индании без отдыха и сна.

Приехав на место, герцог велел закрыть ворота и приготовиться местному, преданному ему гарнизону к обороне. Жену, дочь и маленького сына он закрыл в одной из самых неприступных башен замка и выделил надежных и опытных воинов для охраны. Испуганным женщинам герцог сказал, что скоро прибудет подмога и сопроводит их до границы с Эльмфеей. На какую помощь он рассчитывал непонятно, к тому времени были арестованы или уничтожены почти все заговорщики. А их замок осаждала гвардия короля. Гвардейцы когда-то были личной, элитной, надежной охраной королей. И только при короле Флориане они превратились в карающий, жестокий меч (орган), не знающий ни пощады, ни жалости. В гвардии служили и отъявленные негодяи, замаранные в каких-либо преступлениях, но с не доказанной виной, и бастарды, не признанные своими родственниками, и вполне благополучные младшие дети, которым не досталось ничего от родителей и старших братьев. Все они были преданы королю и готовы на все ради него. Гвардейцам многое позволялось и прощалось, и их люто ненавидели все. Но служба в королевской гвардии щедро оплачивалась, и не только в денежном эквиваленте. Несколько лет в гвардии - и ты заслуживал титул, земли и достаточно денег и золота, чтобы жить - не тужить до конца жизни.

Альвина до последней минуты надеялась, что появится жених и спасет ее, заберет из осажденного замка. Но ее и мать отбил у распаленных боем гвардейцев не он, а Себастин, с которым она не так давно поступила жестоко. Ко всем прочим обидам на отца Альвина не могла простить ему, уже мертвому и похороненному, что он принял мгновенно действующий яд, как только понял, что оборона замка не выдержала и гвардейцы короля ворвались внутрь. Отец струсил, предал, оставил жену и дочь на растерзание солдатам. Он должен был защищать их до последнего вздоха, а вместо этого предпочел легкую смерть для себя. И почему раньше не подумал о том, что будет с семьей, когда заговор раскроется? Зачем забрал их из столицы? Зачем сопротивлялся? На что он надеялся? Что им двигало? Не любовь к жене и детям, это точно.

После того, как подавили сопротивление, а гвардейцы разгромили и разграбили замок, затем покинули его, появились люди из Службы внутренней безопасности вместе с его главой герцогом Адъяром, отцом Себастина.

Герцогиню и ее дочь заперли в разгромленных покоях, и несколько раз в день водили на допрос. Себастина Альвина больше не увидела, дознание проводил сам Глава Службы Безопасности Королевства Индания. Но что могли рассказать испуганные, натерпевшиеся ужаса, потерянные женщина и совсем молоденькая девушка? Герцог проводил допросы вполне учтиво, не давил на них, не оскорблял, и уж тем более не применял жестокие меры. Первые дни он старался не смотреть в лицо женщинам, каждый раз отводил взгляд куда угодно, только не на них. Видимо, синяки и ссадины, украшающие мать и дочь, смущали его, или он чувствовал себя виноватым в том, что случилось с женщинами. Скоро герцог Адъяр понял, что они ничего не знают. Их оставили на несколько дней в покое. А потом прочитали приговор короля. Герцогине Лэвирин и ее дочери оставляют титул и высылают в далекую и глухую провинцию в город Луйск (потом оказалось, что это не город, а городишко), любая переписка им запрещена. В ссылку они могут взять то, что смогут увезти. Наследника, а вернее уже малолетнего герцога Лэвирина, отдадут на воспитание в лояльную к трону семью. Титул мальчику оставляют, но большую часть наследства конфискуют в пользу короны. Герцог Адъяр, презрительно кривя губы, сказал, что они должны всю оставшуюся жизнь благодарить Его Величество за милосердие и снисходительность к ним, семье

бунтовщика и заговорщика. Александра в тот же день увезли, не дав попрощаться с матерью и сестрой. Женщинам так же не разрешили посетить могилу герцога Лэвирина, им даже не сказали, где его похоронили, в родовом склепе, это Альвина знала точно, отца не было.

Организацию отъезда и сборы в ссылку Альвине пришлось взять на себя, мать была не способна к этому, она почти непрерывно или плакала, или сидела с отрешенным лицом, ни на что не реагируя. Альвина не могла себе этого позволить, если и она сядет горевать и оплакивать свою судьбу и не будет собираться в дорогу, то они уедут раздетыми, разутыми и без даже необходимых вещей. Несмотря на то, что замок разграбили и разорили, девушке все же удалось собрать несколько повозок со скарбом, а еще - никто не добрался до спрятанного схрона с деньгами, золотом и драгоценностями. Буквально накануне их бегства из столицы отец рассказал дочери где найти и как открыть тайник. Ну, хоть за это тебе спасибо, папочка! Иначе они бы уехали с вещами, одеждой, кое-какой мебелью, посудой, но без единого гроша.

Альвине и ее матери разрешили свободно передвигаться по замку и прилегающей территории, но за ними постоянно наблюдали, и девушке с трудом удалось подобраться к тайнику в семейном склепе. Кстати, в нем оказалось не так уж и много всего, папочка мог и побольше отложить на черный день. Перетащив золото, деньги и драгоценности к себе в покои, Альвина полночи просидела с иголкой, пришивая к нижней юбки множеством карманов. Закончив с шитьем, она рассовала все по маленьким карманчикам, расположенным по всей поверхности пышной, сборчатой нижней юбки. Конечно, ходить в такой юбке было неудобно, но другого выхода вывезти золото и драгоценности не было. Она боялась, что если узнают о том, что у герцогини и ее дочери есть средства, то их сразу же отберут.

Преодолев страх перед всемогущим герцогом Адьяром, Альвина потребовала выделить им охрану, которая доставит их до места ссылки. Так как они поедут большим обозом, девушка опасалась, что их ограбят по дороге. Герцог надменно ответил, что разбойников у них в королевстве нет, но все же выделил троих сотрудников - магов из своей службы для сопровождения.

Все те несколько дней, что Альвина собиралась в долгое и далекое путешествие, надеялась, что жених все-таки приедет и заберет ее, или хотя бы поможет, утешит. Но жених так и не появился. Но когда до отъезда оставалась всего одна ночь, курьер герцога Эвилеча привез для девушки письмо. Альвина дрожащими руками раскрыла послание, прочитав его, она горько разрыдалась. Маркиз Дэвиер, ее жених, сухо сообщал ей, что помолвка разорвана с его стороны, так как он не может жениться на дочери заговорщика. Тем более, что он осведомлен, как поступают с женщинами гвардейцы, ворвавшиеся в осажденный замок, и опозоренную девушку он не может взять в жены. И даже, если ее не тронули гвардейцы, доказать свою невинность Альвина не сумеет, она прекрасно знает почему.

Порывав над письмом, девушка разорвала его в клочья и, вытерев слезы, решила, что выбросит из сердца и мыслей жениха, теперь уже бывшего. Он не стоил ее слез, переживаний, душевной и сердечной боли. А она все равно будет когда-нибудь счастлива назло ему!

Решить то она решила, но все же сделать это было не так просто. Днем в хлопотах она забывалась и не вспоминала бывшего жениха. А поздно вечером, когда приходила в свои почти пустые покои (уцелевшую мебель слуги паковали в повозки, а сломанную выбрасывали) на нее наваливались отчаянье и обида на маркиза Дэвиера. Как он мог так

поступить с ней?! Она верила ему, была влюблена в красивого, обаятельного молодого жениха, и была уверена в его ответных чувствах. А оказалось, что все не так.

А ночью ее мучили кошмары. Девушка просыпалась от собственных криков, вся в липком холодном поту и не могла уснуть до утра. Во сне она опять претерпевала ужас насилия. Ей чудились руки, рвущие ее одежду, ощущала тяжелое зловонное дыхание на своем лице, слюнявый рот, пытающийся прижаться к губам, переживала опять свое отчаянное сопротивление, которое только еще больше распалаяло насильников, пощечины, брань, смех солдат, слышала сначала безнадежные крики матери, потом ее глухие стоны, визг брата, запертого в ванной комнате.

Ее в тот страшный день избили, порвали платье, но все-таки не успели изнасиловать, Себастин появился вовремя. Альвина как в горячечном бреду помнит освобождение от тяжести мужского потного тела. Приподнявшись на локтях, она видит, как стоящий посередине комнаты Себастин взмахами рук раскидывает солдат, те отлетают как мячики и прищипливаются к стенам и полу. Невидимые путы крепко держат их, душат, гвардейцы хрипят и стонут. И Себастин наклоняется над ней, распростертой, распятой поперек кровати, помогает подняться, она хватается за него и громко плачет, Он усаживает Альвину, она никак не может его отпустить хоть на миг, Себастин молча заворачивает девушку в одеяло и, отцепив ее руки от своей одежды, направляется к герцогине. Поднимает мать с пола, что-то успокаивающее ей говорит, подводит к кровати и усаживает рядом с дочерью затем, подняв сброшенное покрывало, накидывает его на плечи женщине. Мать и дочь обнимаются и отчаянно рыдают. Себастин уходит в ванную комнату, Альвина слышит его глухой голос, но не может разобрать слов, затем он выводит Александра, мальчик бросается к матери и забирается к ней на колени, обнимет, прижимается. Потом мрачный Себастин мнет рядом с кроватью, хмурится и кусает губы. Он остается с ними, охраняет до тех пор, пока не появляются сотрудники Службы Безопасности, вошедшие следом за солдатами в замок. Все это время Себастин не разговаривает с женщинами и только, когда выставляет охрану, и велит им убрать тела гвардейцев, в ответ на отчаянный взгляд Альвины скажет ей, что теперь их никто не тронет.

Он ушел, и девушка его больше не видела до сегодняшнего дня. И хорошо, что он больше не появлялся. Конечно, он помог ей и матери, защитил их, но Альвине было стыдно перед ним за то, что он видел ее такой растерзанной. И Альвина только потом поняла, вспомнила - Себастин был в форме гвардейцев, то есть он не просто так, не для того, чтобы помочь ей, спасти ее, появился в замке, он участвовал в осаде. А его отец герцог Адьяр - глава Службы Безопасности, и именно эта служба раскрывала и расследовала в числе прочего и заговоры против короля, и это с его посылки так поступили с женой и дочерью герцога Лэвирина (так Альвина тогда думала, ей не верилось, что король так жесток). Она просто пошутила над Себастином, а он разгромил замок ее отца, и герцог Адьяр, его отец, лишил их всего. А значит во всем, что случилось с ней и матерью виноват герцог Адьяр и его сын, так что Альвине не за что благодарить Себастина. Пожалуй, и Себастин, и его отец заслуживают ее ненависти!

Как же Альвине хотелось все забыть! И больше никогда не испытывать ужаса, безнадежности, стыда, чувства беспомощности! И хорошо, что сборы в дорогу отвлекали ее от тягостных дум, не давали впасть в отчаянье своих переживаний и воспоминаний.

Обоз, состоящий из десятка повозок и трех карет, целый месяц добирался до города Луйска. К концу путешествия Альвина уже стала опасаться, что они не успеют доехать до

того, как начнется осенняя распутица. Но видимо боги благоволили им, несмотря на то, что по календарю была поздняя осень, погода стояла теплая и сухая. В дороге Альвине исполнилось восемнадцать, но мать даже не вспомнила об этом, уйдя в свои переживания.

Добравшись до места, Альвина купила огромный, добротный дом, на что ушла большая часть золота. Девушка быстро с помощью слуг, отправившихся с ними в ссылку, обустроила его. Первую зиму герцогиня и ее дочь жили обособленно, очень редко кого-либо принимая у себя и ни к кому не делали визитов. Ближе к лету неожиданно стали появляться настойчивые претенденты на руку Альвины, что удивило ее. Всех потенциальных женихов девушка отправляла восвояси, нередко насмехаясь над ними и их попытками завоевать ее руку и сердце. Альвина не стеснялась в выражениях и не думая смягчить отказ, пренебрежительно высказывалась, что среди местных женихов нет даже графа, а завалившие бароны не достойны ее, дочери герцога Лэвирина. Тогда еще она не верила, что их ссылка продлится так долго, она надеялась - король помилует жену и дочь герцога Лэвирина, ведь они ни в чем не виноваты.

Благородные, именитые и богатые по меркам этого города жители, видя надменность и зазнайство чужачек, прониклись к ним не очень-то добрыми чувствами. Впоследствии это сыграло свою роль против Альвины и ее матери.

Шли годы, она не молодела, а предложений руки и сердца уже давно не поступало.

Но пару месяцев назад в их городке появился граф Людвиг Фрэмир. Он приезжал с какой-то проверкой в местное отделение Магической Безопасности. Они случайно столкнулись на улице. Людвиг оказался приятным, воспитанным, симпатичным молодым человеком. Несмотря на то, что он был моложе на несколько лет, Альвина стала принимать ненавязчивые, робкие ухаживание графа. И однажды он попросил ее руки, Альвина не отказала резко и бесповоротно, сказала, что должна подумать. Людвиг счел это за отсроченное согласие и с радостью сообщил, что должен все рассказать старшему брату, а тот уже добьется у короля разрешение на брак. Граф уехал, а Альвина осталась, не очень надеясь на его возвращение. Но если бы она знала во что это выльется! Именно граф сообщил девушке, что умер отец Себастина и ее бывший поклонник теперь герцог Адьяр, но Людвиг ни словом не обмолвился, что Себастин его кузен.

Но не только это занимало мысли девушки. Альвину беспокоила мать, та никак не могла прийти в себя. Девушка боялась спрашивать у матери о том, что успели с ней сделать гвардейцы, но видя ее состояние, предполагала - страшное с ней все-таки случилось. Во время дороги герцогиня, забившись в угол кареты, или спала, или тихо плакала, очень мало ела и дочери приходилось долго уговаривать мать съесть хотя бы еще один кусочек. Когда женщины обустроились в новом для них месте, герцогиня немного ожила, даже несколько раз принимала гостей. Но спустя время опять замкнулась в себе. И произошло это после того, как деньги и золото постепенно тратились, уменьшались, а герцогине и дочери пришлось переехать в другой дом, скромнее, и рассчитать половину прислуги. Альвина вела дом, считая каждую копейку, но деньги и золото таяли, как снег весной - неумолимо и безысходно. Спустя время Альвине и матери пришлось переехать в еще более непритязательный дом, рассчитать почти всю прислугу, распродать многое из вещей, нарядов, драгоценностей. Продавать все приходилось чуть ли не за бесценок. Несмотря на то, что желающих купить было достаточно, никто не хотел платить достойную цену.

И вот тогда герцогиня начала пить. Первое время Альвина видя повеселевшую, порозовевшую мать, даже радовалась, думая, что она приходит в себя. Но быстро уразумев -

это от вина, поняла, что радоваться нечему. Тем более, что перепив, мать становилась невменяемой, ей надо было куда-то бежать, она буянила, если ее не выпускали и закрывали в комнате. Альвина первое время уговаривала мать, увещевала, взывала к разуму и сердцу, злилась, даже угрожала, кричала на нее, но все было бесполезно - герцогиня никого и ничего не слышала, вино давало ей желанное забытие, спасительный уход от действительности и таких страшных воспоминаний. Альвина перестала совершенно покупать вино, не давала матери денег, даже мелочи, но та умудрялась все-таки напиваться. Как сегодня, например.

Когда Альвина поняла, что деньги, золото и драгоценности тают, пыталась найти работу. Но она ничего не умела. Ну не белье же идти стирать! В няньки ее тоже не брали, тем более в гувернантки, помня, как она высокомерно вела себя первое время. Да и заниматься с детьми особого желания у девушки не было. Подтирать сопли, учить и воспитывать чужих отпрысков у нее не хватило бы ни терпения, ни опыта. Вязала и вышивала Альвина всегда хорошо, на это у нее хватало и терпения, и усидчивости. Но ее рукоделие не очень-то было нужно, все-таки это извечное женское занятие и им владело большинство жительниц этого городка.

Год назад пришлось переехать в этот ветхий домик, из прислуги у них осталась одна кухарка и ее подросшая дочь, совмещающая и служанку, и горничную, и камеристку.

Что их с матерью ждет в недалеком будущем, было даже страшно думать. Так что, Себастин вроде как снова выручает, но опять его помощь отдает горечью и пахнет не очень приятно.

Очнувшись от печальных воспоминаний и безрадостных раздумий, Альвина выбралась из кресла и направилась наверх. Заглянув в комнату матери и убедившись, что та спит, ушла к себе. Раскрыв шкаф и осмотрев три своих платья, немного белья и облезлую шубку, решила, что ничего этого брать с собой не стоит. Раз Себастин утверждает, что он ее муж, то пусть и позаботится о гардеробе жены. А она, пожалуй, ляжет спать, день был трудный, а тяжелые воспоминания забрали у нее остатки сил, раздумывать о чем либо еще не было уже никакого желания. А еще ей предстоит как-то объяснить матери, что ее дочь теперь герцогиня Адъяр и вынуждена уехать, оставить ее одну. Но утро вечера мудренее - так когда-то говаривала ее няня.

Глава третья

Утро для Альвины началось с громкого стука в двери их дома. Она подскочила на кровати, еще толком не проснувшись, и с ужасом слушала грохот, потом шум прекратился и раздался громкий голос, от звука которого девушка поморщилась. Открылась дверь и в комнату ворвалась служанка с огромными от испуга глазами и, заикаясь, заполошно прокричала:

- Там, там, это, вас требуют, они говорят, что если вы не п-п-появитесь немедленно перед ними, они п-п-поднимутся к-к-к вам и-и-и сами вытащит вас из кровати.

- Кто они? - спросила раздраженно Альвина, выбираясь из постели и накидывая халатик.

- Так это, вчерашний гость ваш. Спускайтесь уже, госпожа, а то они сейчас здесь будет.

Альвина тяжело вздохнула. Ванная одна на весь дом и чтобы ее посетить придется пройти по коридору. Если и правда, Себастин уже поднимается по лестнице и она столкнется с ним, выйдя за двери? А в ванную очень хочется.

В комнату, отодвинув служанку, вошла герцогиня. Морщась и держась за голову, она тихо спросила:

- Какой вчерашний гость? Что ему надо и почему он так шумит?

Герцогиня мучилась от похмелья, у нее болела голова, ей было плохо. Альвина глядя на мать, подумала - хорошо, что та не пугается грохота и криков, только ее истерики сейчас не хватало.

- Доброе утро, мама, - стараясь говорить спокойно, ответила девушка, - разреши, я сейчас посетую ванную и потом все тебе расскажу.

Герцогиня прошла в комнату и села на край кровати.

- Да, будь добра, расскажи уж кто же нас посетил с таким грохотом.

- А ты, - обратилась Альвина к служанке, - спустись вниз и скажи гостю, что я приду очень скоро. И да, хоть в ноги ему падай, поперек лестницы ложись, но не пускай его наверх. Поняла?!

Служанка испуганно икнув, закивала головой .

- Да иди уже! - прикрикнула Альвина и служанка метнулась из комнаты.

Вернувшись из ванной, где провела считанные минуты, Альвина застала мать, лежащей на кровати и мирно дремлющей. Осторожно, чтобы не потревожить ее, девушка открыла скрипучую дверь шкафа и, достав платье, оделась, заплела косу и привычно уложила ее вокруг головы. Герцогиня очнулась, и, поднявшись, спросила у дочери:

- Ты не ответила, кто нас навестил. Граф Фрэмير? Хотя нет, он вежливый и воспитанный молодой человек и не стал бы так грохотать.

Дочь подошла к матери и села рядом, обняв ее за плечи, Альвина невольно поморщилась - от герцогини не очень приятно пахло.

- Мама, - сказала девушка, стараясь дышать через раз, - ты сейчас пойдешь в ванную и приведешь себя в порядок, оденешься, причешешься и спустишься вниз, чтобы поприветствовать гостя.

- Да кто он? - раздраженно воскликнула герцогиня, дыхнув на дочь перегаром.

- Мамочка, ты только не пугайся, но это герцог Адъяр.

- Кто?! Что ему нужно? - испуганно прохрипела герцогиня, обхватив горло ладонью

- Нет, нет, успокойся, это не тот герцог, это его сын Себастин.

- Себастин? Он привез нам разрешение уехать отсюда? Нам все вернут? Нас помиловали?

Робкая надежда, прозвучавшая в голосе матери ударила девушку наотмашь. Ну как сказать, что Альвина уедет без нее?

-Нет, мама, это не совсем так, но в двух словах всего не объяснишь, - вздохнула девушка, - а мне очень надо спуститься к герцогу Адъяру, ты же слышала, как он бушевал. Но ты не пугайся, Себастин ничего плохого нам не сделает, скорее наоборот, наша жизнь изменится к лучшему.

Последние слова Альвина произнесла как-то неуверенно и мать это уловила. Герцогиня сжала руку дочери и, заглядывая ей в глаза, произнесла:

- Аля, я не смогу, мне будет тяжело, если что-то изменится в худшую сторону. Может пусть все будет так как есть сейчас?

- Если что-то или кто-то не изменит нашу жизнь, то дальше будет все хуже, а не лучше, мама, - воскликнула девушка, стряхивая руку матери и вставая с кровати, - прошу тебя, приведи себя в порядок и спускайся вниз.

- Альвина, мне будет тяжело встретиться вновь с Себастином, помня, что...он ... видел...нас..., его отец,...да и он сам...

- Перестань, мама, столько лет прошло, пора все забыть, а Себастин не будет напоминать при каких обстоятельствах видел тебя в последний раз, и уж тем более не станет смотреть на нас, как на падших женщин.

Альвина развернулась и быстро вышла из комнаты. Пройдя несколько шагов по коридору, она увидела в изножье узкой лестницы служанку, вцепившуюся в перила, та всхлипывала и подвывала, косилась на трость, но перегораживала разъяренному герцогу путь наверх. Резкие слова так и просились с языка, но Альвина вспомнив, что собиралась быть с герцогом вежливой и любезной, засунула свою язвительность подальше.

- Ну наконец вы появились, - проскрипел раздраженно Себастин, увидев девушку.

- Вилма, иди на кухню, помоги матери приготовить завтрак, - распорядилась девушка.

Служанка всхлипывая, осторожно обошла герцога и быстро исчезла.

- Доброе утро, ваше сиятельство, - проговорила Альвина, спускаясь по лестнице и мило, как она надеялась, улыбаясь.

- Доброе утро, - пробурчал мужчина, подавая руку девушке и помогая ей сойти с последних ступенек.

Герцог нехотя освободил пальцы Альвины из жесткого захвата своей ладони, девушка с трудом удержалась, чтобы не поморщиться от боли. Стараясь все так же улыбаться, она предложила мужчине пройти в гостиную.

- Какая гостиная! - возмутился герцог. - Вы помните, о чем мы договаривались накануне вечером?

- О чем мы договаривались? - у девушки уже сводило челюсти от старания удержать улыбку на лице. - Ах, да, вы требовали - я должна быть готовой к отъезду. Но на дворе раннее утро, я еще не завтракала. И, ваше сиятельство, вчера вы не захотели поздороваться с моей матерью герцогиней Лэвирин. Это невежливо уехать и не сказать пару слов теще. Она скоро спустится, а пока предлагаю пройти в гостиную. Думаю, мы все же не все решили и нам есть что обсудить.

Герцог что-то проговорил сквозь зубы, Альвине почудились ругательства, но она все так же улыбаясь, направилась к дверям в гостиную, распахнула их и вошла внутрь, мужчине ничего не оставалось как пойти следом.

- Альвина прекратите улыбаться, - сказал Себастин, усаживаясь напротив девушки в то же самое кресло, что и вчера.

- Вам не нравятся мои улыбки? - спросила девушка, с облегчением перестав улыбаться.

- Я бы предпочел ваши искренние чувства, а не вымученные гримасы.

- Да неужели? И мне можно говорить все, что я думаю о вас?

- Нет, - теперь уже оскалился мужчина, - говорить мне гадости не советую, лучше промолчите, но и натянуто улыбаться не нужно. Итак, что вы хотели мне сказать? Но учтите, мое терпение не беспредельно, и время поджимает. Чтобы не застрять в темное время суток посреди леса, нам с вами надобно выехать хотя бы через час.

- А задержаться еще на день не желаете? Мы многое не обговорили и я бы хотела...

- Нет, - перебил Альвину герцог, - оставаться дольше не собираюсь. Мы поедем в удобной карете, так что обсудить что вас беспокоит, можем и в дороге. Я даже разрешу вам высказать свои пожелания и мысли по поводу нашей дальнейшей совместной жизни.

- О, боги, так мы все-таки уезжаем отсюда! - раздавшийся возглас заставил повернуться в ту сторону Альвину и Себастина.

В дверях стояла мать девушки. Себастин поднялся с кресла и подошел к женщине.

Склонившись над протянутой рукой герцогини, он невесомо поцеловал ее пальцы.

- Здравствуйте, леди Инесса, рад вас видеть в добром здравии,- произнес герцог, выпрямляясь и отпуская руку женщины.

- Себастин? - неуверенно спросила герцогиня.

Она явно с трудом узнавала в этом мужчине маркиза Плесэ.

- Мама разреши тебе представить герцога Адьяра, - сказала подошедшая Альвина.

Она мысленно облегченно выдохнула, не услышав запаха перегара (когда и как только успела избавиться от него?), да и выглядела мать прилично, даже простую прическу успела сделать.

- Герцог Адьяр? Мне жаль, Себастин, что ваш батюшка так рано ушел из жизни, - скорбно улыбаясь, произнесла герцогиня.

- Мама перестань, тебе нисколько его не жаль, туда ему и дорога, - не подумав, ляпнула Альвина.

Ой! Произнеся эти слова, девушка от досады прикусила нижнюю губу, хотя ей хотелось откусить свой язык. Ну вот кто ее просил высказываться? Она же обещала себе быть милой и предупредительной с герцогом!

- Простите, Себастин, - выдавила девушка из себя, пряча глаза.

Герцогиня, посмотрев на дочь, осуждающе покачала головой, затем обратилась к мужчине:

- Прошу меня великодушно простить, что я невольно подслушала разговор, но дверь открыта, а вы так громко говорили, Себастин. Вы ведь разрешите и дальше так вас называть?

- Да, конечно, леди Инесса, - ответил мужчина, бросив на Альвину злой взгляд.

- Ну что же мы стоим в дверях, - произнесла герцогиня, проходя в комнату, и устраиваясь в кресле, где только что сидела ее дочь, - прошу вас, садитесь, Себастин, и расскажите мне - зачем вы приехали. И ты, Альвина присаживайся. Надеюсь, вы не откажетесь, Себастин, от чая, я распорядилась его подать.

Мужчина стукнул тростью по полу, герцогиня вздрогнула и удивленно посмотрела на него.

- Альвина! - выразил недовольство герцог, не отвечая герцогине, что было весьма невежливо, - Вы не рассказали матери, что уезжаете?

- Нет, у меня, к сожалению, не было возможности это сделать, - виновато произнесла девушка.

- Или желания, - раздраженно заметил Себастин.

- Вы приехали, чтобы забрать нас отсюда? - с затаенной надеждой спросила герцогиня.

- Пожалуйста, Себастин, - умоляюще прошептала девушка.

- Что вы хотите от меня, Альвина? Я не могу забрать герцогиню, ее ссылка бессрочная.

- Как же тогда..., ведь я же слышала, что..., - растерянно произнесла герцогиня, - или я не так поняла ваши слова, Себастин?

- Покорнейше прошу меня простить герцогиня Лэвирин, - обратился мужчина к матери девушки, - но я приехал только за Альвиной, вы остаетесь здесь.

Девушка подошла к растерянной матери, оглушенной словами Себастина и, опустившись перед ней на колени, взяла ее ладони в свои и, глотая навернувшиеся слезы, произнесла:

- Прости, мамочка, я не знала, как тебе все сказать. Если хочешь, я никуда не поеду и он, - Альвина кивнула головой в сторону мужчины, - не сможет меня заставить. А если

увезет силой, то я при первой возможности сбегу и вернусь к тебе. И буду это делать до тех пор, пока ему не надоест меня возвращать и он оставит нас в покое.

- Леди Инесса, - обратился к обескураженной женщине герцог, - не обессудьте, но Альвина должна уехать со мной. А я позабочусь, чтобы вы жили здесь достойно.

- Как же я останусь без тебя..., как же так..., что же будет со мной без тебя..., - потерянно бормотала женщина, глядя на дочь и не обращая внимания на слова мужчины, - я не смогу..., я не такая сильная..., как же так...

- Герцогиня, - опять встрял Себастин, - я вам обещаю, что...

- Да замолчите вы! - в отчаянье крикнула Альвина герцогу.

Мужчина гневно сверкнул глазами на девушку, но закрыл рот.

Поднявшись на ноги, Альвина подошла к Себастину и, с ненавистью глядя на него и глотая злые слезы, произнесла:

- Уйдите, прошу вас, оставьте нас хоть ненадолго, не будьте таким бессердечным.

- Хорошо, я уйду, вернусь через полчаса, надеюсь, вам хватит этого времени поговорить с матерью. И я не отказываюсь от своих слов насчет поддержки герцогини, она не будет нуждаться.

Мужчина развернулся и вышел, а девушка закрыла за ним двухстворчатую дверь и, прислонившись к ней, пробормотала:

- Чтоб ты провалился.

Альвина отлепилась от дверей и, подойдя к креслу, села напротив смятенно смотревшей на нее матери.

- Я ничего не понимаю, Альвина, - потерянно сказала герцогиня, - выходит, что тебя помиловали, а меня нет? Почему так? Я больше виновата, чем ты?

- Все не так, мамочка.

- А как? Почему я должна остаться одна, без тебя? Кто будет заботиться обо мне?

Альвине было жалко мать, она любила ее, наверное..., но сквозь эти чувства поднималось холодное, злое раздражение. Это ведь мать должна жалеть ее, свою дочь, и заботиться все эти годы о ней, а не наоборот, и жертвовать собой она должна, а не Альвина.

Постаравшись отрешиться от обиды на мать, девушка рассказала почему она может уехать и при каких обстоятельствах вдруг оказалась замужем за Себастином. Мать ее внимательно слушала и по мере рассказа все более оживала.

Глава четвертая

Пока Альвина все рассказывала матери, герцог вместо того, чтобы уйти, прошелся по дому и попал в тесную кухню, где увидел испуганно икнувшую девчонку, преграждавшую недавно ему путь на второй этаж. От плиты к нему шагнула немолодая женщина и воинственно уперла руки в бока.

- Что вам надобно здесь? - недобро спросила повариха.

Герцог дернулся, чтобы поставить на место зарвавшуюся прислугу, но тот час же передумал - он не для этого сюда пришел.

- Доброе утро, дамы, - произнес учтиво Себастин, - позвольте представиться - герцог Адъяр, муж вашей хозяйки леди Альвины.

- Что? - растерялась повариха. - Как муж!

- Вот так, муж, - развел руками герцог, улыбаясь, - единственный и неповторимый.

Девчонка покосилась на трость в руке мужчины и пискнула:

- А вы это..., не врите?

- Нет, милая, я не лгу, - ответил Себастин, надеясь, что его улыбка не превратилась в оскал.

- Вилма! - прикрикнула на девчонку повариха, - Нельзя так разговаривать с господами.

Себастин подумал, что воспитание в этом доме всем бы не помешало, включая и хозяек.

- Вы что-то хотели? - уже немного подобревшим голосом спросила повариха.

- Да, леди Альвина и леди Инесса беседуют в гостиной и просили их не беспокоить. А я, честно говоря, не завтракал. Не покормите меня? Как вас, кстати, зовут, милая женщина?

- Ой, прямо уж и милая, - зарделась повариха, - Агатой меня зовут. А я сейчас покормлю вас. Вот садитесь тучочки.

Женщина засуетилась, стала вытирать и так чистый стол и табурет. Герцог присел на предложенное место, повариха быстро поставила перед ним тарелку с дымящейся кашей.

- Извините уж, господин, что так скромно, вот госпожа Инесса приказали подать чай в гостиную, да где ж я его возьму-то, вчерась еще кончился, а бакалейщик давеча отказался дать в долг.

Герцог чуть не подавился кашей (между прочим вкусной, рассыпчатой). Отложив ложку, он спросил:

- И часто у вас не бывает чая к завтраку?

- Первый раз такое, - тяжело вздохнула женщина, - мы ж когда приехали сюда, то жили хорошо, богато, только вот деньги-то и золото не бесконечны же. А взять еще неоткуда. Альвина уж каждую копейку считала, да все равно деньги, что вода, утекают. Вот по вам видно, что вы не бедный господин. Нашу девочку заберете отсюда?

- Да, сегодня бы хотелось выехать, - ответил мужчина.

- А и хорошо, что сегодня, зачем тянуть-то. Только вот как же госпожа Инесса-то, здесь что ли останется?

- Да, она останется, - герцог не хотел этого говорить, но все же добавил. - Герцогине я оставлю денег и золота, у меня с собой много нет, но в ближайшее время я пришлю еще, чтобы госпожа Лэвирин купила другой дом, намного лучше этого и оплатила все долги. Вашей госпоже больше не придется завтракать без чая.

- Ой, божечки, - покачала головой повариха, - вижу, что вы ничего не знаете. Нельзя давать госпоже в руки деньги.

- Почему? - удивился герцог.

Женщина, поджав губы, выглянула из кухни, закрыла дверь и, вернувшись к столу, села напротив мужчины.

- А я сейчас все расскажу, господин, как мы жили все эти годы и почему нельзя хозяйке деньги давать.

То, что рассказала кухарка, повергло его в шок. Конечно, он догадывался о том, что непросто живется Альвине, но вот то, что герцогиня пьет, для него было откровением. Себастин еще более укрепился в мнение увезти отсюда Альвину.

А в это время Альвина все рассказала матери, ну или почти все.

- Мама, я сделаю все, чтобы тебя помиловали, брошусь в ноги королю и королевы, думаю, что и Себастин так же все предпримет для того, чтобы ты смогла отсюда уехать, - закончив свой рассказ, уверенно сказала Альвина.

- Вовсе нет, - произнесла заметно повеселевшая герцогиня, - ты не поедешь никуда, пока твой муж не сделает все, чтобы меня помиловали. И вот тогда мы вместе уедем. Ты

обещала только что не оставлять здесь меня одну.

Альвина стиснула зубы, чтобы не застонать вслух от такого эгоизма матери. Девушка вдруг подумала, что, пожалуй, хочет уехать с Себастином, и желательно без матери. Если она здесь останется, то просто сойдет с ума от безысходности или начнет пить, как мать.

- Мама, - стараясь говорить спокойно, хотя ей это давалось с трудом, произнесла девушка, - я ведь тебе сказала, что Себастин грозитя увезти меня силой. И он это сделает.

- Да брось, - махнула на дочь рукой герцогиня, - он просто страшает и никогда не пойдет против тебя. Я же помню его, он был мягким, добрым, бегал за тобой, как щенок. Я подумывала, что он станет нашим зятем, но твой отец наотрез отказался даже говорить со мной об этом. Ты же помнишь, как он не терпел этих выскочек, появившихся, казалось, из ниоткуда, и получивших титулы и земли из рук короля Флориана непонятно за какие заслуги. Не переживай, твой Себастин сделает все так, как скажешь. Тем более, что он виноват перед тобой - столько лет не интересоваться женой! Вот пусть и искупает свою вину - постарается забрать и меня из ссылки, а не только тебя.

- Это невысказано, мама! - не сдержав своего возмущения, громко воскликнула Альвина. - Ты как будто не слышала, что я тебе рассказала! Это я виновата перед ним, мама! И он не имеет права забрать и тебя, по крайней мере, пока не может это сделать!

- Нисколько ты не виновата, ну подумаешь, разыграла мальчика, зато в конечном итоге он оказался по-настоящему женат на тебе. Так что должен благодарить, а не винить. И если ты забыла, то я помню, что отец твоего дорого Себастина виноват в том, что мы все потеряли! Да и Себастин, если ты помнишь, громил наш замок. Так что это он кругом виноват, а не ты. И он должен искупить свою вину.

- Мама! - возмутилась Альвина. - А что ты же не вспоминаешь, что отец тоже виноват в наших бедах, может даже намного больше, чем герцог Адьяр и его сын. Как он мог так поступить с нами, мама? На что он рассчитывал, организовывая заговор против короля?

- Прекрати! - строго сказала герцогиня. - Твой отец был честным, благородным человеком и не мог спокойно жить, зная, что на троне сидит узурпатор. Во всем виноват этот бастард Флориан и его прихвостни, такие же негодяи, как и он.

Девушке пришла в голову мысль, что, возможно, мать не так уж и невинна.

- Ах, мама, мама, - тяжело вздохнув, почала головой Альвина.

- Сделаешь все, как я скажу. Твой муж уедет один, без тебя, а мы подождем, пока он добьется моего помилования, если хочет получить тебя, то пошевелится. А ты должна потребовать от своего мужа создать здесь соответствующие нашему положению условия. Пусть купит дом, помнишь тот, в котором мы жили первый год? Еще потребуй, чтобы он оставил побольше золота и денег, но теперь я буду ими распоряжаться, а то ты неизвестно куда дела все, что мы привезли сюда. На что ты потратила наши деньги, Альвина? Почему у нас ничего не осталось?

Альвина пораженно смотрела на мать. Все эти годы она старалась как могла вести дом, экономить средства, считала каждую копейку. Да, когда приехали в этом богами забытый город, Альвина не сразу поняла, что деньги надо не просто экономить, а строжайше экономить. Но ведь золото и деньги, которые она смогла достать из тайника вообще могли им не достаться. И как бы они тогда жили? Когда деньги, золото, драгоценности почти кончились, Альвина стала продавать одежду, мебель, хорошо, что желающих купить было хоть отбавляй. И мать никогда не интересовалась, откуда дочь берет деньги, с чего вдруг они меняют дом, почему ее гардероб поредел, только недовольно морщилась и выговаривала ей,

перестав получать на завтрак то, что любила и еще больше замыкалась в себе. Герцогиня жила в каком-то своем мире, отгородившись от дочери. И только хмельная она в какой-то мере возвращалась к себе прежней, но это нисколько не радовало Альвину. Мать, оживавшая после приема вина, быстро впадала в буйство и успокоить ее было трудно. Наутро герцогиня мучилась похмельем и не помнила, что было накануне. Или делала вид, что не помнит? Эта мысль, пришедшая только сейчас, подступила невыносимой горечью к горлу.

И вот мамочка очнулась, воодушевилась, вполне в трезвом виде, но ничем хорошим это для Альвины, похоже, не обернется.

- Мама, то есть ты хочешь, чтобы я шантажировала Себастина? Не будет помилования матери - не получишь жену. Так что ли? А тебе не приходило в голову, что он столько лет даже не вспоминал про меня. Так с чего ты решила, что он и дальше не сможет жить без жены? Не боишься - если мы выставим твои условия, Себастин просто уедет и забудет про меня уже навсегда?

- Доченька, - хитро прищурилась герцогиня, - Себастин не просто так приехал. Ты ему понадобилась, это - несомненно, иначе он бы не появился здесь. Так что ты ему, думаю, очень нужна и он выполнит наши условия.

- Какие условия я должен буду выполнить? - внезапно раздавшийся голос заставил женщин повернуться к дверям.

В проеме стоял герцог и хмуро разглядывал герцогиню и ее дочь. Альвина подумала, что они с матерью так увлеклись разговором, что не услышали, как Себастин открыл дверь. Вот интересно, сколь долго он там стоит?

- Вам не кажется, ваше сиятельство, - раздраженно произнесла девушка, - подслушивать под дверью не достойно герцога Адьяра?

- Это не вам решать, Альвина, что достойно герцога, а что нет, - отозвался Себастин, проходя в гостиную и останавливаясь напротив кресел, где сидели женщины, - вы и раньше не очень-то были любезны, а в этой глуши вообще потеряли остатки своего воспитания.

- Ну что вы, Себастин, - защелбетала герцогиня, ей пришлось высоко поднять голову, чтобы говорить с мужчиной, - вы все не так поняли. Как мы можем ставить вам какие-то условия! Мы можем только просить вас выполнить наши пожелания. И да, вы, конечно же, правы, мы совсем одичали в этой глуши. Но как только попадем в приличное общество, соответствующее нашему происхождению и воспитанию, так сразу же все образуется, наладится. Знаете, есть такая поговорка - с кем поведешься, от того и наберешься. В этом ужасном городе, сами понимаете, нет обходительных, галантных и не побоюсь этого слова, породистых аристократов. Откуда им здесь взяться? И мы, несмотря на врожденное благородство, утонченность, видимо, начали скатываться до их уровня. Но, я еще раз посмею повторить - все быстро вспомнится, исправится, как только мы попадем в подобающее нам общество.

- Вы уверены в этом? - вкрадчиво спросил мужчина.

- Конечно, - твердо ответила герцогиня.

- Ну-ну, - недобро усмехнулся Себастин, - только вот какая незадача, леди Инесса, вы остаетесь здесь и продолжите общаться с грубыми, невоспитанными и незнатными горожанами. Так что, увы, вам еще очень долго придется скрывать свои врожденные воспитанность, доброту, тактичность и изысканность. А ваша дочь поедет со мной и, надеюсь, все же проявит присущие ей доброту, обходительность, уважительность к другим.

Фразы были напитаны иронией, это Альвина уловила. Ну да, она никогда не страдала

всепрощением, деликатностью. И что с того? Будь она мягкой, ранимой, сломалась, не выдержала бы всего того, что ей пришлось пережить.

- Нет, Себастин, - победно улыбнулась герцогиня, - вы ошибаетесь, Альвина не поедет с вами никуда, пока вы не добьетесь моего помилования. Она, как примерная, любящая дочь, не бросит на произвол судьбы свою мать. А если вы попыгаете увезти ее силой, то мы будем отчаянно сопротивляться. И я обращусь к королю, пусть он защитит нас, слабых женщин, от произвола и насилия.

Герцог презрительно, как казалось Альвине, кривил губы, рассматривая женщин, и не торопился высказаться.

Девушка замерла в ожидании ответа Себастина. Ей пришла в голову мысль, что мать, похоже, вполне справится и без нее, а если Себастин уступит теще, то... будет очень плохо. Альвина, теперь она это поняла со всей ясностью, готова уехать немедленно и забыть этот город, как страшный сон и, что уж таится от себя, она боится - а вдруг Себастин передумает и не возьмет ее с собой. Еще полчаса назад девушка, видя потерянную мать, не представляла, как она ее оставит, а сейчас осознала, что мать с легкостью жертвует благополучием дочери ради себя любимой. Альвина столько лет заботилась о ней, вела их нехитрое хозяйство, наконец, зарабатывала своим трудом, так пусть теперь мамочка отпустит ее. Да, пусть она, как дочь поступает эгоистично, бросает мать, как та выразилась, на произвол судьбы, возможно, потом ее будет мучить чувство вины, но оставаться здесь, когда забрезжила надежда изменить свою жизнь к лучшему, выше ее сил.

- Вы намерены пожаловаться на меня королю? - спросил Себастин.

- Да, если вы вынудите к этому, - уверенно ответила герцогиня.

- Леди Инесса, - обманчиво мягко проговорил мужчина, - неужели же вы забыли, что вам запрещена любая переписка, включая и прошения королю? Ваши письма, как вам известно, просто не дойдут до Его Величества.

- А, как же... так..., - растерялась герцогиня, - нет, вы не правы... этого не может быть...

- Вы что не знали? - удивился герцог. - То есть за столько лет вы ни разу не пытались отправить королю прошение о помиловании?

- Я пыталась, - призналась Альвина, - но мне пришел ответ, что если я еще раз посмею обратиться к королю, то нас закроют в остроге.

- Почему же ты мне ничего не рассказала! - возмутилась герцогиня. - У нас столько друзей, они бы помогли нам, и прошения достигли бы короля!

- Мама! - с обидой в голосе воскликнула Альвина. - Тебе все это время было ни до чего! Что же ты сама за столько лет не обратилась к этим друзьям? Почему я, а не ты писала королю?

- Но ведь это ты взяла все в свои руки, значит, это ты должна была...

- Как ты можешь так говорить!?! - Альвина застонала от раздражения и злости на мать.

- Дамы! - вмешался герцог. - Я здесь не для того, чтобы выслушивать ваши выяснения отношений.

- Так не слушайте! - взвилась герцогиня. - То, что я не смогу быстро достучаться до короля не отменяет того, что Альвина не поедет с вами до тех пор, пока вы не привезете мое помилование. Так ведь, доченька?

Альвина опустила взгляд и молчала. Герцог, взглянув на склоненную голову девушки, веско уронил:

- Моя жена едет со мной немедленно.

- Нет, - взвизгнула герцогиня, и обратилась к дочери: - Что же ты молчишь?

- Себастин, - подняла голову Альвина и неуверенно произнесла, - вы должны понять...

- Альвина, - перебил ее герцог, - перед входом в ваш дом стоит моя карета. Я прошу вас пройти в нее. Думаю, вряд ли в этом доме есть что-либо настолько дорогое для вас, чтобы вы захотели взять это с собой. Все, что вам понадобится в пути, мы купим по дороге.

- Не смейте распорядиться в моем доме и приказывать моей дочери, - несмотря на слова, уже неуверенно сказала герцогиня, - она никуда с вами не поедет.

Себастин протянул руку девушке:

- Альвина?

Девушка беспомощно посмотрела на раскрытую ладонь мужчины, затем перевела уже виноватый взгляд на мать. Герцогиня растерянно смотрела на дочь, хлопала ресницами и кривила губы в преддверии слез.

“О, богиня, - простонала мысленно Альвина, - Нет! Как бы и что бы там ни было, но я не могу вот просто так, сразу, поспешно уехать. Как мать останется здесь одна?”

Девушка вложила свою ладонь в руку Себастина и, опираясь на нее, встала с кресла напротив мужчины.

- Ваше сиятельство, вы требуете от меня невозможного, я не могу...

- Нет, - оборвал Альвину Себастин, - ничего неприемлемого я не требую, и вы вполне можете уехать сейчас же.

- Нет, нет, вы не понимаете, - замотала головой девушка.

Она попыталась вырвать свою кисть из жесткого захвата ладони Себастина, но он не отпустил. Ну, не драться же с ним, право слово?

- Послушайте, Альвина, - мягко обратился мужчина к девушке, - я оставил деньги вашей кухарке, она рассчитается в лавках и еще останется. У вас же есть кому поручить хотя бы ненадолго заботы о герцогине? Я оплачу все хлопоты.

Девушка кивнула:

- Да, у меня есть на примете одна женщина.

- Прекрасно, по пути мы заедем к ней и договоримся, надеюсь, это не займет много времени. Когда приедем в столицу, то все решим окончательно по поводу вашей матери. Но она, без сомнения, останется здесь.

- Доченька, - начала всхлипывать герцогиня, - как ты можешь слушать его и соглашаться с ним. А вы, герцог Адьяр, как смеее обсуждать меня в моем же присутствии.

- Мама..., - потерянно пролепетала девушка.

Себастин отпустил ладонь Альвины, затем обхватил ее за талию и притянул к себе, крепко обняв одной рукой, в другой он держал трость, от неожиданности она охнула.

- Прекратите, что вы делаете? - возмутилась девушка, положив ладони на грудь мужчины и попытавшись оттолкнуть его.

- Я уже говорил, Альвина, - сказал Себастин, опалая лицо девушки горячим дыханием, от которого у нее забилося сердце и пересохло во рту, - вы поедете со мной в любом случае и вам решать, как это будет. Свободно и комфортно, или насильно и связанной. С вашей матерью все будет в порядке, я позабочусь об этом. Вы даже, возможно, ее навестите спустя время. Вы поедете добровольно со мной в карете?

- Да, - согласилась Альвина, затуманено глядя в глаза Себастина, совершенно забыв о том, что рядом сидит мать и видит их объятия.

- Хорошо, - удовлетворенно кивнул герцог.

Себастин выпустил из объятий Альвину и потянул за собой к дверям.

- Альвина, - окликнула герцогиня дочь.

- До свидания, леди Инесса, - бросил Себастин, он не позволил девушке оглянуться, держа ее крепко за плечи, уводил из комнаты.

Глава пятая

Альвина сидела в карете напротив Себастина, он прикрыл глаза и, казалось, дремал. А девушка изумленно и растерянно размышляла о произошедшем. Три часа назад они подъехали к магазинчику госпожи Вэрней, куда Альвина сдавала свое рукоделие и рисунки. Себастин договорился с хозяйкой, что она будет заботиться о герцогине, и оплатил на полгода вперед предполагаемые расходы и вознаграждение для госпожи Вэрней за ее хлопоты. Оказалось, что герцог Адъяр прекрасно осведомлен о пагубном пристрастии матери Альвины и понимает, что нельзя давать в руки герцогини деньги.

В том же магазине герцог быстро выбрал плащ с глубоким капюшоном, перчатки и шляпу для Альвины. К сожалению, готового платья для девушки не нашлось, госпожа Вэрней предложила подождать пару часов, за это время подгонят, ушьют имеющиеся в наличии. Но герцог наотрез оказался ждать, и извинился перед Альвиной, что у них нет времени подобрать полноценный гардероб. Но к вечеру они должны проехать лес и достичь главного города этой провинции. Там они останутся на ночь, а утром посетят магазины и закупят все, что понадобится ей, Альвине, и что она захочет. А уже в столице закажут ей полностью гардероб.

И все это время Альвина, как замороженная следовала за герцогом и во всем с ним соглашалась. Что это такое было? Сейчас, когда этот морок, видимо, прошел, девушка удивленно думала, что герцог, по всей видимости, как-то воздействовал на нее. Себастин обладает ментальной магией? Да, нет, этого не может быть! Если бы он владел этим редким видом магии, то применил бы ее к ней еще восемь лет назад. Или нет, не стал бы этого делать? Или все-таки применял и тогда? Ведь когда-то она таяла в его объятиях, от поцелуев плыла в каком-то пьянящем, чувственном угаре. А потом испугалась своих чувств к нему и сделала огромную ошибку, поступила с Себастином жестоко.

Нет! Не может быть, чтобы Себастин принуждал ее с помощью внушения! Может дело в том, что она уже неосознанно согласилась, что поедет с ним и не нужно было никакой ментальной магии, чтобы она поверила и сделала то, что нужно Себастину? Он не был ей противен никогда, и его близкое дыхание, вероятно, всколыхнуло воспоминание о его поцелуях. И это стало последней каплей, перевесило ее сомнения в сторону согласия.

А может дело в том, что уже давно ее никто не обнимал и уж тем более не целовал? Конечно, после того, как ее избили и почти изнасиловали, она долго не могла даже думать о мужчинах. Но шли годы, то, что случилось, уже вспоминалось не так остро, уплывало за горизонт, подергивалось дымкой забвения прожитых лет. Ночные кошмары стали редки. Зато стали посещать стыдные, жаркие сны. В этих снах горячие, порочные руки неведомого мужчины гладили, исследовали ее тело, жесткие и в то же время ласковые пальцы делали с ней то, что, наверное, можно только во снах, знойное дыхание незнакомца опаляло, губы и язык терзали и мучили невыносимым, жгучим наслаждением. Она просыпалась среди ночи от сладостной неги, выгибающей ее тело в пьянящем блаженстве. И потом, вспоминая, что снилось, Альвина сгорала от стыда и затаенно желала, чтобы это повторилось когда-нибудь наяву, а иногда с тоской думала, что, скорее всего, это никогда не случится. Как-то, еще в той, безоблачной жизни, ее кузина притащила книгу с красочными картинками. Они вдвоем, краснея и хихикая, с жадным удивлением и любопытством рассматривали иллюстрации и читали текст, явно не предназначенные для юных барышень. Тогда ей стали впервые сниться эти грешные грезы. Не очень удачный опыт с бывшим женихом не отвратил чувственные сны, а после осады замка они прекратились, им на смену пришли кошмары. И вот, спустя время вернулось в ее сны, казалось, навсегда потерянное.

Последнее время, особенно после того, как Людвиг сделал ей предложение, она стала задумываться о том, что ей, скорее всего, предстоит провести всю жизнь одной. Женихи, что осмеливались просить ее руки, когда они приехали в Луйск, уже женились на более сговорчивых девушках. А те, что так и не нашли жен, точно не были ей нужны, уж слишком были отталкивающими - или уродами внешне, или слишком старыми и отвратными, или бедными, или еще с какими-нибудь явными недостатками, с которыми она не сможет смириться. И подрастающие, взрослеющие молодые люди тоже ее не привлекали. Что она будет с ними делать? Носы им подтирать? Да и, честно говоря, все это было отговорками, она просто не желала выходить замуж здесь, в Луйске. Где-то в глубине души она надеялась, что ее жизнь переменится в одно прекрасное мгновение. В Луйске Альвина ни с кем не могла просто поговорить по душам, ей не кому было пожаловаться, попросить совета. А копить все в себе становилось тяжелее. И она нашла отдушину - посещение храма богини Аумонэ, куда последние пару лет зачастила, хотя никогда не была неистово верующей. И Альвина, превознося молитвы, рассказывая все статуе богине, прося совета, принося небольшие пожертвования, в глубине души надеялась, что богиня смилостивится и поможет ей. Она даже рассказывала Аумонэ, что ее терзают грешные потребности тела, ей хочется испытать что это такое любовь мужчины, ведь то, что было с бывшим женихом, ее не удовлетворило, но и не отвратило. И произошедшее в замке уже почти не мучило ее кошмарными снами, почти забылось, но может потому, что она хотела это забыть. Так может приезд Себастина и открывшаяся тайна их венчания - ответ богини на ее молитвы? И теперь ее стыдные сны осуществляются?

Альвина испуганно взглянула на Себастина. Так не вовремя пришедшие воспоминания, мысли смутили ее. А что, если Себастин все-таки обладает ментальной магией и умеет

читать мысли или считывать эмоции и чувства других людей? Да и даже если он не обладает никакой ментальной магией, стоит только взглянуть на ее пылавшее лицо, то он, как казалось девушке, все поймет.

Но мужчина, навалившись на стенку кареты, по всей видимости, дремал. По крайней мере, его глаза были закрыты. Альвина облегченно перевела дыхание. Скосив взгляд на стоящую рядом с Себастином корзину, вздохнула - оттуда доносились такие вкусные запахи. Она отказалась, когда сев в карету он предложил поесть, ей показалось его предложение неуместным. Но теперь Альвина бы перекусила, тем более, что их не сильно трясло, ход у кареты на удивление плавный, карета небольшая, но сиденья и спинки, оббитые плюшем мягкие и удобные. И еще заметила девушка - карета была безлика, никакими гербами не украшена.

Живот требовательно заурчал и девушка бросила еще один испуганный взгляд на мужчину. Какой конфуз - звуки, издаваемые ее желудком, мог слышать Себастин! Но он все так же сидел с закрытыми глазами. Альвина подумала - может самой достать из корзины что-нибудь и успокоить свой живот. Но не стала этого делать.

Мысли Альвины опять заняла мать. Как она будет одна, без нее? А что если мать впадет в еще большую меланхолию и подавленность? Сумеет ли госпожа Вэрней позаботиться о ней? Девушка знала хозяйку магазина, как порядочную, добрую женщину, но хватит ли этих качеств, чтобы удержать герцогиню от пьянства и деградации? Девушка тяжело вздохнула. Думай, не думай, а теперь уже обратно Себастин Альвину не повезет, а пешком она не дойдет, да и он не отпустит. Так что лучше она отодвинет эти мысли в уголок, а когда представится возможность, обязательно навестит мать. И возможно, все-таки, герцогиню Лэвирин помилуют и она, Альвина, заберет ее из ссылки.

Девушка выглянула в окно, но ничего интересного не увидела - там мимо сплошной стеной проплывал лес. Ей пришла в голову мысль, что они едут сквозь безлюдные, густые дебри по вырубленной и не такой уж и широкой просеке. И их всего трое - она, Себастин и кучер. А если на них нападут разбойники? Сможет ли герцог отбиться от ватаги злодеев и грабителей? Но судя по тому, как он безмятежно дремлет, ей нечего опасаться, иначе нанял бы охрану или сидел на козлах с кучером и зорко оглядывал дорогу и окрестный лес. Представив себе эту картину, Альвина негромко фыркнула - да уж это было бы занятное зрелище.

Себастин открыл глаза и ясным взором, без капли дремы, посмотрел на девушку.

- Что-то вас рассмешило, Альвина? - лениво протянул герцог, не меняя позы.

- Нет, - ответила девушка, - мне совсем не смешно. Вы увозите меня неизвестно куда, уверив, что являетесь моим мужем, хотя не предоставили никаких доказательств этого. Я оставила мать на попечение чужой женщины. Думаете, у меня есть повод веселиться?

Себастин оторвался от стенки кареты и, нагнувшись, вытащил из-под сиденья саквояж. Открыв его, он достал несколько листов и протянул Альвине.

- Что это? - опасливо спросила девушка.

- Копии нашего свидетельства о браке и записей в храмовой книге о нашем венчании.

Ну же, Альвина, эти листы бумаги не кусаются.

Девушка не спешила их брать.

- А почему копии? - удивилась она.

- Настоящие документы спрятаны в надежном месте и я покажу их вам при первой же возможности.

- Не вижу смысла читать копии. Когда предоставите оригиналы, тогда и посмотрю.

- Как угодно, - холодно произнес герцог, пряча документы обратно и задвигая саквояж под сиденье, - а по поводу вашей матери - она взрослая, пожившая на этом свете не так уж мало лет женщина и вы не оставили ее на произвол судьбы. И еще - герцогиня Лэвирин должна заботиться о вас, а не вы о ней.

- Вам, мужчине, никогда не понять нас, женщин, - воскликнула Альвина, - переживших насилие! Не удивительно, что после того, что с нами случилось, мама не может никак прийти в себя.

- Да, возможно, но у вашей матери были вы рядом, она должна была думать в первую очередь о дочери, а вместо этого взвалила на ваши плечи заботы о себе.

- Прекратите! Вы не имеет право судить мою мать! Только не вы!

- Простите, Альвина, давайте прекратим этот разговор и не будем больше затрагивать эту тему. Но, позвольте, мне все же остаться при своем мнении.

- Ваше мнение для меня ничего не значит! - запальчиво выкрикнула девушка.

- Да-а-а? - сузив глаза, зло протянул Себастин. - Но вам придется считаться с моим мнением и со мной.

- Это мы еще посмотрим, кто с кем будет считаться!

- О! - неприятно усмехнулся Себастин. - Вы, видимо, помня наши прошлые отношения, думаете, что сможете мной вертеть, как прежде. Смею заверить, вам это не удастся.

- Вы в этом уверены, Себастин?

Он, все так же неприятно усмехаясь, оглядел девушку с головы до ног, задержав взгляд на груди (а что там можно рассмотреть под глухим и плотным платьем?) и губах, отчего та вспыхнула, с трудом сдержав порыв закутаться в лежащий на сиденье плащ.

- Альвина, вы не хотите поесть? - вдруг миролюбиво сказал Себастин совсем не то, что ожидала услышать девушка.

- Что? - растерялась Альвина.

- Я проголодался и предлагаю пообедать.

- Да, пожалуй, стоит и поесть, - неуверенно согласилась девушка, растеряв все свое раздражение от внезапной смены темы разговора, - но на ходу, в мотающийся карете это будет сделать неудобно. Может, остановимся на время?

- М-м-м, - пожевал губами Себастин, - вам надобно уединиться, извините, в кустиках?

- Нет, - смутилась Альвина, - и я не хочу это с вами обсуждать.

А ведь и, правда, как же она будет уединиться? Неужели все-таки в кустиках? А кто ее будет там охранять? Не Себастин же! Когда они ехали сюда, им с матерью на привалах отгораживали угол в шатре именно для этих целей, куда ставили специальное ведро, которое немедленно выносилось служанками. И они никогда не ели на ходу, всегда останавливались и возводили шатры, отдыхали полноценно после обеда. Может, поэтому так долго и добирались до места?

- Альвина, не надо смущаться, если вам надо, то говорите прямо, нам предстоит провести наедине в этой карете весь день до вечера и потом еще несколько дней нас ждет в пути. Думаю, что столько вы терпеть не сможете, а уж, извините, туалетных, а тем более, ванн комнат, в лесу, увы, нет.

- Мне никуда не надо! - разозлилась от двусмысленной и неудобной ситуации Альвина.

- Что ж, ваше дело, настаивать не буду, - пожал плечами Себастин.

Он подвинулся вперед, его колени задела ноги девушки, она спешно отодвинулась в

другой угол кареты. Себастин невозмутимо откинул немного спинку своего сиденья и достал оттуда доску, положил ее на сиденья таким образом, что образовался столик между ними.

- Так, что же нам тут положили, к заглядывая в корзины, произнес мужчина.

Он достал полотняную салфетку и предложил Альвине расстелить ее на импровизированном столике. Затем стал доставать еду и выкладывать на расправленную салфетку.

Альвина не стала капризничать, с аппетитом поела то, что выложил Себастин, тем более, что на их с матерью столе уже давно не было таких сыров и копченого мяса. Себастин не смотрел на девушку, вяло жевал, уставившись в окно. Боясь облиться, все же карету немного мотало, Альвина пригубила предложенное мужчиной вино. Она уже и забыла вкус хорошего вина, к тому же, если учесть, что и раньше-то почти его не пробовала. Сложив остатки еды обратно в корзину, Себастин убрал доску на место.

Глава шестая

Поев, Себастин опять навалился на стену кареты и закрыл глаза. Альвина с негодованием подумала, что он не хочет с ней общаться. А впрочем, у нее тоже нет желания с ним разговаривать! Надувшись, девушка некоторое время пыхтела, как ежик, вызывая у Себастина улыбку, которую он с трудом сдерживал.

Когда Себастин принял решение все-таки навестить Альвину, не был уверен, что заберет ее с собой. Прошло столько лет, ему казалось, что его любовь выветрилась, как сладостный, одурманивающий дым от погасшей ароматической свечи. Все эти годы он изредка вспоминал ее и представлял, что, возможно Альвина подурнела, или того хуже, вышла замуж, не ведая, что брак недействителен, и нарожала кучу детей. Но появление кузена с просьбой замолвить слово перед королем о его женитьбе на Альвине Лэвирин, весьма его удивило. Оказалось, что Альвина, по словам Людвига, очаровательная, милая, добрая девушка. А то, что кузен назвал ее заботливой, еще больше поразило Себастина. Неужели самовлюбленная, вздорная, не сдержанная на язык Альвина изменилась? Нет, скорее всего, она просто притворяется, чтобы приворожить, заморочить голову молодому человеку, младше нее на несколько лет. Так он думал, направляясь в этот богами забытый Луйск. Он хотел все Альвине рассказать, разбить (растоптать, сорвать) лелеемые ею матримониальные планы и уехать, оставив без надежды иметь когда-нибудь мужа и детей. А он вполне проживет и без законной жены, ведь чтобы иметь наследника не обязательно жениться. Слава богам, вернее королю Флориану, в королевстве теперь есть закон, позволяющий признавать бастардов и передавать им титул.

И что в итоге он сделал? Он забрал Альвину, чтобы открыто признать своей женой, зачем-то приплел требование короля, хотя на самом деле это было не совсем так. Король Флориан советовал ему жениться, но не настаивал. А сейчас Себастин притворяется, что дремлет, чтобы не вступать с Альвиной в разговор, переходящий в перепалку, у него нет пока на это желания. Но потом ему все же придется показать Альвине, что она обязана безропотно подчиняться ему, теперь он ее господин и повелитель. Себастин чуть не фыркнул громко вслух - научить своенравную Альвину послушанию будет очень даже забавно.

А пока, пожалуй, стоит просто насладиться незапланированным отдыхом и не думать ни о чем серьезном, забыть на время заботы и тревоги. Ему еще предстоит непростой разговор с королем по поводу своей женитьбы больше восьми лет назад и объяснить почему он столько лет это скрывал. Но Флориан и сам не без греха, прежде чем жениться на

Эмилиии, наворотил дел, наделал ошибок, даже дочерью обзавелся, не подозревая, что именно Эмилия ее мать. Флориан его друг, старший названный брат, именно король помог Себастину несколько лет назад выбраться из безнадежности, остановил его саморазрушение.

Альвина упрекнула, что он никогда не поймет ее и герцогиню, перенесших то, что они пережили в осажденном замке. Да, такому насилию он не подвергался, но ведь и Альвина вроде бы избежала этого. Себастин считал все эти годы, что появился вовремя. Колючий холодок пробежал по спине от мысли - а если все же он не успел? Нет, судя по тому, что он видел тогда и помнил, Альвину не изнасиловали, а вот герцогиню..., тут он не был уверен, солдата он стащил с женщины со спущенными штанами. И спросить не у кого, зарвавшихся гвардейцев он убил, а спрашивать о таком у герцогини или ее дочери не решился бы.

Да, его, конечно, не насиловали, но Себастин пережил то, что не пожелал бы даже врагу. Впрочем, кое-кому он бы пожелал этого. Во время очередного расследования о незаконном применении магии, Себастин оказался в плену у эльмфейцев, извечных их врагов. Он никогда не забудет того, как лежал обездвиженный на жертвенном алтаре эльмфейских магов. Никогда не сотрется из памяти омерзительное чувство, что им питаются, высасывают из него магию, жизненные силы, чувства, эмоции. Вначале им овладела злость от невозможности сопротивляться, ненависть к своим палачам, потом беспросветное отчаянье, затем тошнотворное бессилие. Как забыть унижительную беспомощность, страх за свою жалкую жизнь и желание жить, несмотря ни на что? А зачем эта жизнь была ему, если бы он остался калекой, высушенным, испитым до дна, без магии, без способности чувствовать хоть что-то, кроме опустошения и пустоты внутри себя? Как бы он жил потом ущербным? Но тогда, несмотря на все, он хотел жить, даже когда уже ничего не мог соображать от боли, все равно хотел жить. И очень хотел отомстить тем, кто ломал ему кости, резал ножом, колол раскаленной иглой. Но этим зверям под личиной людей этого было мало, им надо было, чтобы он фонтанировал не только ненавистью, болью, злостью, отчаяньем, страхом. Когда они напитались его отрицательными чувствами и эмоциями, на сцену выступил маг-менталист. Он стал выуживать из памяти Себастина эпизоды его жизни, и он вновь переживал такие чувства, как любовь, нежность, жалость, сочувствие, испытывал радость, удовольствие, наслаждение. По мере того, как эльмфейцы питались, Себастину казалось, что он опустошался, иссыхал, скукоживался, как высыхающий осенний лист. Им все больше и больше овладевало безразличие, апатия, все куда-то уплывало - и его ненависть к своим палачам и любовь к Альвине и его обида на нее и чувство не удовлетворенной мести по отношению к ней и желание жить. Все развеивалось, исчезало в дымке потерянных чувств и эмоций. Вместе с этими чувствами и эмоциями переплетаясь с ними, болезненно и тяжело тянулась и покидала его магия. Оставалось только сосущее чувство потери чего-то важного, но и это, наверное, со временем прошло бы.

Когда в затерянный среди леса потаенный храм магов из Эльмфеи ворвались сотрудники его отдела по борьбе с магическими преступлениями, он испытал чувство удовлетворения, облегчения, видимо, еще не все эмоции у него выпили. Это было последнее, что он видел и чувствовал, впадая в беспамятство.

После того, как Себастин пришел в себя, первое, что почувствовал, была боль. Но то была физическая боль от переломанных рук и ног, колотых и режущих ран. А в душе и сердце зияли пустота и холод. Король Флориан взял его под свою опеку и лично, несмотря на высокую занятость, занимался его восстановлением. Тело зажило, но одна нога оказалось настолько раздробленной, что восстановить полностью не удалось, поэтому Себастин

хромал и с трудом обходился без трости. Чувства и эмоции постепенно, неохотно, медленно, но возвращались. Отрицательные, негативные (гнев, раздражение, злость и иже с ними) теперь почему-то резко, неожиданно вспыхивали и их было трудно сдерживать. А положительные (радость, жалость, наслаждение, симпатия и другие) наоборот почти не проявлялись, а если и появлялись, то были какими-то приглушенными, еле различимыми. С магией было сложнее, но по настоянию Флориана и с его помощью, Себастин после долгих уговоров и настойчивых просьб, согласился “занять” магию у других. Несмотря на то, что теперь Себастину были почти не ведомы жалость и сочувствие, ему это претило, он помнил, как тяжело было, когда забирали его магию. Но те, кто отдавал часть своей магии, делали это добровольно, это в какой-то мере примиряло Себастина с необходимостью подпитки от других. Оказалось, что Себастин не совсем чистокровный инданиец, в его роду затесались эльффейцы. Но, как объяснил Флориан, это и хорошо, иначе бы он не смог воспользоваться магами-донорами для пополнения своего магического резерва. И все же было не все так просто, все-таки его инданийская часть сопротивлялась приходящей извне магии, это было противно самой сути магии Индании. Приходилось, чтобы сохранить, усвоить заимствованную магию, наносить удерживающие ее татуировки. И произошло кое-что еще. Когда значительно уменьшилась его инданийская магия, вернее магия их бога Конэура, всплыла спящая до этого в зачаточном состоянии эльффейская магия, то есть магия Мэнтира, бога Эльмфеи. И оказалось, что у Себастина есть небольшие способности к ментальной магии, это была магия лукавого, темного бога Мэнтира, когда-то он создал княжество Эльмфея и ему там поклонялись. В Индании был почитаем его брат, бог Конэур, основатель королевства, его магия здесь главенствовала. И в Эльмфеи и в Индании богиней милосердия и заступницей женщин считалась Аумонэ, сестра Мэнтира и Конэура.

Тысячу лет назад в этот мир пришли высшие существа, обладающие магией - боги. Их было трое - два брата и сестра. Братьев звали Мэнтир и Конэур, сестру - Аумонэ. Боги были красивы, высоки ростом, широкоплечи, громогласны, богиня отличалась от них хрупкостью, нежным ликом, тихим голосом.

Среди людей магов в те времена не было. Люди в те времена жили спокойной, размеренной жизнью в полном единении с природой. Городов не было, люди жили общинами, занимались земледелием, охотой, рыболовством. Главами общин выбирались самые уважаемые, влиятельные, почитаемые мужчины. Убийство считалось особо тяжким преступлением, убийце было одно наказание - смерть, забравший жизнь расплачивался своей. Женщины не участвовали в общественной жизни, они были хранительницами очага, вели дом, воспитывали детей в соответствии с устоями общинной жизни.

Пришедшие объявили себя богами, которым подвластно все в этом мире. Чтобы продемонстрировать свое могущество, они за три дня вырастили только что посеянные злаки и с помощью своей силы помогли собрать невиданный доселе богатый урожай. Конэур оживил только что умершего отца большого семейства, раненного на охоте. Радости родных не было предела, у него оставались куча детей мал-мала меньше. Мэнтир сжег часть степи вместе с дикими кочевниками там обитающими и досаждавшими своими набегами. Люди испугались такой жестокости. Аумонэ объявила, что может вылечить любого, к ней потянулись бесконечные потоки больных и всем она помогала. Очень быстро братья объединили все общины и встали во главе, теперь они определяли жизнь общин, судили и выносили приговоры, устанавливали свои законы и правила. Не согласные с богами жестоко наказывались, особенно был скор на расправу младший брат - Мэнтир, только Аумонэ

способна была смягчить гнев братьев, к ней обращались за милостью, просили заступничество перед братьями. Нежная и добрая Аумонэ принимала всех, кто к ней обращался, старалась помочь.

За очень короткое время жизнь людей под руководством и с помощью богов изменилась. Выросли каменные города, их соединили широкие дороги, выстроились величественные храмы, посвященные пришедшим богам, в которых жрецы не только славил богов, но и занимались просветительской деятельностью, при храмах открывались школы, грамоте обучались все, в том числе и женщины. В городах развивались ремесла, в сельской местности культурное земледелие и животноводство. Развивалась рудодобывающая отрасль и вместе с тем добыча драгоценных камней и золота, которыми теперь расплачивались за товары и услуги. Стала развиваться торговля. Наметилось разделение на сословия и материальное неравенство.

Все это время, что боги жили среди людей, они брали себе молодых девушек, проводили с ними какое-то время и отпускали с подарками и напутствием не выходить замуж. Девушки, побывавшие с Конэуром, возвращались здоровыми, радостными, довольными. Внимания Мэнтира девушки боялись. От него они возвращались тоже с подарками, но чаще всего потухшие, испуганные, со шрамами на теле и ни одна не могла рассказать, что Мэнтир с ними делал. Они все помнили, но не могли рассказать, как не пытались. После Мэнтира и без предупреждения не выходить замуж, девушки панически боялись мужчин. Эти девушки пытались найти защиту у Аумонэ. Богиня их утешала, лечила раны душевные и телесные, но не заступалась перед Мэнтиром. Иногда Мэнтир забирал красивых юношей, больше их никто не видел.

Все девушки, побывавшие с богами, оказывались беременными и впоследствии рожали здоровых и красивых детей. Подросших детей боги забирали и воспитывали сами, все эти дети были магами. Они не были всеильны как их отцы. Взрослеющих детей боги женили между собой, руководствуясь своими соображениями, не спрашивая согласия юношей и девушек.

Первых магов-людей обучали сами боги, затем последующих уже их родители или учителя из магов. Со временем выяснилось, что дети Мэнтира и дети Конэура владели разной магией. Дети Конэура пользовались природной стихийной магией, они могли призывать воду или огонь или воздух или землю, магию черпали из окружающего мира. Редко кто из них мог пользоваться несколькими стихиями. Дети Мэнтира применяли другой вид магии, для колдовства им требовались заклинания, обряды, заклития, жертвоприношения. Для того, чтобы составлять заклинания они использовали слова, руны, жесты. Для пополнения своих потраченных сил, они использовали жизненную силу, эмоции живых существ - людей, в идеале магов - детей Конэура, но использование в каких-либо целях детей Конэура им было строжайше запрещено.

Магами были только мужчины, женщины были носительницами дара. В детстве у девочек магический дар был, как правило, слабым, но как только у нее приходили лунные дни, и этот слабый дар закрывался, вернее, засыпал, в дальнейшем мог проявиться в ее детях, если не заглушался магическим даром отца детей. Иногда у девочки оставались крохотные остатки магического дара, например, небольшая предрасположенность к целительству или зачатки ментальной магии.

У простых людей не рождались магически одаренные дети, потому что для того, чтобы родился маг, необходим был маг-отец и мать-носительница магического дара. Но и те, и те

были только потомками богов.

Боги создали два государства - королевство Индания, в котором обосновался Конэур и княжество Эльмфея, в котором правил Мэнтир. Государства мирно соседствовали и не конфликтовали между собой. Но оба бога создавали свои, подчиненные только им армии из людей, они сами обучали их военному делу. Не конфликтуя между собой, армии под предводительством богов, постепенно завоевывали разрозненные племена, захватывали новые территории, присоединяли их к своим государствам. Королевство и княжество быстро разрастались

Постепенно из магов создавалась высшая аристократия. В королевстве и княжестве образовалась монархия. В королевстве правил король - самый сильный маг, затем его потомки, в княжестве - Верховный князь и его потомки. Аристократы, которыми были только маги, получали титулы и земли. Все больше развивались ремесла, торговля, военное дело, сельское хозяйство. Но в тоже время расслоение общества на сословия и материальное благополучие росло.

Прожив среди людей почти сто лет, боги ушли, оставив после себя два сильных, развивающихся, просвещенных государства, многочисленных потомков - магов. Перед уходом, они завещали не воевать друг с другом, обещали наблюдать за этим миром и когда-нибудь вернуться.

Но прошло пара поколений, как была развязана первая война между королевством Индания и княжеством Эльмфея. Поводом для войны послужили территориальные разногласия и стремление Эльмфеи подчинить Инданию, чтобы получить в безраздельное пользование магов - инданийцев. Война была разрушительной, длительной, безмерно кровопролитной, беспощадной, бесконечно жестокой. В той войне погибло много магов и людей, были разрушены почти до основания большое количество городов и сел. Эта война показала, как различна магия инданийцев и эльмфейцев. Но все же жестокая, кровавая магия Эльмфеи не могла одолеть магию Индании, черпающую свою силу в окружающем мире. Измотанные войной государства, много потерявшие, ослабленные, осознали, что они на краю собственной гибели, победителей в этой войне не будет. Индания и Эльмфея заключили мирное соглашение, определили границы между государствами. Но и после этого соглашения иногда вспыхивали войны, но уже не такие сокрушительные, как первая. Эльмфейцы постоянно стремились завоевать соседнее королевство, им нужны были маги - инданийцы, с помощью них они пополняли своей магической резерв, если проще сказать, то питались чужой магией.

И очередной жертвой стал Себастин, но в какой-то мере, как не жестоко звучит, это пошло на пользу ему. У него открылись способности к ментальной магии, спрятанные глубоко под грузом инданийской магии.

Но все же ментальная магия Себастину была подвластна не в полной мере. Мысли, как таковые, он читать не мог, видел только не всегда ясные образы и слышал отрывки фраз, но очень хорошо распознавал фальшь, ложь, был способен уловить что именно чувствует человек, прикрываясь совершенно другими словами и демонстрируя напоказ не то, что ощущает на самом деле. Еще мог воздействовать на человека, заставив его совершить что-то нужное ему, Себастину, но не всегда это было несложно сделать. Чаще всего это легко удавалось сделать, если желание было задавлено, но имелось, вытащить его было нетрудно и просто. Теперь Себастин уже мог только когда хотел, слушать чужие эмоции и чувства, но он много времени и сил приложил, чтобы научиться закрываться. И очень редко позволял

себе пользоваться новыми способностями, почему-то ментальная магия вызывала у него отторжение, если бы мог, он вообще никогда бы не хотел иметь у себя этот вид магии.

Да, шесть лет назад Себастьяну все это пришлось перенести и до сих пор он вынужден время от времени подпитываться от магов-доноров, но это нужно было ему все реже и реже, и потребность в чужой магии не была такой острой, как первое время. И он надеялся, что настанет момент, когда это не будет нужно совсем.

Себастин раздраженно подумал: “Вот зачем это все сейчас вспомнил? Собирался же просто насладиться отдыхом”.

Отвлечшись от невеселых воспоминаний, мужчина услышал сопение и возню на противоположном сиденье. Открыв глаза, он наткнулся на прямой взгляд Альвины.

- А-а-а-м-м-м, - замялась девушка и скованно улыбнулась, - Себастин, может, стоит ненадолго остановиться и немного размяться?

Понятно, Альвине захотелось в кустики, а сказать напрямую ей неловко. Что ж, не будем смущать девушку.

- Да, конечно, я тоже об этом подумал.

Себастин поднял руку и стукнул замысловато несколько раз по стенке позади себя, видимо, это был заранее оговоренный сигнал. Карета остановилась.

- Подождите, Альвина, - задержал девушку герцог, видя, что она пытается открыть дверь, - вначале выйду я, огляжусь, потом помогу выйти вам.

- Хорошо, - согласилась девушка, убрав руку.

Себастин выбрался из кареты и закрыл за собой дверь. Спустя время, когда Альвине было уже невтерпеж, он открыл дверь и помог выйти девушке. Она, спустившись со ступенек кареты, огляделась - по обе стороны дороги стоял густой лес, высокие деревья переплетались кронами, а сквозь низкий кустарник, казалось, невозможно будет пробраться. И что ей делать? Куда пойти, чтобы уединиться?

- Альвина, - окликнул растерянно оглядывающуюся девушку, Себастин, - мне жаль, но вам придется пойти вместе со мной. Обещаю, что не буду подглядывать, но, увы, я вынужден стоять неподалеку. Все таки нас окружает дикий лес и я обязан охранить вас от неожиданностей.

- Я так понимаю, что у меня нет выбора, вы все равно пойдете со мной. Только вот куда? Вы уверены, что мы продеремся сквозь эти кусты?

- Уверен, - улыбнулся Себастин, - я вам помогу.

Глава седьмая

Спустя время Альвина, пунцовая, сидела в карете напротив Себастина и прятала от него глаза.

- Альвина, - улыбаясь, проговорил мужчина, - я не припомню вас так сильно смущающийся. Успокойтесь, я ничего не видел. Ну же Альвина, вы всегда были бойкой и уверенной в себе при любых обстоятельствах.

- Таких неловких обстоятельств у меня еще не было!

- У нас с вами были другие, - перестал улыбаться Себастин, - еще более неловкие.

- У нас много что было в прошлом. Все, что было, уже произошло, что толку об этом говорить. Если вы имеете ввиду осаду замка, то я не хочу вспоминать эти страшные дни.

- Знаете, Альвина, мне иногда приходит в голову страшная мысль, - вдруг разоткровенничался Себастин, - а если бы я не успел тогда, в тот день, когда ваш замок захватили гвардейцы? Это приводит меня в ужас.

- Вы обещали больше не вспоминать тот день, - укоризненно посмотрев на мужчину, произнесла Альвина.

- Простите, да, вы правы я обещал, еще раз прошу прощения.

Оба замолчали и каждый думал о своем. Альвине хотелось расспросить Себастина о многом, может он знает, что случилось с ее подругами, за кого они вышли замуж и какова теперь их жизнь. Хотя это конечно вряд ли, что он интересовался жизнью ее подруг, но а вдруг... Еще хотелось услышать о брате, она его давно не видела, он вырос, наверное, уже совсем взрослый. А ведь мать даже не вспомнила об Александре, не спросила у герцога о своем сыне. А еще девушка хотела бы услышать что случилось с Себастином, почему он хромает и выглядит старше своих лет. Нет, он не стал ей противен, даже, пожалуй, такой Себастин внешне был более интересен, несмотря на хромоту, эта трость делала его загадочным, пикантным.

Но Себастин отрешенно смотрел в окно кареты и совершенно не обращал внимания на девушку.

- Мы доедем к вечеру до Глосса? - любопытствовала, наконец, Альвина, устав молчать.

- Да, конечно, - тут же миролюбиво откликнулся Себастин, - там нас ждет горячий ужин и мягкая постель.

- Надеюсь, у нас будут разные номера в гостинице? - предположила настороженно девушка.

-Остановимся не в гостинице, а у графа Китэна. Мы с ним и его женой дружим с детства. И да, я попрошу приготовить для нас разные комнаты, несмотря на то, что представлю вас женой.

- Хорошо, да, так будет лучше - отдельные покои для нас. Мы с вами, как вы утверждаете женаты, но еще не доказали этого, да и мы по сути чужие люди друг другу, и я буду благодарна вам, если вы не будете посещать меня в спальне, - пунцовея от неловкости разговора, произнесла Альвина.

- О, нет, Альвина, - улыбнулся Себастин, - вы не так поняли, я не отказываюсь от супружеской постели, всего-навсего откладываю. Раздельные спальни будут только, пока мы добираться до моего дома. Можете считать меня сентиментальным, но я не хочу, чтобы ваш первый раз был в незнакомом доме, на чужих простынях.

Альвина тяжело сглотнула, в груди рассыпалась колючим ледяным крошечком совсем ненужная сейчас паника. Заметались перепуганными птицами мысли. Он ждет от нее непорочности? Он уверен, что она до сих пор...девственница? И что теперь? Что он сделает, когда убедится в обратном? Отправит к матери в Луйск дальше отбывать ссылку? Или простит? А может, не заметит того, что она уже потеряла невинность? Да нет, пожалуй, на это не стоит рассчитывать.

Себастин уловил, как от девушки повеяло стылым ознобом страха. Совсем недавно пунцовые щеки покрылись мертвенной бледностью. Чего она так испугалась? Его? Или все еще довлеет над ней боязнь близости после того, как ее пытались изнасиловать?

- Альвина, - осторожно спросил Себастин, - вас страшат супружеские отношения в спальне?

- Н-н-нет, - пролепетала девушка, сглотнув сухим горлом.

Может объяснить ему все сейчас, повиниться? В конце концов, она не знала, что замужем за ним! Она была невестой другого. Да она уже и забыла, что потеряла когда-то

невинность! Это было давно, в прошлой счастливой жизни, где остался теперь уже бывший жених. В те времена она считала, что у нее безоблачное, радостное будущее, была влюблена и думала, что ее любят. Поэтому уступила настойчивости маркиза Дэвиера, своего жениха, и любопытство сыграло свою роль. Да, потеря невинности до свадьбы позор и этого нельзя было делать, и она потом раскаивалась. Вернее, даже не так, она сожалела, что ее первый раз произошел в саду, на неудобной скамье в беседке. Тогда она подумала, что если бы все было как положено, в первую брачную ночь, на надушенных, шелковых простынях, то не было так стыдно и неприятно. Маркиз после того, как помог ей оправить платье и прическу, уверял, что безумно ее любит и теперь она его навеки и что он ждет - не дожидается свадьбы. В то время она ему хотела верить и полагала, что теперь после всего, что было между ними, жених никуда не денется. Спустя два дня по секрету рассказала все кухне. Альвина наврала, что все понравилось и она нетерпеливо ждет свадьбу, горячо желая все повторить. На самом деле тем, что произошло в беседке их сада, была разочарована. Но надеялась, что в супружеской спальне жених будет нежным, ласковым, а не напористым и торопливым.

- Альвина, - напряженно проговорил Себастин, - я не настаиваю на немедленном исполнении супружеских обязанностей. Но вы должны понять, что это неизбежно, и я бы не хотел, чтобы вы боялись...

- Я все понимаю, - нервно перебила его девушка, - и я не боюсь. Но мне неприятно и неловко это обсуждать сейчас.

- Хорошо, - согласился мужчина, - сменим тему разговора.

- Расскажите, что вы знаете об Александре, моем брате, - спросила Альвина, стремясь перевести разговор в другую сторону.

- К сожалению, я почти ничего о нем не знаю, - извиняющимся тоном промолвил Себастин.

- Но хоть что-то вы знаете? Он жив, здоров?

- Да, конечно же, он жив и здоров, я его видел несколько месяцев назад, на вид он был благополучен и весел.

- Весел? - опешила Альвина.

- Да, а что вас так удивляет? Он воспитывается в семье графа Натлера наравне с его наследником. Никто не лишал вашего брата титула. Родовой замок, земли и столичный особняк ему оставлены, остальное конфисковано, например, отошли короне, как я знаю, медные рудники на востоке, принадлежащие вашей семье и еще что-то, я, честно говоря, не вникал в это. Но если ваш брат будет преданно служить королю, то бедствовать не будет. Я вам позволю видеться с братом.

- Спасибо, - пробормотала девушка сквозь зубы.

- Не стоит благодарности, - усмехнулся герцог.

- А что еще мне будет разрешено, Себастин? - насмешливо спросила Альвина, едко улыбаясь.

- Все, что положено и дозволено герцогине, - пожал плечами мужчина, - я предоставлю вам свободу, например, в выборе платьев, драгоценностей, обивки для мебели, или можете полностью перестроить мой дом, и не знаю, что еще вам взбредет в голову и на что вы будете тратить мои деньги. В ответ вы должны, естественно, подчиняться мне, как своему мужу и господину, ничем и никогда не ронять имя герцогини Адъяр и хранить мне верность. Девушка деланно рассмеялась.

- О, какой вы щедрый! Да вы меня собираетесь баловать? Ах, какое счастье будет для

меня тратить ваши деньги. Не бойтесь, что я вас по миру пушу?

- Нет, не боюсь.

- А мне хранить верность, мой господин, вы будете? - сквозь невеселый смех спросила девушка.

- Да, - твердо и серьезно ответил Себастин, глядя прямо в глаза Альвины, - буду, это я твердо обещаю, нет, клянусь хранить вам верность. А вы?

- Я...я...я, не собираюсь...вам изменять,...ничего такого делать, я постараюсь, - растерянно пролепетала девушка, утратив всю заносчивость, - мне и в голову не придет - изменять мужу.

- Вот и прекрасно, этот вопрос мы выяснили, - удовлетворенно произнес Себастин.

- Да, это мы выяснили, но как насчет нашего прошлого?

- Прошлого? - удивился Себастин. - Что вы имеете в виду?

- Я хочу сказать - вы же не вели все эти годы целомудренный образ жизни? Или все это время хранили супружескую верность?

- Нет, я не хранил вам верность все эти годы, тут вы правы. Но позвольте объясниться, если так желаете. Я попытался забыть вас, и не буду скрывать, это мне почти удалось. Если бы не Людвиг с его желанием жениться, то я, может быть, так и не приехал бы за вами. И, возможно, мы бы провели жизнь вдаль друг от друга, и вы никогда не узнали о том, что замужем. Не надо фыркать на меня, я вполне понимаю ваше негодование. И давайте не будем думать и разговаривать о том, что бы да как бы. В данный момент мы едем в столицу, вы - моя жена, будете представлены королю, захотите, останетесь при дворе, я возражать не буду. Но, как уже сказал, я требую быть мне верной. Измены от вас не потерплю.

- Значит ваше прошлое, как поняла, мы не вспоминаем и не обсуждаем. А как быть с моим прошлым?

- А что с вашим прошлым? Что в нем такого, компрометирующего? Насколько я знаю, вы вели вполне скромный образ жизни в ссылке, и ни в каких связях с мужчинами замешаны не были. Или все не так?

- Я не хочу спрашивать, откуда вы знаете как я жила все эти годы, что, в общем-то, удивительно, ведь по вашим словам выходит - вы не интересовались моей жизнью. Сейчас я имею в виду мою жизнь до ссылки. Я собиралась замуж, у меня был жених. Или вы думаете, что мы с маркизом только за ручки держались? Ведь по всему выходит, что я с ним изменяла вам. А раз вы готовы все забыть, что было до этого дня, это значит, что и мои грешки аннулируются?

У Себастина взлетели вверх брови.

- Однако, - обескуражено произнес он.

- Я хотела сказать, что..., вернее, я не так выразилась, - испуганно и косноязычно забормотала девушка, понимая, что сказала лишнее.

Ну, вот когда она научится держать язык за зубами! И как так получилось, что разговор свернул совсем не туда!

- Вы хотели сказать, - справившись с удивлением, вкрадчиво произнес Себастин, - у вас была внебрачная связь с маркизом Дэвиером.

Альвина кусала губы и молча смотрела на Себастина, пытаясь подобрать слова, чтобы как-то объяснить.

Себастин внезапно рассмеялся.

- Какой я дурак, - сквозь злой смех проговорил он, - когда же я перестану думать о вас

лучше, чем вы есть на самом деле.

Он перестал смеяться и, брезгливо поджав губы, рассматривал девушку, скользя взглядом от прически до кончиков туфель, выглядывающих из-под подола платья и обратно, опять задерживаясь на губах и груди. Его молчаливый, оскорбительный взгляд поверг девушку в отчаянье.

- Мы были с маркизом Дэвиером помолвлены, до свадьбы оставалось совсем ничего, и это было только один раз! - иступленно воскликнула девушка. - И вы не смеете так смотреть на меня! Я не знала, что тот шуточный обряд на самом деле настоящий! И если бы не вы, я уже давно была бы счастливой женой и матерью!

- Не кричите, - совершенно спокойно сказал Себастин, - не надо ничего объяснять и оправдываться не нужно. Это уже ничего не изменит. А мне не привыкать обманываться в вас, только теперь это уже не задевает за живое. Надеюсь, внебрачного ребенка вы не прижили?

Калейдоскоп событий, что произошли в этот и предыдущий день, эмоциональное напряжение, в котором она пребывала последнее время, оскорбительные слова Себастина, пренебрежение в его взгляде разожгли пожар злости, ненависти, отчаянья, безысходности. Весь этот коктейль чувств огнем прокатился по венам и накрыл безумием. Иначе как объяснить ее дальнейшие действия?

Альвина кинулась на расслабленно сидящего Себастина и с криком "Ненавижу!" влепила пощечину, затем попыталась вцепиться ногтями в щеку, но опешивший в первое мгновение мужчина, успел перехватить ее руку за запястье. Поднявшись со своего сиденья, наклонившись к герцогу, Альвина застыла в неудобной позе, пытаясь вырвать свою руку из захвата, другой рукой она, чтобы не упасть, сильно сдавила колено мужчины. Это была пострадавшая нога, и Себастин не удержался - поморщился от боли.

- Пусти, ненавижу! - истерично кричала девушка, не помня себя.

Себастин оторвал вцепившуюся в его колено руку девушки и, держа за запястья, оттолкнул ее от себя. Отлетев на свое сиденье, Альвина сильно ударилась затылком о стенку кареты. Ей показалось, что на миг потеряла сознание, от боли перехватило дыхание, на глазах выступили слезы. Она застонала, прикусив губу.

- Успокоилась? - спросил Себастин, растирая пострадавшее колено.

- Ненавижу, - прошептала девушка, закрывая глаза.

- Слышал я это уже, слышал, - криво усмехаясь, ответил Себастин, - никогда не поднимал руку на женщин, как бы они меня не провоцировали. Но если ты еще раз попытаешься сделать что-то подобное, я изменю своим принципам.

- Ты уже это сделал, - с горечью в голосе сказала Альвина, не открывая глаза. Из-под зажмуренных век катились слезы, она прерывисто дышала.

Себастин сдержал порыв попросить прощение, решив, что пусть это будет для нее уроком.

- Отвези меня обратно, - попросила Альвина, по-прежнему не открывая глаза, - я не смогу быть для тебя хорошей женой, мы это только что выяснили.

- Нет, - коротко ответил Себастин.

Мужчина поднял руку и стукнул в стенку позади себя. Карета еще не остановилась полностью, а Себастин уже открыл дверь и, несмотря на больную ногу, выпрыгнул наружу, бухнув дверью.

Завернувшись в плащ, Альвина слышала, как Себастин нервно ходил вокруг кареты. Ее трясло, но совсем не от холода, затылок ныл, она тяжело дышала, пытаясь осознать происшедшее. И что это было? Как теперь им себя вести после этой безобразной сцены? Но может и к лучшему, что Себастин все узнал - не будет строить никаких иллюзий насчет нее. Да и она, пожалуй, избавилась от них. Себастин совсем не тот, кем был восемь лет назад. Он изменился не только внешне. Что же с ним случилось? И долго он еще будет наворачивать круги вокруг кареты? Сам же утверждал, что им надо как можно быстрее проехать этот бесконечный лес. Или все-таки решил вернуть ее назад?

Дверь кареты открылась и Себастин забрался внутрь. Хмуро оглядел закутанную в плащ, сжавшуюся на сиденье Альвину.

- Мы едем обратно? - хрипло спросила Альвина.

- Нет, мы едем дальше.

Себастин стукнул в стенку и карета сдвинулась и поехала.

- Я жду, - сказала Альвина.

- Чего?

- Хотя бы извинений.

- Я должен извиняться перед тобой? - удивился Себастин.

- Мы перешли на "ты"? - тоже удивилась Альвина.

- Да, а ты не заметила? - иронично спросил герцог.

- Я все еще жду.

- Я должен просить прощение за то, что ты потеряла невинность с другим, или за то, что ты напала на меня?

- За то, что напал на меня ты.

- Я?! То есть, по-твоему, я должен был сидеть и терпеть, пока ты бьешь меня?

- Да! Нет! Не знаю! Как ты мог оттолкнуть меня так, что я чуть не потеряла сознание!

- Хорошо, прости. Я не рассчитал силу, ты внезапно напала на меня и я, возможно, забыл, что передо мной хрупкая девушка.

- Но не только за это ты должен просить прощение. Я не позволю относиться ко мне пренебрежительно и без уважения.

- Да?! - поднял удивленно брови Себастин, чем разозлил Альвину.

- Да! - запальчиво выкрикнула девушка, сбрасывая с плеч плащ и выпрямляясь на сиденье. - И прекрати на меня поднимать свои брови! И если еще раз позволишь себе распуścić руки по отношению ко мне, то я просто убью тебя! Может не сразу, но подловлю момент для этого.

- Ого! Мне уже начинать тебя бояться?

- Бойся, а лучше начни уважать. Я понимаю, что ты зол и могу оправдать твоё негодование. Но и у меня есть что предъявить тебе. Ведь это ты в составе гвардии захватывал наш замок! И это твой отец виноват в том, что случилось со мной и моей матерью!

- Нет, я не участвовал в осаде замка.

- Но ведь я помню..., ты был в гвардейской форме!

- Да, я надел ее, чтобы свободно попасть в замок, никто кроме гвардейцев не могли, не имели право входить в замок, пока не закончен захват и все не зачищено.

- То есть пока не закончится грабеж, убийство и насилие над обитателями замка, - угрюмо уточнила Альвина.

- Да, возможно и так, - пожал плечами Себастин, - но я никогда не служил в гвардии.

- Неужели же,...тогда зачем ты там появился? Может из-за меня? - предположила девушка.

- Ладно, мы выяснили, что я не громил твой замок и не служил в гвардии. Какие еще претензии ко мне?

Он не хочет об этом говорить? Что ж, у нее есть еще что предъявить ему.

- Скажи, почему я, как дочь герцога Лэвирина могу покинуть ссылку, а моя мать, его жена, не может?

- Все очень просто, Альвина. На момент приговора ты была уже маркизой Плесэ, моей женой. То есть к роду Лэвирин уже не относилась, - ответил Себастин.

- То есть - удовлетворенно сказала Альвина, - ты хочешь сказать, что я могла не уезжать в ссылку?

- Ты не должна была уезжать в ссылку. Лично ты не была замешана в заговоре. Думаю, что король Флориан не стал бы возражать против того, что ты, как моя жена осталась бы, например, в моем замке, далеко от столицы.

- А тебе не кажется, что и ты виноват передо мной? Я не должна была, как ты выразился, уезжать в ссылку. Однако спокойно позволил мне уехать и столько лет жить вдаль от тебя, не подозревая, что ты мой муж по закону. Так не имеешь права в чем-то меня упрекать. Ты потерял его, когда отказался от меня, предал, если уж говорить откровенно!

- Лучшая защита - нападение, - усмехнулся Себастин, - впрочем, это твой излюбленный метод.

- А как еще защищать себя слабой женщине? Но в данном случае, ты и, правда, виноват.

- Мне покаяться? - насмешливо спросил Себастин.

- Да, и прощения попроси!

- Хорошо, - согласился мужчина, - я, наверное, должен был все тебе рассказать еще тогда, восемь лет назад.

- И что дальше? Ты согласен со мной? - недоверчивость так и сквозила в голосе Альвины.

- Я согласен с твоими обвинениями, что скрыл от тебя правду о нашей женитьбе. Но виноватым себя не чувствую. Тут уж извини. А насчет уважения..., так его надо заслужить. За что тебя я должен уважать сейчас? Уж не за то ли, что ты потеряла невинность, будучи не замужем? Вернее, переспала не с тем за кем была замужем. Так что получается, это измена, прелюбодеяние, дорогая моя женушка. А может, стоит уважения попытка свалить на меня свою вину?

- Судя по всему, это тебя очень задевает? И ты никогда не забудешь этого?

- Чего этого? Твою измену?

- Да какая измена? - в отчаянье выкрикнула Альвина. - Я не знала до вчерашнего дня о том, что оказывается замужем за тобой уже больше восьми лет!

- Знала, не знала, - зло ответил Себастин, - причем здесь это! Ты не сохранила себя, неужели же мать не объясняла, что только после свадьбы можно ложиться с мужчиной в постель?

- Ты же не собирался искать меня, тебе, как ты говорил было все равно где я и как живу. Ты сказал, что мог даже и не знать, что я вышла замуж. Так для чего эти страдания по поводу потери моей девственности не с тобой?

- Ты это сделала еще до того, как уехала в ссылку, до того, как вышла замуж. Ты, если хочешь, не соблюла себя.

- Да, я наделала много ошибок, и одна из них - потеря невинности с маркизом Дэвиером, который на тот момент был моим женихом. Но это не делает меня падшей женщиной. Да, не кривись, я знаю, что ты хочешь сказать - мы с тобой тогда уже были мужем и женой перед богом Конэуром. Но я-то не знала об этом! Может, я виновата, что уступила маркизу, но клянусь тебе - это было один раз! И я об этом горько пожалела! Если ты собираешься всю оставшуюся жизнь упрекать и всячески третировать за мою ошибку, то лучше верни пока не поздно назад. Я не буду безропотно сносить от тебя проявления неучтивости, презрения, брезгливости, и уж тем более, если будешь это делать публично! Если думаешь, раз я добровольно поехала с тобой, то буду все смиренно терпеть от тебя, спешу разочаровать - это не так. Ты прекрасно знаешь - милой и безропотной я никогда не была. Бери меня такой, какая я есть, а если не можешь, или не хочешь, то я столько лет жила без тебя и дальше проживу, только верни меня в Луйск.

- Нет, обратно ты не вернешься, - ответил опешивший от страстного монолога Себастин, - но я попытаюсь не вспоминать, скажем так, твой грех, но больше такого не потерплю. И не взыщи, никакие оправдания и отговорки, что ты не хотела, так получилось, ты невиновата, не знала, уже не помогут. И, я говорил, что не бью женщин, но все же советую не провоцировать меня. Я не намерен терпеть от тебя пощечины, царапины и тому подобное, то, что ты слабая женщина не повод нападать на меня.

- Я не знаю, что на меня нашло, - вздохнула Альвина, - но тоже советую не провоцировать меня. Мало ли что..., вдруг я опять не сдержусь. Но могу пообещать держать себя в руках..., насколько меня хватит..., если ты не будешь напрашиваться.

- Да, - тоже вздохнул Себастин, - смею заметить, что спокойной и тихой наша семейная жизнь не будет.

- Какой будет наша жизнь, зависит от тебя и меня, - несмело улыбнулась девушка.

- Ну да, ну да..., - пробормотал Себастин, задумчиво глядя на Альвину.

Она не знает что на нее нашло... А он подозревает, вернее, почти убежден, что это был эмоциональный откат после того, как применил к ней магию. Если она такая чувствительная к ментальному внушению, то, пожалуй, стоит быть с этим осторожнее. Но он не чувствует себя виноватым. Если бы не решился немножко, совсем чуть-чуть надавить на нее ментально, чтобы согласилась покинуть дом вместе с ним, то неизвестно, сколько бы еще герцогиня задерживала их. И кто его знает, а вдруг Альвина, идя на поводу у матери, наотрез отказалась бы уехать с ним. Так что он не сожалеет, что пришлось применить к Альвине ментальную магию.

Глава восьмая

Уже поздним вечером, когда окончательно стемнело, карета с четой Адъяр въехала в Глосс - главный город провинции Корибэ.

Альвина, утомившаяся за дорогу, устроилась, свернувшись калачиком на сиденье, и мирно спала. Слишком многое произошло с ней за последние два дня, и даже скрючившаяся поза, короткое сиденье, на котором было не очень удобно, тряска кареты по мощеному бульжнику города, не смогли нарушить ее сон.

Себастин зорко смотрел все то, время, что девушка спала, чтобы, не дай боги, она не упала на пол кареты. У него даже мелькнула мысль - сесть на сиденье Альвины, но он отменил это желание.

Карета остановилась перед домом, а Себастин не спешил выходить. Он раздумывал, глядя на девушку. Уже основательно стемнело, но Себастин прекрасно видел в темноте.

Разбудить Альвину? Если бы мог, то взял бы ее на руки и отнес в дом, но, увы, из-за своей калечной ноги не ступит и шага с ношей и без трости. Может, позвать лакея, и он отнесет Альвину? Нет, пожалуй, стоит все-таки разбудить, не дело, что его спящую жену в незнакомый дом внесет лакей.

Себастин наклонился и отвел от лица Альвины белокурую прядь волос, затем подушечками пальцев провел по щеке, она сморщила носик. Улыбнувшись, мужчина не удержался и обвел пальцем губы девушки. Альвина, не просыпаясь, нахмурилась и облизалась, розовый язычок, скользнувший по губам, заставил герцога сглотнуть сухим горлом, сбил дыхание. Вспомнилось, как когда-то не мог спокойно дышать рядом с этой девушкой, как неистово билось сердце, как изнемогал от жажды обладания и никто, кроме нее не мог утолить эту жажду. А она позволяла себя целовать и всегда вырывалась, стоило ему в порыве страсти, застилающей разум сладостным безумием, пойти чуть дальше. А маркизу, значит, не отказала! Эта мысль жгучим ядом разлилась по венам и отравила злостью и ревностью.

Себастин сжал плечо девушки и встряхнул ее. Она открыла глаза, еще затуманенные сном, отбросила плащ, которым была укрыта, и резко села, чуть не заехав макушкой в подбородок мужчины. Он откинулся на свое сиденье и сухо сказал растерянно моргавшей Альвине:

- Мы приехали.

- Куда? - озадаченно спросила девушка, силясь рассмотреть в темноте герцога.

- В Глосс, мы стоим перед домом графа Китэна, - пояснил Себастин.

Раздался стук в дверцу кареты и веселый мужской голос произнес:

- Себастин, ты решил всю ночь там провести? И почему подъехал не к парадным воротам?

Альвина спустила ноги на пол и стала на ощупь лихорадочно поправлять волосы и платье. Себастин иронично хмыкнул, глядя на это, и открыл дверь, в карете стало немного светлее. Наклонившись в распахнутую наполовину дверь, он, загоразживая собой проем, так же весело ответил:

- Ну что ты, Орест, твой повар слишком хорошо готовит, чтобы мне тут проводить ночь.

- Ну, так выходи, друг мой, и насладись прекрасным ужином в гостеприимном доме.

Конкордия уже ждет тебя с нетерпением.

Бросив предупреждающий взгляд на Альвину, Себастин вышел из кареты, немного прикрыв дверцу. Недоуменная Альвина осталась внутри темной кареты и уже собиралась с негодованием напомнить о себе, но услышав слова Себастина, передумала.

- Извини, друг, но я не один. Со мной жена и она измучена дорогой, полагаю, что ей бы хотелось вначале привести себя в порядок, отдохнуть и только потом предстать пред тобой и твоей очаровательной женой. Поэтому разреши я сам провожу ее в дом. Надеюсь, что мои комнаты, как я просил, готовы?

- Жена?! - услышала Альвина потрясенный голос неизвестного ей мужчины. - И когда же ты успел жениться?

- Орест, все потом, а пока разреши нам пройти в дом без свидетелей.

- Да, конечно, я пойду, предупрежу Конкордию и отправлю слугу отнести ваши вещи в дом и служанку пошлю в гостевые покои для твоей жены.

Альвина услышала удаляющиеся шаги, а Себастин распахнул дверь и протянул руку. С помощью мужчины девушка выбралась из кареты. Себастин накиннул на плечи Альвины

плащ, достав его с сиденья, шляпку он протянул девушке, но Альвина, взяв ее, не стала надевать. Обняв девушку за плечи, мужчина молча повел ее в дом. Карета стояла у калитки ограды, по всей видимости, расположенной на заднем дворе дома, дорожка, по которой они шли, слабо освещалась редкими фонарями. Но Себастин шел уверенно и Альвина не стала выворачиваться из крепких рук, тем более, что вечерний стылый воздух пробирался под теплый плащ и вызывал озноб, а от Себастина шел согревающий жар и она, не сознавая того, прижималась к боку мужчины.

Следую в обнимку с Себастином к дому, приноравливаясь к его неровной походке, Альвина вспомнила, что он спрашивал у графа о своих покоях. Себастин туда ее ведет? А как же его слова о отдельных комнатах? Или, узнав о том, что она не невинна, решил не церемониться? И что делать ей в таком случае? Спать с Себастином в незнакомом доме на чужой кровати у нее нет желания, хватило когда-то и скамейки в беседке сада. А сопротивляться мужу и кричать она имеет право? Или опять, потому что они в чужом доме, стоит ли выносить на всеобщее обозрение их отношения? Да что это она, сошла с ума что ли? Себастин не насильник!

Проведя Альвину в дом через черный ход, Себастин довел ее до покоев, где уже ждала служанка.

- Я скоро вернусь, а ты пока приведи себя в порядок, - сказал холодно Себастин и вышел за дверь.

Служанка удивленно оглядела Альвину, когда та сбросила плащ.

Альвину разозлил этот недоуменный взгляд какой-то служанки! И на себя тоже разозлилась - с чего она должна смущаться своего вида перед этой неотесанной служанкой!

- Что уставилась? - раздраженно произнесла Альвина. - Приготовь для меня ванну. Шевелись!

Служанка кинулась исполнять поручение, а Альвина прошлась по комнатам. Покои состояли из спальни, небольшой гостиной и крошечного кабинета. Мебель стояла добротная, крепкая, по стилю - явно мужская.

Пока она осматривалась, два лакея принесли ведра с парящей в них горячей водой, Альвина фыркнула - еще восемь лет назад в их доме вода нагревалась в титане, стоящем в ванной комнате и с помощью встроенного артефакта. Впрочем, она слышала, что такие артефакты были большой редкостью и стоили очень дорого, так как слишком затратные по изготовлению и поддержанию в рабочем состоянии. Но ведь те, кто не мог купить такие артефакты, ставили в ваннах титаны для воды, нагревающиеся дровами, и не нужно было таскать по лестницам ведра с горячей водой.

Ванна набралась и служанка пригласила Альвину, пока вода не остыла. Мыться в присутствии служанки Альвина не захотела, за эти годы она научилась обслуживать себя сама, да и ей не хотелось раздеваться перед служанкой. Поймав себя на мысли, что ей стыдно за свои чулки, сорочку и панталоны, она удивилась - с каких это пор ее волнует мнение служанок? Тем более, что ее белье пусть и не шелковое с кружевами, но чистое и добротное.

Опустившись в горячую воду, Альвина решила просто ополоснуться и не использовать для мытья мыло и средство для волос - они благоухали мужским запахом, так пах Себастин, это были его любимые, почти забытые ею, ароматы, пьянящие когда-то. Ей опять подумалось, что спальня в этих покоях одна, и кровать не такая уж широкая, а в гостиной стоит только небольшая кушетка, на ней даже она не поместится. Мысль, что Себастин

потребуется исполнения супружеских обязанностей этой же ночью, почему то сладко взволновала Альвину, может, тому виной было пахнущие Себастином мыло (или наоборот, Себастин пах этим мылом?), но и в то же время испугала. Нет, она все-таки не хотела бы, чтобы это произошло сегодня.

Альвина, лежа в ванной, вспоминала свою прошлую, беззаботную жизнь. Почему тогда ее привлек Себастин? Ведь он никак не вписывался в нарисованные ею представления о возлюбленном, будущем муже. Он становился неуклюжим, косноязычным, стоило только ей появиться рядом, и Альвина была поражена, когда он как-то поцеловал ее - страстно, жарко. Может потому, что была ошеломлена неожиданным напором Себастина, позволила поцелуи, да и если уж быть честной перед собой - ей понравилось. Но встречаясь с ним на балах, званых вечерах она, видя его со стороны, приходила в тревожное замешательство - почему Себастин так действует на нее, когда они наедине? Красивым, на ее взгляд, его сложно было назвать, обаятельным тем более, он не обладал теми качествами, что привлекали ее в мужчинах. Он не обладал аристократическим лоском, его манеры были далеко не безупречны. Но был прекрасно образован и когда забывал о своем смущении, с ним было приятно общаться. И еще что-то было в нем неуловимое, так привлекающее ее. Может как раз его какая-то неотесанность, и временами бесцеремонность? Но ей всегда нравились именно воспитанные, умеющие себя вести молодые люди. Так почему же ей отказывал разум в объятиях Себастина? Ей даже приходила в голову нелепая мысль, что Себастин опоил ее любовным зельем или ментально воздействует.

В сравнении с маркизом Дэвиером Себастин проигрывал во всем, включая происхождение, которое у Себастина не было безупречным, по крайней мере, Альвине тогда так сказал отец. Она с восторгом смотрела на красавца маркиза Дэвиера, не восхищаться им было невозможно. Он совершенно очаровал ее бархатным голосом, широкими плечами, постоянно безупречно уложенными белокурыми локонами до плеч, он всегда был одет пестро, броско и в то же время никто не мог сказать про него, что тот выглядит смешно и безвкусно, скорее уж больше подходило - изящно, ярко, модно. Как ему это удавалось - загадка, потому что попытки других одеться, как он, вызывали острые насмешки, так нелепо выглядели эти подражатели. И язык у маркиза был подвешен, он умел плести кружево слов, задуряя голову дурочкам, вроде нее, комплиментами и сладкими речами. И когда этот молодой человек обратил внимание на Альвину, она была счастлива до небес. Хотя, тогда была уверена, что иного и не могло быть, пройти мимо нее и не заметить - невозможно. Решила, что только такой - незаурядный, яркий, красивый мужчина, вождь для большинства незамужних девушек королевства достоин стать ее мужем. Она, как сорока купилась на фальшивый блеск и сусальное золото.

А ведь поцелуи Себастина пьянили, от его дыхания кружилась голова, в его крепких и в то же время нежных объятиях странная жажда будоражила, заставляла изнывать от желания чего-то запретного, но сладостного. Но вот поцелуи маркиза Дэвиера были приятны, а не захлестывали неистовым безумием. Почему так? Альвина и тогда недоумевала и сейчас задавалась этим вопросом. Может потому, что маркиз, как виделось теперь Альвине, оставался отстраненным, себялюбивым даже в самые волнительные моменты, а Себастин полыхал и она остро чувствовала его страсть, жадность и жгучее желание и воспламенялась от него этим жаром и поэтому поцелуи маркиза Дэвиера казались пресными, невыразительными? Так с какой стати она все-таки отдалась жениху, который на тот момент

такovým считался? Вот это восемь лет снесало Альвину раскаяньем и досадой в первую очередь на себя.

В тот вечер маркиз Дэвиер пришел к ним какой-то смурый, неразговорчивый. Уже шилось подвенечное платье, была назначена дата свадьбы, до нее оставалось чуть меньше месяца. К тому времени ее и маркиза стали оставлять одних, уже никто не мешал им, не следил за ними. Как только они вышли в сад, жених потащил ее в глухой угол сада, в затененную беседку. Да, он был тогда каким-то агрессивным, слишком настойчивым, почти не слушал ее вялые возражения, но если бы она стала вырываться, кричать, то он бы отпустил ее. Наверное.... Но она прекратила слабые трепыхания и позволила маркизу то, что надо было оставить до первой брачной ночи. В силу нынешних обстоятельств готова была теперь казнить себя без суда и следствия за это.

Потом она размышляла о случившемся. И ей приходило в голову, что возможно до маркиза дошло, что отец замешан в заговоре и решил получить все, пока она еще его невеста. Или каким-то образом узнал о том, что она скрытно встречалась с Себастином и решил удостовериться, что она девственница?

Тогда, почти восемь лет назад, она сама не поняла, как так случилось, что они стали тайно видаться с Себастином. Он предпринимал чудеса изворотливости, ловкости, устраивая их кратковременные встречи, свидания. Все было покрыто тайной, никто не догадывался, что их связывало. Может потому, что это щекотало ее нервы, все было на грани приличия, в любой момент могло открыться, так привлекало? На людях, в кругу друзей, подруг, знакомых Альвина все так же вела себя с Себастином как последняя стерва, капризничала, гоняла его по мелким поручениям, насмеялась над ним, но все же никогда не переходила дозволенных рамок поведения капризной, красивой, уверенной в себе девушки из древнего, сильного рода, хотя часто все было на грани. А он только улыбался неловко, все терпел и появлялся спустя время опять рядом с ней, после того, как она прогоняла его за какую-нибудь надуманную провинность.

“Конечно, - думала Альвина со злостью, - почему бы ему и не улыбаться, ведь он прекрасно знает, что стоит им остаться наедине и она опять будет таять в его объятиях!”

Но спустя время Альвина с досадой стала замечать, что Себастин уже не так робел рядом с ней, не краснел удушливо, мог и высказаться на ее насмешки так, что она терялась и не могла подобрать слова для ответа. Его фразы были теперь иногда остры, а временами завуалированы и смысл был понятен только им двоим, и девушка безмерно боялась - вдруг кто-нибудь догадается что на самом деле происходит между ними.

Как раз в то время на нее обратил внимание маркиз Дэвиер, вот он был ее идеалом, именно таким Альвина представляла своего мужа. А Себастин ну никак не подходил ей, такой красивой, яркой. Он ей мешал! Она боялась, что в один прекрасный момент все откроется и ей придется выйти замуж за Себастина. И она испугалась ко всему прочему того, что стала замечать за собой, как ждет этих нечаянных, подстроенных Себастином встреч или договоренных свиданий. И как ей тоскливо, если их не было долго. И Альвина ясно поняла, что пора все прекращать, пока не стало слишком поздно.

А он никак не хотел понимать, что пора заканчивать их тайные свидания, ему пора оставить ее в покое, не искать с ней встреч. И она придумала этот злой розыгрыш с шуточным венчанием, надеясь, что такого унижения он не выдержит.

О! Она прекрасно помнит его ошеломленное лицо, когда в храме из-за драпировок, темных углов и из-за колонн стали появляться их друзья и приятели, громко аплодируя и

хохоча, отпуская злые шутки, некоторые были даже скабрзные, кто-то кривлялся и передразнивал Себастина, повторяя слова клятвы, которые он только что пылко произносил.

И она хохотала вместе с ними! А он неверяще смотрел на нее, и слушал ее обидные слова, а она, смеясь, говорила - кто он такой, как он мог подумать, что она выйдет замуж за него, такого нелепого, смешного. Альвина видела, как вначале не верил, потом в его глазах появилась боль, а затем боль сменилась пустотой. Он усмехнулся ей в лицо, развернулся и пошел к выходу сквозь хохочущих и улюлюкающих еще казалось недавно его друзей, или, по крайней мере, приятелей.

А ее смех уже не был веселым, ей тогда показалось, что она потеряла что-то очень важное и дорогое в своей жизни. Но Альвина очень старалась выбросить Себастина из головы, как говорится - с глаз долой, из сердца вон. Впереди ее ждало ухаживание маркиза Дэвиера, помолвка и скорая свадьба, которая так и не состоялась.

А Себастина Альвина больше не видела до ужасной встречи в осажденном замке.

Поняв, что пока она предавалась воспоминаниям, вода остыла, Альвина выбралась из ванны и вытерлась пушистым полотенцем. Скептически осмотрев свое платье и подумав, что его надо отдать служанке для того, чтобы почистили и погладили, закуталась в мужской халат, висевший здесь же. Он был длинный, попытавшись укоротить его с помощью пояса, поняла, что невозможно подтянуть плотно стеганные атласные полы, и плюнула на это. Ну и пусть халат волочится за ней!

Покинув ванную и стоя посередине спальни, Альвина растерянно размышляла - что же ей теперь делать. Другого платья с собой не было, да что там платья, даже сменного белья нет, Себастин не дал ей ничего взять, уводя из ее дома. Надеть то платье, в котором была? Но оно помялось и в нем стыдно показаться хозяевам этого дома. Себастин обещал купить необходимую ей одежду в Глоссе, но, понятно, что ночью это сделать невозможно. Может, отказаться выйти к ужину и попросить принести еду сюда? Должен же Себастин понять - в таком виде представлять друзьям жену невозможно.

Замерзнув, стоя босой на холодном полу, Альвина переступила ногами и поджала пальчики на них. И тут же услышала судорожный вздох. Резко вскинув голову, она увидела Себастина, который смотрел на ее босые ступни. Как он сумел тихо и неожиданно появиться в спальне?

- Ты всегда упрекаешь меня в невоспитанности, но сам мог бы и постучаться, прежде чем входить, - возмутилась Альвина, подтягивая и запахивая полы слишком длинного халата так, чтобы полностью скрыть ноги.

Себастин медленно поднимал взгляд от ее ног до влажных прядей волос. Альвине казалось, что он мысленно ее раздевает, под жарким взглядом кожа начинала пылать и в то же время покрываться мурашками озноба. Она запахнула халат на груди еще глубже, вцепилась в ворот, закрывая шею.

- Извини, но дверь открыта. Тебе надобно высушить волосы, - хрипло сказал Себастин, не отводя от девушки горящего взгляда, - не дай боги, заболеешь, а нам еще долго добираться до столицы. И не стой босой на холодном полу.

Себастин прошел к небольшому шкафу, открыл его, наклонился, опираясь на трость и, достав домашние туфли, развернулся с ними в руках к Альвине. Она уже собиралась выйти в гостиную, но задержалась, наблюдая за мужчиной.

Подойдя к девушке, Себастин протянул ей туфли:

- Извини, - произнес герцог, скользя взглядом по влажным, растрепанным волосам Альвины, - женских туфель нет, мои, конечно, тебе большие, но все лучше, чем босиком ходить по покоем.

Альвина не стала привередничать, взяв из рук Себастина обувь, бросила на пол и, приподняв полы халата, обулась, утонув в туфлях. Хихикнув, подняла голову - Себастин не отрывал взгляда от ее ног. Альвина резко опустила подол халата.

- Пройди в гостиную, там зажгли камин, тебе надо высушить волосы, - сказал Себастин, отводя взгляд.

Развернувшись и шлепая слишком большими туфлями, Альвина вышла из спальни в гостиную, герцог направился следом за ней. Остановившись у камина, девушка растерянно подумала, что у нее нет даже расчески, она не взяла с собой ничего!

- Себастин, - сказала Альвина, развернувшись к мужчине, - ты обещал купить все необходимое здесь, в Глоссе. Я понимаю, что ночью вряд ли это возможно, но что мне делать сейчас, мне нечем даже расчесать волосы, не говоря уже о том, что и переодеться тоже не во что.

- Э-э-э-м-м-м, - обескураженный Себастин не мог подобрать слов, жадно рассматривая Альвину.

На него что, опять напало косноязычие? Но его горящий взгляд смущал.

- И ты говорил, что у нас будут разные покои, пока не приедем в столицу, - продолжала возмущаться Альвина, пряча свое смятение, - и что же я вижу! Как я поняла, эти покои приготовлены для тебя. А мои где? Если останусь здесь, то ты должен уйти в другие комнаты. Ты обещал!

- Да, я обещал и уже готовят другие покои, для тебя, или для меня, как ты решишь, - обрел дар речи Себастин. - Но ты права, сейчас магазины и лавки закрыты, утром все будет куплено. А пока, если ты позволишь, то графиня Корибэ предоставит тебе все необходимое на данный момент, включая платье.

- Нет! - резко ответила Альвина. - Как ты себе это представляешь? Я надена к ужину платье хозяйки, а она будет смотреть на меня как на нищенку, твою содержанку, которую ты где-то подобрал и выдаешь за жену, и еще вынуждаешь делиться со мной одеждой! Я уверена - потом это будет выброшено или даже сожжено! А еще она будет постоянно коситься и оценивать свое платье - сидит ли оно на мне лучше, чем на ней!

- Не выдумывай! Конкордия милая и добрая, она с радостью откликнулась помочь, не суди по себе других людей.

- Да, конечно, - фыркнула Альвина, - милая и добрая... перед тобой. А какая она настоящая и что думает на самом деле, ты можешь и не подозревать.

- Ты ошибаешься, - мрачно изрек Себастин, начиная злиться, - я прекрасно знаю, что она думает на самом деле.

- Что? - заинтересовалась Альвина. - Ты обладаешь ментальной магией?

- Нет, - поспешил отринуть подозрения Себастин, - у меня нет таких способностей. Просто я давно и хорошо знаю Конкордию, я даже был когда-то, как мне казалось, влюблен в нее. Но она, увы, предпочла Ореста и вышла за него замуж.

- Казалось был влюблен? - удивленно распахнула глаза Альвина. - А как это - казалось? Что, потом понял - это была не любовь?

- Ну, может статься и так, а может, и нет, - ушел от прямого ответа Себастин, - так ты отказываешься от помощи графини?

- Себастин, - непреклонно сказала Альвина, вздернув подбородок, - я не надену чужое платье и не выйду к ужину. Давай сделаем так - ты извинишься перед графом и его женой и скажешь им, что я неважно себя чувствую, меня утомила дорога, ну или сам придумай удобную причину для отказа от ужина. А утром мы, не откладывая в долгий ящик, отправимся в город и купим мне одежду и всякие мелочи. А пока ты можешь поделиться щеткой для волос, надеюсь, она у тебя есть.

- Значит, к ужину ты не выйдешь, - раздраженно протянул Себастин.

- Да! Я не надену платье твоей любовницы и не выйду к ужину, где меня будут брезгливо рассматривать.

- Не смей так говорить о Конкордии! - разъярился Себастин, сделав шаг к Альвине, стукнув тростью, - Ты и мизинца ее не стоишь!

- Я твоя жена и это ты не смей меня сравнивать со своими любовницами! Это они не стоят моего мизинца! - возмущенно произнесла Альвина, делая два шага назад.

- Сравнить тебя с другими? - усмехнулся зло Себастин. - О! Это неблагодарное занятие. Ты одна такая... неповторимая. И еще раз - Конкордия никогда не была моей любовницей. Она добрая, верная, и в отличие от тебя никогда не изменяла мужу.

- Хватит! - взвизгнула Альвина, топнув ногой, туфля слетела и девушка с досадой пнула ее. - Я уже говорила тебе - бери меня такой, какая я есть! Или верни обратно и забудь обо мне! А постоянно попрекать не смей! Может я и виновата перед тобой, но не в этом! Маркиз Дэвиер был моим женихом, а то, что ты на самом деле мой муж, я не знала! И ты обещал не вспоминать прошлое!

Себастин наклонился и поднял туфлю, оказавшуюся у его ног. Сделав три шага к девушке (она синхронно отступила и оказалась прижата спиной к стене), опустился на одно колено, опираясь на трость, затем положил ее рядом с собой. Поставив туфлю на пол, Себастин откинул полу халата девушки.

- Что ты делаешь? - пискнула ошарашенная Альвина, растеряв всю свою запальчивость.

- Хочу обуть тебя, - ответил мужчина, не поднимая головы, - не хочу, чтобы ты простудилась.

Себастин обхватил лодыжку Альвины и, приподняв ее безвольную ногу, надел туфлю. Девушка пыталась справиться с учатившимся дыханием, ей казалось, что кожа, где прикасались горячие пальцы Себастина, горит огнем.

Себастин поднял голову и посмотрел на Альвину.

- Ну вот, я опять у твоих ног, - произнес он насмешливо, - но теперь ты не можешь меня оттолкнуть.

- Ты уверен в этом? - произнесла девушка, кладя ладони на плечи Себастина в попытке оттолкнуть его.

Он вдруг резким движением рук по запястью девушки сбросил ладони со своих плеч и стремительно встал, опираясь на стену. Альвина не успела сделать вздох, как оказалась прижата к стене тяжелым телом, одной рукой Себастин обхватил затылок девушки, другой рукой обвил ее за талию, прижав руки Альвины к ее телу, таким образом лишив возможности сопротивления.

- Отпусти, - полузадушено всхлипнула Альвина.

- Отпущу, конечно, отпущу, - прошептал Себастин, обдавая горячечным дыханием лицо девушки, - но только после того....

Он поцеловал ее, вернее, не так - он впился, вгрызся в ее губы жестко, болезненно. Он

не целовал, он наказывал, в агрессивной форме выплескивая свою злость, досаду, невозможность уже ничего изменить. Альвина всхлипывала и мычала, не имея возможности оттолкнуть, избежать его поцелуя, крепкие, жесткие руки держали ее в оковах объятий, тянули болезненно за волосы, тяжелое тело прижимало к стене. Все что ей оставалось - попытка не разжимать губы и зубы, но и это быстро пресеклось.

Поцелуй внезапно прекратился, Себастин прижал свой лоб ко лбу девушки и прошептал, тяжело дыша:

- Прости.

Себастин разжал объятия и, опираясь на стену, присел перед Альвиной. Она застыла - что еще ему взбредет в голову? Но он подхватил трость и встал, опираясь на нее. Затем развернулся и направился к двери, и уже почти дойдя до нее, не поворачиваясь, сказал ломким, надтреснутым голосом:

- Ужин тебе принесут сюда, будь, пожалуйста, готова утром посетить магазины.

И вышел, хлопнув дверью.

Альвина прижала пальцы к саднящим, истерзанным губам и по стенке опустилась на корточки. Вдохнула один раз, другой и громко, безнадежно разрыдалась.

Глава девятая

Хлопнув дверью, Себастин некоторое время стоял в коридоре, пытаясь успокоиться. Он с трудом оторвался от Альвины, ему нестерпимо хотелось взять ее там же, у стены, стоило только распусть пояс и сбросить этот халат, а можно даже и не снимать, а просто распахнуть, и нежности бы не было, в тот момент он не был способен на нее. Но вот так, грубо и насильно, несмотря на все, что она сделала, он для нее не хотел. Только богам известно, как сумел остановиться, выпустить ее из своих рук.

Идя по сумрачному коридору, он вспомнил, как был когда-то уверен, что Альвина не откажет ему, если он придет просить ее руки. Он же не маленький мальчик и прекрасно видел и ощущал, как она откликается на его поцелуи, и с каким трудом они отрывались друг от друга и думал, что они могут быть счастливы.

Мыслями, что собирается просить руки Альвины, Себастин поделился с отцом и получил жесткую отповедь, чтобы он навсегда забыл об этом. Отец объяснил, что герцог Лэвирин, несмотря на то, что они вроде бы равны в титулах и даже Адьяры богаче, никогда не выдаст дочь за него. И чтобы у Себастина не было больше иллюзий, отец объяснил почему этот брак герцог Лэвирин будет считать мезальянсом. Отец получил титул не так давно якобы потому, что является дальним родственником почившего прежнего герцога Адьяра, не оставившего прямых наследников. На самом деле они никакие не родственники, документы подделаны, завешание у старого герцога куплено, старый герцог не имел за душой ни гроша, и кроме титула и замшелого замка с крошечным участком земли у него ничего не было, зато имелась дочь - старая дева, которую он безмерно любил. И отец женился на ней. Пусть он не любит свою вторую жену, но относится к ней с уважением, и надеется, несмотря на свой и ее возраст, еще раз стать отцом. Да, он не совсем законно с помощью короля Флориана стал герцогом Адьяром. А за какие заслуги ему помогли Себастину лучше не знать. Конечно, все вроде бы на первый взгляд прилично, законно и задокументировано так, что не подкопаешься, но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Знатные роды, ведущие свои родословные еще с появления богов, прекрасно знают, что они никакие не родственники, пусть даже и совсем дальние, Адьярам и поэтому вряд ли кто-то из старой знати породнится с ними. А уж о дочери герцога Лэвирина ему вообще стоит

забыть навсегда, ничем хорошим для Себастина это не закончится. И герцог Лэвирин скоро будут очень жалеть, что был таким заносчивым. Потом Себастин понял - отец уже тогда знал, что герцог замешан в заговоре.

Но Себастин был безумно влюблен и ему казалось, что Альвина отвечает взаимностью, поэтому не внял советам отца. После того, что произошло в храме, Себастин рассказал все отцу, как самому близкому человеку. Отец выслушал его, даже не стал ругать и укорять, что он же предупреждал. Но все же Себастин не рассказал, что вернулся на следующий день в храм и выяснил - венчание оказалось настоящим. Герцог Адъяр велел сыну больше не появляться в столичном обществе и отправил его служить в отдел Магических преступлений. Работы там было много, в связи с тем, что эльфейцы последнее время очень активизировались. И в столице он теперь бывал редко.

Совершенно случайно Себастин узнал о том, что герцог Лэвирин укрылся вместе с семьей в своем родовом замке и его осаждают гвардейцы. Бросив все, не раздумывая, он ринулся туда. Какими бы не были его обиды и злость на Альвину, он не мог спокойно отдать ее на растерзание гвардейцам короля, тем более, если учесть, что она его законная жена. Он успел, но успел в последний момент. И глядя на плачущую, растрепанную Альвину должен был бы испытывать жалость и тут же все ей простить. Но это было не так, он, к своему стыду, торжествовал - вот до чего ее довели спесь, тщеславие и гордыня. И именно он, пострадавший от ее несносного нрава, спас ее, а не ее жених, которого она (хотя, скорее всего ее отец) выбрала. К тому времени Себастин уже знал, что маркиз Дэвиер поспешил обратиться к королю с просьбой разорвать помолвку с дочерью герцога Лэвирина. Себастин был мерзок сам себе. Чем он лучше этого маркиза, раз злорадствует? Но никак не мог справиться со своими чувствами. И он не ждал от Альвины благодарности, скорее наоборот, был склонен к тому, что она обвинит его во всех грехах. Как оказалось, был прав.

Из замка он кинулся к королю Флориану с просьбой помиловать дочь герцога, несмотря на все, он не хотел для нее участи, которая была уготована семьям заговорщиков. Он долго убеждал Флориана, что жена, дочь и сын не должны отвечать за мужа, отца и не заслуживают наказания, они жертвы честолюбивого и надменного герцога Лэвирина. Но король все же решил, что просто так все простить семье мятежника нельзя, это чревато последствиями. Он и так слишком мягко с ними обойдется, но не из-за того, что Себастин просит за них, а потому что лишать Инданию такого древнего и сильного рода - глупость, тем более, что наследник еще мал и воспитать его преданным короне вполне возможно. Тогда Себастин был готов признаться королю, что Альвина на самом деле его жена, но в последний миг передумал.

Перебирая все это в памяти, Себастин спустился вниз, дошел до столовой, застал там супругов Китэн. Извинился перед ними, сказал, что он и жена очень устали и попросил отнести ужин в их покои и не беспокоить до утра. Еще раз извинившись, ушел спать в кабинет Ореста.

Рано утром Альвина была готова - одета, причесана, и ждала Себастина, чинно сидя на кушетке и положив плащ рядом.

Вечером, когда она уже нарыдалась, пришла служанка, принесла ужин и забрала одежду, а утром она же принесла завтрак и вычищенные и отглаженные платье и плащ и помогла сделать прическу. Альвина с трудом заставила себя поесть вечером, и утром только поковырялась в тарелке с омлетом и выпила травяной чай, да раскрошила булку. Ничего не

лезло в горло, опухли и саднили губы, стесанные зубами Себастина. Тугой комок безысходного отчаянья разрастался в груди, мешал, казалось, даже дышать.

Сейчас, ожидая Себастина, Альвина с тоскливой безнадежностью размышляла, что зря она уехала, надо было до конца отстаивать свое желание остаться с матерью. Она сделала опять ошибку в своей жизни. Вчера вечером Себастин набросился на нее, как сумасшедший, искусал ей губы, до сих пор болят волосы на затылке, за которые тянул. Прежний Себастин никогда бы не сделал ей больно, а этого, нынешнего, странного и незнакомого, ей, пожалуй, стоит опасаться. Что будет дальше? Насилие? Или он станет избивать ее постоянно, мстя за прошлое? Неужели же он опустится до такого? Она не будет все это терпеть! Но надолго ли ее хватит? Как быстро она сломается?

Вот сейчас Себастин придет, и как ей с ним себя вести? Возмутиться, наброситься с обвинениями, потребовать извинений и заверений, что подобное не повторится? Или настоять, чтобы он вернул ее обратно в Луйск? Но что хорошего ее ждет там? А, может, вообще сделать вид, что ничего страшного не произошло, но это значит дать ему индульгенцию и дальше поступать так же, а то и хуже? Нет, вот последнее не в ее характере! И все-таки, что же ей делать?

Альвина вздрогнула от стука и задрожав поспешила посмотреть на открывающуюся дверь. Увидев входящего Себастина, она поднялась и молча уставилась на него. Он в ответ тоже рассматривал ее, задержался взглядом на опухших губах, еле заметно поморщился.

- Доброе утро, Альвина, - как ни в чем ни бывало произнес Себастин, - ты уже завтракала? Готова идти по магазинам?

Девушка быстрым шагом подошла к Себастину и, странно улыбаясь, произнесла:

- Доброе утро, Себастин.

Затем быстро и неожиданно ударила его по щеке и молниеносно отступила на пару шагов назад.

- Ты-ы-ы! - взревел ошалевший Себастин. - Я предупреждал тебя...

- Я тоже предупреждала, - ответила Альвина, бросив быстрый взгляд на трость и отступая еще на два шага назад, - что не буду все безропотно сносить от тебя.

- Значит, тебе не понравилось вчера целоваться со мной? - мерзко ухмыляясь произнес он, угрожающе надвигаясь на Альвину. - А с маркизом Дэвиером нравилось?

- Не понравилось, - вскинула высоко голову девушка, со злорадством наблюдая, как наливаются краснотой щека Себастина и с трудом заставляя себя не делать еще пару шагов назад, - а еще мне не понравилось, что ты позволяешь себе сравнивать меня со своей любовницей и ставишь ее мне в пример. И хватит уже поминать маркиза!

- Ладно, я разберусь еще с твоим бывшим женихом, у меня уже давно есть к нему претензии. А сравнивать тебя с кем-то бесполезно, ты одна такая - неповторимая, - и добавил, усмехаясь. - А когда-то ты млела от моих поцелуев, я же не совсем дурак, прекрасно понимал, что ты все-таки была неравнодушна ко мне.

- Это было когда-то, с тех пор многое произошло и многое изменилось, в том числе и мы.

- О, нет, ты не очень-то изменилась, разве что стала еще красивее.

- А ты, Себастин, изменился, и очень, - с горечью произнесла Альвина.

- Да, я уже не тот мальчик, все тебе прощающий, - процедил мужчина и с угрозой в голосе продолжил: - И если еще раз меня ударишь, то я отвечу, не посмотрю, что ты женщина! Терпеть от тебя все я тоже не намерен!

- Я тоже отвечу, - как-то обреченно произнесла девушка, опускаясь на кушетку, - и что это будет? Как мы будем дальше жить, Себастин? Ругаться постоянно, упрекать друг друга, драться и тому подобное? На что будет похожа наша жизнь, Себастин? Впереди у нас только беспросветность и ненависть друг к другу?

Себастин подошел к кушетке и тоже сел, отодвинув плащ. Альвина подозрительно покосилась на него.

- Не бойся, - невесело усмехнулся мужчина, - я не трону тебя.

- Я уже горько пожалела, что поехала с тобой. Это моя очередная ошибка в жизни, - удрученно сказала Альвина, повесив голову.

- И, несомненно, во всем виноват я? Так ведь, Альвина?

Девушка подняла руки и спрятала склоненное лицо в ладонях.

- Я не знаю, я уже ничего не знаю, - глухо произнесла она, - мне иногда кажется, что все это кошмарный сон, из которого я никак не могу выбраться. Ну не может такое происходить со мной наяву.

Себастин положил ладонь на плечо девушки, она замерла, затем резко дернула плечом, он убрал руку.

Альвина подняла голову и встала с кушетки.

- Я подозреваю, что ты меня непустишь, - предположила она, повернувшись к Себастину.

- Правильно подозреваешь, - не стал отпираться он, пристально глядя на девушку, - ты теперь моя и я хочу этим сполна насладиться.

- Звучит как угроза, - произнесла Альвина каким-то тусклым, безжизненным голосом, отведя взгляд.

- В последние дни мне приходит в голову мысль, что если бы сразу, как узнал, я признался тебе, что венчание настоящее и предъявил свои права, стали бы мы счастливой супружеской парой? - проговаривая эти слова, Себастин поднялся и встал вплотную к девушке.

- Вряд ли, не думаю, - ответила она, отворачивая лицо.

- Но нам ведь было неплохо когда-то наедине? - тихо сказала Себастин, нависая над девушкой. - Может, все-таки стоит попытаться наладить нашу непростую семейную жизнь?

Он обхватил подбородок Альвины и повернул ее лицо к себе. Она не сопротивлялась, безжизненно опустив руки.

- Только ты не дерись больше, - неловко улыбнулся Себастин.

И эта улыбка напомнила ей прежнего Себастина.

- Прости, - покаянно произнес Себастин, проводя невесомо большим пальцем по губам Альвины.

Она сделала шаг назад и он поспешно убрал пальцы от ее лица. Девушка, обойдя мужа, взяла плащ и накинула его на себя.

- Я готова, - промолвила Альвина.

- Я боюсь спрашивать... но Конкордия предлагает свою помощь в выборе одежды.

- Что?! Нет, конечно! За кого она меня принимает? Думает, что я не состояю в состоянии подобрать себе платье?

- Я так и думал, что ты откажешься, - улыбнулся Себастин.

- Тогда зачем спрашивал? - проворчала девушка.

-Подумал, что стоит попытаться.

Альвина развернулась к двери.

- Альвина, - окликнул ее Себастин, - тебе не кажется, что с хозяевами дома необходимо хотя бы познакомиться.

- Угу, - буркнула девушка, направляясь к выходу, - потом, обязательно.

Себастину ничего не оставалось, как последовать за ней.

Выйдя за дверь, Альвина остановилась на миг, но быстро сообразив, направилась к лестнице в конце короткого коридора. Дом был совсем небольшой, заблудиться здесь было трудно. Они спустились вниз, миновали холл, и уже Себастин взялся за ручку двери, ведущей наружу, как их окликнули.

- Не успели, - трагично заломив брови, шепнул Себастин, чем вызвал легкую улыбку девушки.

Он развернулся и Альвине ничего не оставалось, как тоже повернуться. Она с досадой наблюдала, как по лестнице спускается ослепительно красивая женщина - высокая, с восхитительными чертами лица, блестящими каштановыми волосами, уложенными в затейливую прическу, ее бледную, безупречную кожу выгодно оттеняло платье из атласа винного цвета. Альвина в потертом, старом платье, с веснушками на носу, мелкая, по сравнению с такой статной красавицей (вот интересно, как собиралась делиться эта женщина платьем, ведь она, Альвина утонула бы в нем), почувствовала себя дурнушкой.

“Да уж, теперь понятно, почему Себастин восхищается своей любовницей, бывшей или настоящей, кто их разберет, - с раздражением подумала девушка, - но все равно он не имеет право сравнивать ее с этой ...”

Следом за красавицей шел высокий молодой мужчина, но Альвина только мельком взглянула на него, он не вызвал интереса.

- Куда же вы? - улыбаясь, произнесла глубоким грудным голосом женщина. - Что же ты, Себастин, представь нас своей жене, пожалуйста.

“О боги, - простонала мысленно Альвина, - у нее в придачу ко всему и зубы и голос такие, что можно умереть от зависти!”

- Дорогая, познакомься, пожалуйста, - граф Китэн и его очаровательная жена, хозяйка этого гостеприимного дома леди Конкордия, - произнес Себастин, обращаясь к Альвине.

Графиня Китэн присела в неглубоком, но изящном реверансе.

- Мы очень рады вас видеть в нашем доме, (ваше сиятельство) герцогиня Адьяр.

Да, она теперь герцогиня Адьяр! И это она жена Себастина, а не эта сногшибательная красавица!

- У вас милый дом, леди Конкордия, - выдавила из себя улыбку Альвина.

- Спасибо. Леди Альвина, вы, видимо, очень вчера намаялись в дороге, устали? - все так же ослепительно улыбаясь, спросила графиня Китэн. - Но, надеюсь, что вы отдохнули и сегодня мы насладимся вашим обществом. Мы бы хотели...

- Не знаю насколько вам может понравиться мое общество, и что вы там хотели мне неинтересно, а сейчас вы задерживаете нас, - перебила Альвина, - некогда нам вести светские беседы - магазины и лавки вашего городка ждут меня.

Она посмотрела на Себастина и требовательно произнесла:

- Так ведь, милый?

Альвина развернулась и, потянув за ручку тяжелую дверь, пробурчала под нос:

- Могли бы и лакея поставить - дверь открывать.

Себастин убрал руку девушки и сам открыл дверь, прошипев над ее ухом:

- Это было очень невежливо и грубо.

Альвина только хмыкнула.

- Прощу нас простить, - извиняюще улыбнулся герцог обескураженным хозяевам дома, - но мы, действительно, спешим.

Альвина, не оглядываясь, стала спускаться с крыльца, а Себастин задержался в дверях.

- Надеюсь, что к обеду мы вернемся, если, конечно, Альвина не слишком увлечется, - произнес Себастин застывшим графу и графине и, закрыв за собой дверь, поспешил за женой.

- Альвина! - грозно окликнул Себастин спешащую к воротам жену.

Видя, что она не останавливается, он быстро, несмотря на хромоту, нагнал ее, схватил цепко за локоть и развернул к себе. Она врезалась ему в грудь и чуть не свалила с ног, тут же попыталась вырваться, отскочить, но Себастин не выпустил ее, крепко держа за руку.

- Что это сейчас было? - раздраженно спросил он, наклоняясь близко к лицу Альвины. - Неужели же за столько лет ты не выросла и жизнь тебя ничему не научила? Все еще ведешь себя, как капризная, своенравная, наглая девчонка! Не пора ли повзрослеть?

Альвина вперив взгляд в пуговицу на камзоле Себастина, тяжело дышала, пытаясь справиться со злыми слезами. И, правда, что же это было? Досада жгла ее не хуже каленого железа. Когда же она наконец-то станет сдержанной, холодной леди, умеющей держать себя в руках при любых обстоятельствах?!

- Возвращаться и извиняться не буду! - выпалила зло девушка.

- О боги, - вздохнул раздраженно Себастин, - за какие мои грехи они послали мне тебя!

- Может, наградили? - предположила Альвина, все так же не поднимая взгляда. - Неужели же я так плоха?

- Ладно, награда моя, пошли уже, коляска стоит давно у ограды, - проворчал Себастин, разворачивая Альвину и подталкивая к воротам, - и магазины ждут тебя.

Глава десятая

Расстроенная Альвина стояла в магазине готового платья и, прикусив и так истерзанную губу, с досадой слушала бойкую продавщицу, та с пылом вещала что сейчас носят. Оказалось, что за эти годы мода существенно изменилась, а ей последнее время было не до того, чтобы следить за модными новинками. Да и, несмотря на то, что Луйск от этого города отделял всего день пути, там одевались почти так же, как и восемь лет назад, если и были изменения в одежде, то незначительные, или Альвина просто не замечала их. Пока ехали по улицам города, девушка смотрела по сторонам, но на женщинах были плащи, а что под ними было не очень видно. Но все же внимание девушки привлекло то, что верхняя одежда, плащи были украшены позументом, лентами и пышными воланами, оборками. Восемь лет назад плащи и накидки, пелерины не украшали так богато. Да и шляпки не были так похожи на клумбы, как сейчас. Пока еще не холодно, а в зимнее время женские пальто, рединготы тоже будут украшены пестро и неумеренно?

В магазине выяснилось, что платья теперь шились также из легкого муслина и шелковой органзы. На удивленное замечание Альвины, что из таких тканей платья носят только девочки, продавщица объяснила - еще с прошлого сезона даже почтенные дамы щеголяют в нарядах из струящегося муслина. А из органзы шьют очень многослойные пышные платья для девушек и молодых женщин. Нет, из привычных тафты, шелка, бархата тоже платья носились, но самыми модными считались муслин и шелковая органза. И

отделка за эти годы изменилась. Теперь подола и корсеты, на взгляд Альвины, чересчур обильно и пестро украшались лентами, шелковыми цветами, позументом, кружевом, жемчугом.

Эта милая и болтливая не в меру девушка еще пыталась рассказать о популярных расцветках и о том, что в моду входят жакеты и жилеты, а также высокие каблуки на дамских туфлях, но Альвина перебила ее, от трескотни продавщицы у нее начала болеть голова.

Все, то время, что Альвина разбиралась в моде, Себастин находился рядом, отказавшись уйти. Она иногда бросала на него взгляды, страхась увидеть насмешку в его глазах и язвительную улыбку на губах. Но он был серьезен, и в его взгляде Альвина, казалось, видела какую-то горечь, удрученность, хотя пару раз он ей даже ободряюще улыбнулся.

Слушая общительную продавщицу, Альвина пришла к выводу, что раз так отличается одежда здесь и в Луйске, то в столице, наверняка, мода еще и не так ее удивит. Вполне может статься, что там муслин и органза уже и не носится. Поэтому она решила купить три - четыре платья неярких расцветок, и как можно меньше украшенное, а так же легкое пальто, шляпку, но без “клумбы” на полях и тулье, газовый шарфик, шаль, ботинки, туфли, а также домашние тапочки. Ну и, естественно, белье, чулки. А все остальное она будет шить у лучшей портнихи в столице и покупать в самых модных магазинах там же.

Себастин попробовал уговорить Альвину подобрать более расширенный гардероб, если что-то не найдут здесь, то это же не единственный магазин в городе. Но девушка веско ответила, что все, что она приобретет здесь, вряд ли будет носить в столице, а тащить с собой то, что придется или выкинуть, или раздать - не имеет смысла. Себастин неохотно согласился с ней.

Продавщица позвала еще одну девушку и портниху. Они стали приносить платья, а Альвина выбирала, прислушиваясь к советам, но все же наотрез отказалась покупать платья из таким модных муслина и органзы. Конечно, были только первые дни осени, деревья еще только-только начали одеваться в багрянец и золото, дни пока еще стоят теплые, но ночами уже холодает, да и того и гляди зарядят дожди. А до столицы еще ехать, как думала Альвина, минимум неделю. Конечно, столица находится южнее, и там еще осень вряд ли вступила в свои права, но все равно легкие платья лучше оставить до лета. Поэтому она выбрала два платья из шерсти и одно из плотного шелка, и продавщицы уговорили ее купить жакет из вельвета, и юбку из стеганого атласа, а также к костюму блузку с пышным жабо. Мерить обновки и выбирать белье Альвина наотрез отказалась в присутствии мужа. Себастину пришлось выйти и ждать в небольшой приемной.

Одно платье подошло почти идеально, но остальные надо было ушивать и подгибать. Портниха и продавщицы посокрушались, какая же госпожа тоненькая и худенькая, а Альвина вспомнила о графине Китэн. По сравнению с ней она вообще воробышек против королевского павлина с его шикарным хвостом. Это моментально испортило настроение и отпала всякая охота возвращаться в дом, где их приютили.

Переодевшись в новое платье, обувь, Альвина вышла к Себастину. Все, что выбрала девушка, упаковали и вынесли к коляске, а подогнанные платья обещали доставить в дом графа Китэна вечером.

В лавке рядом с этим магазином они купили всякие дамские мелочи, сумочку и женский саквояж.

Себастин предложил пройти к ювелиру, магазин которого был на другой стороне

улицы, но Альвина поморщившись, отговорила тем, что устала и у нее начинает болеть голова. Драгоценности могут подождать, это не первая необходимость.

Сидя в двуколке, Альвина некоторое время угрюмо молчала, не смотрела по сторонам. Себастин так же не лез с разговорами, размышляя о том, что все-таки она изменилась. Он ожидал, что в магазине, когда молоденькая продавщица стала разглагольствовать о моде, Альвина покажет свой несносный характер. Но она удивила его - спокойно слушала и не фыркала, а если и возражала, то сдержанно и по делу. И ему, когда он понял, что Альвина растеряна и озадачена, почему то стало горько. Он вспомнил как жили она и ее мать в Луйске, и понял, что ей было не до модных веяний. А ведь когда-то Альвина, несмотря на юный возраст, слыла франтихой. Себастину захотелось скупить этот магазин, чтобы хоть как-то порадовать ее, но Альвина опять его удивила, разумно отказавшись от ненужных покупок, хотя для его кошелька, в общем-то, это не обременительно. А уж когда она отказалась от ювелира, до глубины души поразила его.

- Себастин, - нарушила молчание девушка, - когда ты собираешься выезжать дальше?

- Я рассчитывал побыть здесь пару дней. Дорога впереди долгая, надо запастись некоторыми вещами, сменить карету, возможно, нанять охрану, так как я теперь поеду не один.

- А эти два дня нам обязательно гостить у четы Китэн?

Себастин вздохнул.

- Альвина, - мягко проговорил он, - и Орест и Конкордия - славные, добрые, радушные люди. И если ты позволишь, то нам в их доме будет уютно и удобно. Но ты настроена против Конкордии...

- Да неужели! - перебила его Альвина. - И кто же в этом виноват?

- Хорошо, - начиная раздражаться, проговорил Себастин, - пусть буду я виновным. Но неужели же так трудно быть просто вежливой с теми, кто тебя приютил.

- Я - не брошенный котенок и не подзаборная нищенка, чтобы нуждаться в приюте, - ответила резко девушка.

- О боги! А ведь только что я тебя жалел!

- Жалел?! - взвилась Альвина. - Я, по-твоему, достойна только жалости?!

Себастин хотел ответить в том же тоне, но увидев, как у нее трясутся губы и на глаза наворачиваются слезы, передумал. И они уже подъехали к особняку графа Китэн.

- Нет, ты достойна не только жалости. Альвина, давай не будем устраивать сцен на виду у всех. Если хочешь то, когда мы придем в наши покои, выскажешь все, что обо мне думаешь, но желательно не очень громко, чтобы не давать слугам повода для сплетен.

- Меня не волнуют сплетни слуг в этом доме, а твоя Конкордия....

- Альвина! - одернул Себастин девушку. - Замолчи! Пока не наговорила лишнего!

- Не смей в таком тоне разговаривать со мной!

- А ты не вынуждай меня к этому! - запальчиво ответил герцог.

Себастин перевел взгляд и неожиданно улыбнулся и помахал рукой кому-то за спиной жены. Альвина оглянулась и сквозь ажурные, кованые решетки ворот увидела стоящую на крыльце графиню Китэн.

- Альвина, - прошипел Себастин, все так же улыбаясь, - очень тебя прошу - попытайся изобразить кроткую и нежную жену. Давай на потом оставим наши ссоры. Я в свою очередь тоже буду внимательным к тебе и заботливым.

- Кроткую и нежную? - язвительно улыбнулась Альвина. - Такой ты хочешь видеть свою жену? Спешу тебя разочаровать - ты не на той женился.

Себастин вылез из коляски, обошел ее.

- Я прекрасно осознаю на ком женат, - проговорил раздраженно герцог, протягивая руку Альвине, - ведь ты даже за столько лет не очень-то изменилась, хоть и иногда мне кажется, что это не так. Я прошу всего-навсего сделать вид перед моими друзьями, что у нас все не так плохо, как им показалось.

- Хорошо, - неожиданно согласилась Альвина, опираясь на руку Себастина и выходя из коляски, - я попытаюсь.

- Правда? Будешь милой и приветливой? - недоверчиво проговорил мужчина, поднося руку девушки к губам и невесомо целуя.

- Я же сказала - попытаюсь, - ответила она, отнимая свою руку и наблюдая из-за плеча Себастина, как к ним спешит леди Конкордия, а их кучер открывает ворота.

Она пообещала, но как это осуществить, если зубы ломит от вида такого совершенства, как графиня Китэн? Ой, она что - ревнует Себастина? Эта мысль неприятно кольнула, ладно, она потом об этом подумает.

Герцог, услышав шаги позади себя, оглянулся.

- Конкордия, ты, как всегда очаровательна.

Альвина чуть зубами не заскрипела. Они, оказывается, на "ты"!

- Как вам наш город, леди Альвина? - ослепительно улыбаясь, спросила Конкордия, останавливаясь рядом с Себастином и бегло осматривая Альвину.

- Прошу меня простить, леди Конкордия, - с трудом в ответ улыбнулась девушка, - но ваш город, если честно, я не рассмотрела. Себастин привез меня в магазин и там я надолго застряла, совершенно забыв обо всем. Впрочем, я не думаю, что ваш город мне был бы интересен.

- Но вы сделали не так уж и много покупок, - оглядев свертки, удивилась женщина, - я думала, что раз вас нет так долго, то или вы скупаете весь Глосс, или Себастин показывает город.

- О, Альвина решила не трогать попусту мои деньги, - весело откликнулся герцог, - и это не все, что мы купили. Остальное привезут к вечеру.

Альвина стиснула зубы и сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, борясь с невыносимым желанием выдать какую-нибудь тираду, за что потом опять Себастин будет ей выговаривать и злиться на нее. О боги, с каких это пор она стала такой сговорчивой и терпеливой?!

- Простите мою бестактность, - повинулась Конкордия, - это, конечно же, не мое дело, что вы купили и сколько.

"Вот именно! - зло подумала Альвина, - не суй свой нос, куда не надо!"

Но сказала совершенно другое.

- Леди Конкордия, вы правы, я приобрела немного. Себастин предлагал скупить весь магазин. Но зачем? Все равно, то, что я здесь купила, придется в столице раздать слугам, а может, даже и выбросить. Ведь в столице вполне возможно, даже слуги не захотят надеть одежду, которою здесь шьют и продают и считают модной. Ах, леди Конкордия, простите мою бестактность, - картинно всплеснула руками Альвина. - Вы ведь тоже одеваетесь в местных магазинах и шьете платья у Глосских портних.

Улыбка на губах Конкордии немного поблекла.

- Альвина..., - укоризненно процедил Себастин, качая головой.

- Ну что же мы здесь стоим, - спохватилась Конкордия, - прошу пройти в дом, вы, верно, проголодались, обед скоро накроют.

- Да, действительно, мы голодны, но я, пожалуй, поднимусь вначале к себе, освежусь немного, если вы позволите.

- Да, да, конечно, - согласилась графиня Китэн.

- Увидимся в столовой, милый, - сладко улыбаясь Себастину, сказала Альвина, - за мной приходите не надо, я сама спущусь. Дом не сказать что большой, не заблужусь.

Альвина обошла Себастина и по дорожке направилась к дому, раздраженно думая, что кучер мог бы и подвезти их к самому крыльцу. Хотя, где здесь развернуться ему? Дом небольшой, дорожка подъездная узкая, по краю ее росли чахлые кусты и засыхали на клумбах цветы. Крыльцо, на которое поднялась девушка, ничем не было огорожено, украшено, просто к дверям вели невысокие и неширокие ступени. Открыв дверь и войдя в дом, Альвина направляясь в отведенные покои, с любопытством оглядывалась. Ни вечером, ни утром ей было не до этого. Кругом царили чистота и порядок. Обстановка была скромная, но несмотря на это, мебель, портьеры, гобелены, картины на стенах, безделушки на камине, вазы с цветами подобраны тщательно и со вкусом. Поэтому во всем этом не создавалось впечатление бедности, ну, или, по крайней мере, не слишком-то большого достатка. В гостиной она заметила клавесин, вряд ли он там стоял для красоты. Выходит, что ко всем внешним достоинствам Конкордия еще и музицирует? А какие таланты еще обнаружатся у нее? Неудивительно, что Себастин был когда-то влюблен в Конкордию. А что если его чувства до сих пор не прошли? О боги, она что опять его ревнует?!

В это время леди Себастин под руку с Конкордией, медленно брели к дому.

- Она действительно твоя жена? - задумчиво спросила графиня Китэн, глядя на закрывшуюся за Альвиной дверь дома.

- Да, - заверил Себастин, и с еле заметным укором продолжил: - Неужели же ты думаешь, что я под видом жены привел бы в ваш дом любовницу или неизвестно кого?

- Но ты ночевал в кабинете Ореста.

- Это наше личное дело, Конкордия, извини. И у меня к тебе просьба - посели меня куда-нибудь на эти пару дней, пока мы здесь, хотя возможно мы уедем завтра.

- Хорошо, свободны комнаты моего покойного свекра, если ты не против, то можешь пока жить там.

- Спасибо.

- Твоя жена такая..., такая... непосредственная девочка, - с трудом подобрала слова Конкордия.

- О, да, - усмехнулся герцог, - она частенько вначале говорит, а потом в ужасе думает - что же она сказала. Но только Альвина не девочка, ей двадцать шесть лет, и жизнь, казалось, должна была ее научить быть гибкой, хитрой, подстраиваться под обстоятельства и ладить с людьми. Но, увы...

- Она всего на три года младше тебя? А на вид ей не дашь и двадцати. Когда и где ты успел жениться? И кто она?

- Альвина - дочь герцога Лэвирина, и ты не поверишь, - сказал Себастин, - но мы женаты почти восемь лет.

- Герцога Лэвирина? Но он ведь погиб при мятеже? А его семья была сослана, насколько я знаю. И как, восемь лет женаты?

- Вот как-то так получилось.

- Но где же она была все эти годы?

- В ссылке, - коротко ответил Себастин.

- Ты за ней ездил в Луйск?

- Не совсем так, я поехал к ней, но не думал, что заберу ее.

- Но я не понимаю, Себастин... Вчера вечером ты не захотел ничего рассказывать, но может быть, ты все же поделишься с нами, как оказался женатым на дочери герцога Лэвирина?

- Это долгая и невеселая история, Конкордия, и я еще не решил, стоит ли тебе и Оресту все знать.

- Она красивая, на вид такая хрупкая и нежная. Ты ее любишь?

- Когда-то я с ума по ней сходил, был болен ею, потом, казалось, разлюбил и забыл навсегда, а сейчас...не знаю,... я уже ни в чем не уверен.

Не спеша они поднялись на крыльцо и зашли в дом.

Обедали втроем - Себастин, Конкордия и Альвина. Граф прислал записку, что освободится только к ужину, возможно, немного задержится, но просил его дожидаться, он обязательно будет.

За обедом разговор не клеился. Альвина неохотно поддерживала беседу и всячески уходила от вопросов Конкордии. Себастин рассеянно ковырялся в тарелке и о чем-то думал, так же не особо участвуя в беседе, но иногда вступал в разговор, помогая жене избежать ответов на неудобные вопросы графини. Пару раз даже осадил Конкордию за слишком настойчивые вопросы. Альвина очень старалась быть вежливой и не нагрубить графине.

- Леди Конкордия, а вы давно замужем? - устав от расспросов неумной графини, решила Альвина сама начать расспрашивать ее.

- О, мы с Орестом уже десять лет женаты.

- Десять лет? - удивилась Альвина. - Вы что вышли замуж, едва покинув детскую?

- Да, мы с Орестом были очень молоды, но безумно влюблены и не хотели ждать, нам было невозможно расстаться даже на час.

Себастин хмыкнул и прикрылся салфеткой, пытаясь совладать со странным кашлем. Или смехом? Конкордия бросила на него злой взгляд.

Альвина заговорщицки посмотрела на мужа. С женитьбой Конкордии и Ореста было что-то не то. Надо будет расспросить Себастина.

- А дети у вас есть?

- О, конечно, у нас сын, он сейчас гостит у моих родителей.

- Сколько ему лет?

Альвина весело наблюдала, как забегали глаза графини.

- Ему десять, - за графиню ответил Себастин.

- Да, - подтвердила Конкордия, вздохнув, - ему почти десять.

“Вот и причина поспешной женитьбы! - еще больше развеселилась Альвина. - А наша безупречная подруга не такая уж и идеальная”.

- А у вас есть дети? - поинтересовалась графиня.

- У меня?! - удивилась Альвина.

- Но как же, - тоже сделала удивленное лицо Конкордия, - вы же замужем за Себастином почти восемь лет.

- Вы давно знакомы с Себастином?

- Мы выросли вместе.

- Вы что-нибудь знаете о его детях?

- Насколько мне известно, у него нет детей, - и обратилась к герцогу: - Так ведь, Себастин.

Он кивнул.

- Тогда откуда они у меня возьмутся? - грубо заметила Альвина.

- Ах, да, конечно, извините меня, леди Альвина. Я, верно, что-то не то сказала. Но вы бы хотели иметь детей?

- Не знаю, - стараясь не раздражаться, выговорила Альвина, - я никогда не думала об этом.

- Вы никогда не думали о детях? - изумилась Конкордия. - Но каждая девочка еще с младенчества, играя в куклы, мечтает, что у нее когда-нибудь будут дети.

- Не знаю, - пожала плечами Альвина, - я не любила играть в куклы. И я очень смутно представляю себя матерью.

Конкордия посмотрела на молчавшего Себастина.

- А что ты думаешь об этом?

- Конкордия, - ответил он, - это наше личное дело - когда и сколько заводить детей.

- Извини, конечно же, это не мое дело, но на правах твоего друга....

- Конкордия, - перебил ее Себастин, вставая, - думаю, что мы уже все сыты.

“По горло” - хотела вставить Альвина, но увидев предупреждающий взгляд Себастина, промолчала.

И опять ей подумалось, что он умеет читать мысли.

Глава одиннадцатая

Себастин проводил Альвину в отведенные для них комнаты.

- Альвина, ты действительно, никогда не задумывалась о детях? - спросил он, входя вслед за ней.

- Да, всерьез я никогда не представляла себя матерью, - ответила девушка, проходя в маленькую гостиную и останавливаясь посередине, - вначале я была для этого слишком молода, а потом мне было не до детей.

Себастин подошел к Альвине и, обняв одной рукой за талию, осторожно притянул к себе. Неожиданно для него она положила ладони и голову ему на грудь, прижалась и тяжело вздохнула.

- Я не понравилась твоей подруге детства. Да и она у меня не вызвала большой симпатии, - проговорила Альвина глухо.

Себастин невесомо оперся подбородком о макушку жены и ответил:

- Мы уедем завтра и вы, может, больше никогда не увидите.

- А как они оказались здесь? - спросила девушка, поднимая голову и заглядывая в глаза Себастина.

- Что значит оказались? Они живут здесь с детства.

- Как это? Им никогда не хотелось отсюда уехать?

- А ты думаешь, что настоящая жизнь только в столице? - улыбнулся Себастин.

- Не знаю, моя жизнь в глубокой провинции мне не понравилась.

- Прости, - нахмурился Себастин, - ты оказалась в Луйске и из-за меня тоже.

- Но если бы я осталась в столице, мама бы погибла в ссылке, а возможно даже по

дороге туда.

- А может наоборот, пришла бы в себя, ведь некому было бы ее опекать, не на кого было бы взвалить все заботы.

- Не знаю, - тихо проговорила Альвина.

Рассматривая лицо Себастина, она подняла руку и провела по волосам, пропуская сквозь пальцы короткие пряди, ероша их.

Себастин замер, боясь пошевелиться.

- Подожди, раз Конкордия, как я поняла, твоя подружка детства, то выходит и ты здесь вырос?

- Да, под Глоссом у нас есть поместье, там и прошли мое детство и ранняя юность, - млея от прикосновений Альвины ответил Себастин, - и в этом доме я гостил частенько. А комнаты, где поселилась ты, закреплены за мной негласно.

- Но тогда почему мы не остановились в твоём доме? И когда ты был последний раз в Глоссе?

- Я не был здесь лет пять, а поместье не по пути, пришлось бы делать круг. И там сейчас живет младший брат отца, мой дядя, а мы с ним не ладим, и это мягко сказано.

- Но и здесь мне не нравится, я хочу уехать как можно быстрее.

- Завтра мы уедем, - прошептал Себастин, наклоняясь к Альвине и нежно прикасаясь к ее рту губами, но тут же слегка отодвинулся.

Девушка судорожно вздохнула и потянулась к его губам, обнимая Себастина за шею. Он прижал ее к себе крепче, поцелуй из нежного и невесомого быстро перешел в страстный и жадный, а она терялась в своих ощущениях, восторг подхватил ее и понес по реке наслаждения. Как же давно она не испытывала подобного! И пусть столько стоит между ними, пусть Себастин не такой, каким был раньше, пусть он обидел ее вчера вечером, но его дыхание пахнет так же, как и восемь лет назад, его раскрытая ладонь также обжигает ей спину, его губы дарят невыносимое наслаждение, а в животе образуется сладкая судорога. Она не забыла, она помнит, как было приятно в объятиях Себастина! И ничего не изменилось, он все также сводит ее с ума своим дыханием, пьянит поцелуями! И у нее нет сил оттолкнуть, вырваться, она так скучала по нему, только не осознавала этого! Она так нуждается в том, чтобы ее любили, или пусть просто хотели!

Когда казалось не осталось дыхание, а ноги уже не держали ее, Себастин прервал поцелуй. Не выпуская из объятий, он, тяжело дыша, прошептал:

- Ты все так жеводишь меня с ума.

- А ты меня, - в ответ вырвалось у Альвины.

Себастин разжал объятия и сделал шаг назад, снимая ее руки со своей шеи. Он отступил еще на один шаг назад, громко стукнув тростью, Альвина вздрогнула от этого звука.

Она недоуменно смотрела на него. Ей хотелось опять оказаться в его руках, ощущать его губы на своих губах, ей хотелось, чтобы он продолжил целовать ее, чтобы он проложил цепочку горячих поцелуев от скул до ключиц, как когда-то, она все еще плыла в сладостном дурмане.

- Прости, но если я продолжу тебя целовать, то не смогу остановиться.

Ей захотелось закричать на него: "Так что же ты, не останавливайся, я тоже этого хочу!". Но она только закусил зацелованную губу, чтобы не вырвались эти слова.

- А я обещал тебе, что в этом доме ничего не произойдет, - продолжил Себастин, - но если ты снимешь с меня обещание и позволишь... остаться...

“Дурак! - возмущенно подумала неудовлетворенная Альвина. - Нашел, когда держать свои обещания, да еще и на меня решил свалить свою нерешительность! Останься же, прошу!”.

Но сказала совершенно другое.

- Думаю, что в таком случае тебе стоит уйти, - ответила, стараясь унять сбившееся дыхание, девушка, чувствуя, что начинает закипать от разочарования и раздражения. Если он будет так стоять, то она, пожалуй, кинет в него что-нибудь потяжелее.

- Да, конечно.

Себастин быстрым шагом, насколько позволяла калечная нога, вышел.

Альвина, как только закрылась за ним дверь, досадливо топнула ногой. Да что же это такое! Она готова была отдаться Себастину среди беда дня, в чужой кровати, с риском быть застигнутой на самом интересном пикантном месте. Но ведь можно же закрыть дверь и они, в конце концов, женаты! А вот это, кстати, он так и не доказал. Нет, это правильно, что Себастин остановился и ушел. Ей вдруг стало стыдно - это не она все прекратила, а он, а она наоборот была бы не против. До чего же она докатилась!

Тяжело вздохнув, Альвина поплелась в спальню. Там она увидела, что все купленные ею разложены на кровати. Странно, а почему горничная не убрала в шкаф? Но вызывать кого-то и наводить порядок не было желания. Порывшись на книжной полке, Альвина отыскала книгу стихов и устроилась у окна в кресле. Но строчки расплывались перед глазами, неудовлетворенное желание все еще бродило в крови. Да что же это с ней такое! Когда же она перестанет быть сумасбродной и начнет жить не эмоциями и чувствами, а холодным расчетом. Впрочем, восемь лет назад она не поддавалась чувствам, а выбрала холодный расчет, когда предпочла маркиза Дэвиера. Тогда ей казалось, что она поступает правильно. И к чему это привело? Она все равно оказалась женой Себастина. А он, похоже, охладел к ней. Или нет? Ведь он же сказал, что она сводит его с ума. Альвина охнула, вспомнив, что она ответила. Ну, хватит, ей надо успокоиться. Помнится по дороге, он говорил, что будет ей верен, а мужчины, насколько она знает, не могут долго обходиться без женщины. Так что никуда он от нее не денется.

День был напряженным, она устала и ее невыносимо потянуло в сон. Бросив бороться, Альвина, сдвинув на кровати все к одному краю, решила прилечь ненадолго.

Выйдя из покоев, которые, в общем-то, были всегда его еще с детства, Себастин, остановился, не зная что теперь делать. Вернуться? Но он и так с трудом ушел оттуда. А почему он должен уходить? Она его жена и все, что ему хотелось сейчас, он может получить. Но так почему же он все-таки ушел? Ведь чувствовал, что и она с трудом соображает от чувственного притяжения, от вожделения, что снесало не только его, но и ее. Зачем остановился? Чтобы понять, показать, что может остановиться и она не имеет над ним власти? Ему захотелось, чтобы она сама потянулась к нему обратно и сказала, что разрешает не останавливаться? А вот это ожидать от нее было глупо. Она бы все позволила, отдалась ему, только не надо было спрашивать ее ни о чем. А потом она упрекало бы его? Или нет? В конце концов, она не испуганная, юная девственница. Он явственно почувствовал ее досаду, злость, неудовлетворенность, когда отступил. Так почему же ушел? Испугался своих чувств, понял, что ничего не прошло, она так же сводит с ума? Или все еще робеет перед ней? А вот это смешно! Когда-то он так хотел её, и почему же не получить сейчас то, в чем ему когда-то отказывали? Теперь он вправе делать с ней все, что захочет. А впрочем, он тогда и не особо

настаивал, щадя ее, понимая, что до свадьбы не имеет на это право, а ее “жених” воспользовался, забрал то, что принадлежало ему! Эта мысль опять всколыхнула в нем что-то темное. Первое что он сделает, когда вернется в столицу - поднимет и пересмотрит все, что собрал на маркиза Дэвиера. Пора уже этому маркизу попасть в опалу.

Да что же это такое, она все-таки опять сводит его с ума! А он истерит, как невинная девица, впервые познавшая поцелуй! Хватит! Пожалуй, стоит покинуть дом, заняться делами, подготовиться к отъезду, навестить местный отдел Магических преступлений и его начальника графа Китэна.

Альвина проснулась от громкого шума. Она еще некоторое время не могла понять где находится и не сразу сообразила, что колотят в дверь спальни. Открыв глаза и сев на кровати, девушка с удивлением поняла, что в комнате сумрачно, а за окном не светит солнце, там уже уверенно правил (расположился) поздний вечер, или даже ночь. Голова раскалывалась, в висках стучало, в глаза, как будто насыпали песок.

Сползая с кровати, Альвина чуть ли не на ощупь добралась до двери и открыла ее, за ней стояла Конкордия с поднятым кулаком - видимо собиралась опять начать долбиться в дверь.

- Что вы так стучите, Конкордия, - прокаркала Альвина, щурясь от света, лившегося из гостиной.

- Что с вами, леди Альвина? - встревожено спросила графиня. - Вы плохо выглядите. И что с вашим голосом?

- Ничего со мной не случилось, - кашлянув пару раз, чтобы прочистить горло и не хрипеть, ответила Альвина, - просто я спала, а вы меня разбудили своим невыносимым стуком.

Девушка шагнула в гостиную, Конкордия поспешно уступила ей дорогу.

- О, прошу меня простить, но привезли ваши готовые платья, - показывая на гору одежды, лежащий на кушетки и кресле, сказала Конкордия, - и уже вечер, наши мужчины вернулись и ждут нас внизу к ужину. А вы не отвечали, как я вас не звала, пришлось постучать в дверь спальни. Извините, я не знала, что вы спите. Вы хорошо себя чувствуете? У вас больной вид, может вызвать лекаря?

- Не надо лекаря, - морщась от громкого голоса Конкордии, возразила Альвина, - просто у меня болит немного голова. Пройдет, не надо было засыпать после обеда и так долго спать.

- Тогда, если отказываетесь от лекаря, приведите себя в порядок и спускайтесь вниз. Я сейчас пришлю служанку, чтобы она помогла вам переодеться и причесаться.

Альвина бросила раздраженный взгляд на Конкордию. Та была свежа, с безукоризненно прической, одета в отглаженное, красивое платье. Да уж, она, Альвина выглядит далеко не так безупречно, раз Конкордия смотрит на нее с осуждением.

- Хорошо, - вяло согласилась Альвина, - присылайте свою служанку.

Спорить, грубить у нее не было сил, в висках как будто поселился дятел.

Удовлетворенно кивнув, Конкордия вышла. Альвина побрела в ванную комнату, ни в гостиной, ни в спальне не было зеркал, оно было только там.

В зеркале она увидела бледное лицо с красными полосами, видимо следами от подушки. Осмотрела платье - оно было безнадежно измято. Да уж, как в таком виде предстать перед Себастином и хозяевами дома?

Услышав осторожный стук, Альвина вышла из ванной и крикнула, чтобы входили, от чего голова еще больше вспухла. Вошедшая служанка, быстро приготовила воду для

умывания, после того, как Альвина немного освежилась, помогла переодеться в одно из принесенных платьев, сделала простую, но изящную прическу.

Затем велела служанке упаковать все в саквояж, оставить только плащ, смену белья, платье на завтра и мелочи, чтобы привести себя с утра в порядок.

Спустившись в большую гостиную, Альвина увидела там Себастина и графа Китэна, вставших при ее появлении.

Себастин подошел к жене и, взяв ее за локоть, наклонился и прикоснулся губами к щеке.

- Как ты себя чувствуешь? - заглядывая в лицо Альвины, встревожено спросил он. - Конкордия сказала, что ты недомогаешь. Может, стоило остаться в спальне, а ужин тебе бы принесли туда?

- Спасибо, но мне уже значительно лучше, - ответила, вспыхивая Альвина, - все хорошо, не беспокойся.

Совсем не вовремя ей вспомнился их поцелуй и то, что Себастин, уйдя, в общем-то, отверг ее.

- Добрый вечер, леди Альвина, - услышала Альвина низкий голос и обратила внимание на говорившего мужчину, которого ранее не рассмотрела толком.

- Добрый вечер, граф, - произнесла девушка, попытавшись улыбнуться.

Граф оказался красивым, высоким мужчиной, белокурый, с яркими голубыми глазами.

“Какая красивая пара, - подумала Альвина, - а на кого интересно похож их сын. Хотя, на кого бы он ни был похож, наверняка красавчик”.

- Что ж, прошу пройти в столовую, раз все хорошо, - пригласила Конкордия.

Ужин проходил, если можно так выразиться, в дружеской атмосфере. Герцог и его друзья весело общались, вспоминали общее детство и юность, смеялись над проказами сына графа и графини, сообщали друг другу об общих знакомых, Себастин делился новостями из столицы, с юмором рассказывая о придворной жизни и обитателях королевского дворца.

Альвина чувствовала себя лишней, Себастин несколько раз пытался вовлечь ее в общий разговор, но она только улыбалась в ответ и не спешила поддерживать беседу. Девушка, слушая оживленный разговор, с тоской думала, что у нее никогда не было таких друзей, никто не принял бы ее так радушно и ей не с кем было вспомнить свое детство. Те, кого она считала подругами, вряд ли приняли бы ее, стали бы поддерживать с ней отношения, когда она оказалась изгоем. Альвина с завистью думала, что этих троих связывают теплые, доверительные отношения, у них общее прошлое. А еще она поняла, что Конкордия никогда не была любовницей Себастина, она его подруга и никак иначе.

Ужин был, наверное, вкусным, но Альвина вяло ковырялась в тарелке, ее мысли были горьки и даже сладкий десерт не подсластил их.

Она вспомнила, как легко и приятно было общаться когда-то с Себастином, если он, конечно, не смущался рядом с ней. С ним было интересно не только целоваться. Он много знал и интересно рассказывал о далеких странах, их обычаях. Она тогда удивлялась, откуда он столько об этом знает, ведь она кроме, как об Индании, Эльмфеи и кочевниках никогда не слышала о других странах. Но Себастин уверял, что все, что он рассказывает, читал в древних книгах, и далеко за морем, которое находится за Эльмфеей, есть еще земли, где живут люди.

А ее бывший жених маркиз Фабьен Дэвиер разговаривал с ней снисходительно о моде, погоде, перетирал сплетни, конечно, только те, которые он считал приемлемыми для

обсуждения с молоденькой невестой. Альвина иногда откровенно скучала рядом с женихом. Но он был красивым, превосходной, завидной партией, и все бросали завистливые или даже ненавистные взгляды на нее, когда они появлялись вместе на каких-либо балах, званых вечерах и маркиз весь вечер не отходил от нее. Она считала, что отхватила приз, достойный ее. Ох уж это тщеславие! Какая же она была тогда дура! Ее извиняет только то, что была слишком молода и не понимала настоящих ценностей. А сейчас она разве стала больше понимать? Но хоть то, что бывший жених был не тем выбором, до нее дошло. Хотя, если уж быть честной, она и восемь лет назад сомневалась в том, что сделала правильно, предпочтя маркиза Дэвиера, но упорно отгоняла от себя эти мысли. Да и отец никогда не разрешил бы ей отказаться от маркиза Дэвиера и выйти замуж за Себастина.

Интересно, если бы она все-таки вышла замуж за Дэвиера, как быстро бы поняла, что ее брак несчастливый? Или бы так и не поняла этого? Ведь ее брак, скорее всего, не отличался бы от большинства, и примеров по-настоящему счастливых браков, где муж и жена влюблены друг в друга множество лет, живут душа в душу, где супруги единое целое и не скрывают своих чувств, она не знала. Ей просто не с чем было бы сравнить. Любили ли друг друга ее родители? Отец баловал и жену, и дочь, был снисходителен к их капризам. Но в то же время имел бесчисленное количество любовниц, сменяющих друг друга бесконечно. Хотя об этом Альвина не должна была знать, но знала. Отец не очень-то скрывал свои связи. А мать, как видела Альвина, сквозь пальцы смотрела на увлечения мужа. Так о какой любви могла идти речь? И ее тоже ожидал такой же брак?

А что же с ее нынешним браком? Станет ли он счастливым? По крайней мере, Себастин, помнится, обещал быть ей верной.

Погруженная в свои мысли, Альвина не обратила внимание, что ужин закончился.

- Альвина, - оторвал ее от невеселых дум Себастин, - Конкордия прекрасно музицирует на клавесине и великолепно поет. Я уже давно не слышал ее чудного голоса. Предлагаю перейти в гостиную и насладиться изумительным пением.

О! Альвина не сомневалась во множественных талантах Конкордии. С таким грудным голосом было бы грех не уметь петь. Сама Альвина не обладала таким дарованием, у нее не было ни слуха, ни голоса, что очень когда-то огорчало ее мать. Слушать чужое пение большого желания Альвина не испытывала. Хоть она и пришла к заключению, что Конкордия не любовница Себастина, все же выслушивать восторги, предназначенные ей, было неприятно. Она уже хотела отговориться тем, что у нее болит голова и уйти, но взглянув на Конкордию, передумала - та явно ждала, что Альвина откажется и скроется в комнатах, где ее поселили.

И Альвина, мило улыбаясь (как она надеялась), выразила согласие провести продолжение вечера в гостиной, слушая пение леди Конкордии.

Альвина оперлась на предложенную руку графа, и вслед за Себастином и Конкордией прошла в гостиную.

Остаток вечера прошел весьма неплохо.

Графиня действительно прекрасно пела, а граф, как оказалось, недурно играл на клавесине. Альвина, не кривя душой, выказала чете Китэн свое восхищение и удрученно пожаловалась, что сама никогда не была склонна ни к пению, ни к игре на музыкальных инструментах. Себастин заступился за жену, сообщив, что она прекрасно рисует и вообще у нее золотые руки мастерицы. В ответ Конкордия заявила, что всегда завидовала и преклонялась перед теми, кто дружит с иголкой и умеет разводить краски и рисовать, так

как у нее самой руки-крюки и совершенно отсутствует чувство цвета. Вот в последнем Альвина усомнилась, она видела, как оформлен дом, о чем и не преминула сказать Конкордии. Обменявшись комплиментами, Конкордия и Альвина остались не совсем довольные друг другом, но и напряжение между ними немного спало.

Вечер, начинавшийся для Альвины с ощущения, что она лишняя и ей не место среди друзей Себастина, закончился приятными уверениями со стороны хозяев, что в этом доме жену Себастина будут рады видеть всегда. Немножко горчило это “жену Себастина”, а ее, просто Альвину они тоже будут рады видеть? Но граф и его жена почти не знакомы с ней и требовать от них такого теплого отношения, как и к Себастину, пожалуй, глупо. Успокаивало то, что как Конкордия ни пыталась выудить подробности их отношений и женитьбы, Себастин им ничего не рассказал. А если бы они знали, как она поступила когда-то с их дражайшем другом, то, возможно, не стали бы ее принимать в своем доме.

Себастин пошел провожать Альвину до ее покоев. Он не стал заходить внутрь, чмокнул жену в щеку, пожелал ей спокойной ночи и, сказав, чтобы она была готова утром уехать, развернувшись, направился прочь. Альвина стояла на пороге открытой двери и недоуменно смотрела вслед. Он даже не оглянулся! А она, дурочка, втайне надеялась, что он останется с ней этой ночью. Очнувшись, Альвина вошла в комнату и закрыла дверь, очень стараясь не хлопнуть ею со злости и разочарования.

Глава двенадцатая

Себастин и Альвина рано утром уехали. Провожать их вышли граф и графиня Китэн. В карету погрузили всевозможные корзинки и котомки с едой и напитками. Конкордия вытребовала у Альвины обещание писать ей, в ответ обещала всегда отвечать на письма. Но Альвина не собиралась общаться впредь с подругой Себастина, она прекрасно видела, что они не понравились друг другу. Зачем дальше лицемерить? Прощаясь, Себастин сказал, что возможно они навестят их не в таком уж далеком будущем. А Альвина подумала, что так и будет - в Луйске осталась мать и она не может ее просто бросить и забыть, и в ближайшее время намерена провести ее. Вот только желательно объехать Глосс стороной.

На этот раз карета была больше, комфортней, сиденья были шире, мягче, на них, наверное, для Альвины хватит места, чтобы почти вытянуть ноги, если ей захочется прилечь. И расстояние между сиденьями достаточно, чтобы они с Себастином не сталкивались коленками, как в прошлой карете. На закорках стоял вместительный ящик для вещей, куда погрузили саквояжи и еще какие-то коробки, видимо, они принадлежали Себастину, Альвина не стала вникать в это.

На выезде из города к ним присоединились двое вооруженных верховых, Себастин объяснил жене, что нанял охрану. На замечание Альвины, что до этого они обошлись без сопровождающих, Себастин ответил, что не хотел бы пугать, но впереди будут отрезки дороги, где как ни стараются, никак не могут обеспечить полной безопасности, там шайки разбойников появляются регулярно, слишком густые леса в той провинции, разбойникам есть где укрыться и обнаружить их трудно. И еще им предстоит проехать часть пути недалеко от границы с Эльмфеей, что тоже опасно. С княжеством вроде как подписаны мирные договоры, даже дочь короля постоянно навещает своего дедушку - Верховного Князя Эльмфеи, но дружественным княжество не стало.

Несколько дней проведенных в дороге прошли не так уж плохо, как боялась Альвина. Они негласно не вспоминали общее прошлое, не заводили разговоры о знакомых, как могли избегали в общих беседах упоминать то, что когда-то их свело и разлучило. Вокруг них

невидимыми искрами рассыпалось (мерцало, трещало, мелькало, временами осыпалось) напряжение, но они дружно старались не замечать этого, делая вид, что все хорошо. Себастин рассказывал о своем детстве, проказах, которые устраивали он и Орест. Смеясь, рассказал, как застали Ореста в спальне Конкордии и какую взбучку им устроили родители. Но Орест и Конкордия насмерть стояли, уверяя, что ничего не было, хотя на самом деле это было не так. И как тогда еще совсем юная Конкордия долго боялась открыться матери, что ждет ребенка. Она бы все рассказала Оресту, но им строго-настрого запретили видится, и заодно Себастина не подпускали к Конкордии. Когда уже стал виден живот, мать девушки заподозрила неладное. Скандал был грандиозный! Молодых любовников, конечно, очень быстро обвенчали, но до самой смерти граф Китэн не хотел знаться с новыми родственниками, считая их дочь не достойной его сына, и что они окрутили мальчика, обманули.

Альвина тоже рассказывала о своем детстве, о том, как изводила нянек, гувернанток и учителей. На что Себастин заметил - ничуть не сомневался в этом.

Альвине было интересно слушать Себастина, как и несколько лет назад. Он опять утверждал, что за морем есть другие страны, делился прочитанным в древних книгах, описывал увлекательно жизнь королей, князей и простых магов, оставивших заметный след в истории их королевства и княжества Эльмфея. От него она многое узнала о быте и устоях кочевников, с которыми король заключил мирный договор обоюдной помощи и взаимовыручки. И теперь кочевники их преданные друзья, в отличие от эльмфейцев. На вопрос Альвины был ли сам Себастин в степях и видел ли кочевников, он ответил, что хочет побывать в степях и когда-нибудь его желание исполнится. А кочевников он видел, они регулярно навещают короля, несколько их отпрысков учатся в Королевской Академии на отделении для младших детей, скоро переведутся на старшее отделение. Альвина была безмерно удивлена этой новостью, восемь лет назад о кочевниках только ходили слухи, но никто их не видел. И Академии не было, ее только собирался основать король Флориан.

Сколько же она пропустила! И подозревает, что ей еще придется не раз изумляться, вот только свое удивление, замешательство и неведение надо будет прятать и делать вид, что она все знает. Так будет лучше.

Дорога была длинная, но вполне комфортная. В отличие от того, как они ехали до Глосса, торопясь и почти без передышки, теперь остановки были чаще, дольше, обедали почти всегда в придорожных трактирах, несколько раз заезжали в попадающиеся по пути городки и обедали в дорогих ресторациях, а на ходу, в карете только перекусывали, если хотелось. Ужинали, ночевали и завтракали в гостиницах, причем больших, удобных, чистых. Себастин каждый раз оплачивал разные для них комнаты. И ни разу за все время в пути никак не проявил к ней особого интереса, обращался с ней, как с подругой, сестрой, а не как с женой, даже в щеку не целовал, что вызывало досаду у Альвины, но она никак не выказывала ее. Вот еще, не хватало только навязываться ему и зазывать к себе в гостинице! Но почему он так себя вел? Нет, она не то чтобы хотела совместные комнаты, и чтобы все произошло в гостинице, но и его полнейшее равнодушие задевало. Ведь не приснилось же ей как он жадно целовал ее и его слова, что она сводит его с ума?

Одним прекрасным утром Себастин рассчитался с охраной и отпустил их. По наблюдению Альвины осталось немного доехать до столицы, и Себастин завел разговор о том, как объяснить всем их женитьбу. Он предложил Альвине утаить, что она была много

лет в ссылке, а представить для всех версию, что она все эти годы находилась в его замке, вела затворнический образ жизни, не желая никого видеть. Но сам же и отверг это. Во-первых, столько лет добровольно жить вдали от всех и ни разу никуда не выехать и никого не принять, не в ее характере. Кто ее знает, не поверит в это. Во-вторых, слишком многие знают, что она отбыла в ссылку вместе с матерью, а некоторые даже были свидетелями этому.

Тяжело вздохнув, Себастин сказал, что надо будет как-то объяснить ее возвращение в качестве герцогини Адьяр. Альвина, лукаво улыбаясь, предложила всем рассказывать, что они все эти годы любили друг друга, но не могли в силу причин, которые надо придумать, быть вместе. И вот, спустя восемь лет, наконец-то не выдержали жить в разлуке и решили пожениться. То, что они женаты столько лет, не обязательно всем знать.

Себастин ответил, что обдумает ее версию. Но вначале надо будет как-то все объяснить королю. А вот ему желательно, нет обязательно, рассказать всю правду. И предстоящий разговор с королем не будет простым и приятным. Эти слова Себастина обеспокоили Альвину.

- Я хотела спросить, - неуверенно начала говорить девушка, - ты меня везешь в столицу? Или нет?

Себастин, немного помолчав, ответил:

- Нет, я оставлю тебя в моем замке в провинции Атеррир, где находится герцогство Адьяр, это не так далеко от столицы. Пока не надо, чтобы ты появилась в столице, рядом со мной.

- Почему? Ты боишься, что король накажет тебя за то, что ты женат на дочери герцога Лэвирина?

- Я боюсь не за себя. Прости, но будет лучше, если когда я буду все рассказывать королю о своей женитьбе, ты будешь находиться не в столице и уж тем более не в королевском дворце рядом со мной. Несмотря на то, как ко мне относится король Флориан, думаю, ему очень не понравится, что я столько лет скрывал свой брак с тобой. Король очень щепетилен по поводу преданности и не приемлет измен в любом виде.

- Ты думаешь, король может расценить это как измену и предательство? - испугалась Альвина. - И я окажусь не только дочерью мятежника, но и еще женой предателя? И что тогда будет со мной? Меня казнят?

- Ну что ты, до этого не дойдет, успокойся. Но боюсь, что доверие ко мне будет в какой-то мере подорвано. Ты же прекрасно знаешь, для того, чтобы жениться, надо вначале просить короля о разрешении на брак. А я мало того, что не сделал этого, так еще и скрыл свой брак от короля.

- И что теперь? Король может признать наш брак недействительным? Аннулировать его?

- Разумеется, нет, брак, заключенный в храме, король не в состоянии аннулировать или признать недействительным. Но наказать за ослушание может стать захочет. А я, повторюсь, еще и скрыл все от короля. Но будем надеяться на лучшее, и мне удастся убедить короля Флориана, что я не имел в виду ничего дурного.

Альвина какое-то время обдумывала слова Себастина, он тоже молчал, глядя в окно.

- Себастин, - прервала молчание девушка, - а что будет потом, когда твой разговор с королем, предположим, завершится благополучно? Ты приедешь за мной? Или я так и останусь в твоём замке, а ты иногда будешь вспоминать обо мне и изредка навещать?

- С чего такие подозрения? - вскинул брови Себастин.

- А у меня есть основания довериться тебе полностью? Ты обещал, что у меня будет прежняя жизнь, как до ссылки, обещал, что я буду жить в столице и смогу делать все, что захочу. В разумных пределах, конечно. А что выясняется теперь? Ты намерен закрыть меня в своем дальнем замке, и я не верю, что ты это делаешь из желания уберечь меня от гнева короля. Не такая это большая провинность, чтобы карать преданного подданного. Ты хочешь наказать меня? Сколько продлится мое заточение?

- Ты говоришь глупости, я не собираюсь тебя заключать в замок, ты только какое-то время поживешь там, а потом я тебя заберу в столицу, если ты захочешь.

- Я не уверена теперь в своем будущем, я не уверена в тебе, я уже ничего не могу понять. И я не знаю теперь, правильно ли поступила, согласившись уехать с тобой.

- А у тебя был выбор - ехать или нет? - начал злиться Себастин.

- Ты не предоставил мне выбора. Но думаю, если бы у меня было время все обдумать, я возможно и отказалась бы.

- Нет, - резко ответил Себастин, - ты не могла бы отказаться. Ты моя жена и я решаю что и как ты должна делать.

- Я не вправе поступать как считаю нужным? - взвилась Альвина. - Я столько лет жила без тебя и как-то не умерла от того, что принимала решения самостоятельно, не спрашивая твоего разрешения. И если бы не твой кузен, то и сейчас бы ты не имел надо мной власти, прекрасно живя вдали от меня.

- Во что превратилась бы твоя независимая жизнь в ближайшее время, Альвина, если бы я не забрал тебя? - обманчиво вкрадчиво спросил Себастин. - В какую бы яму упала? Или может вместе с матерью опустилась бы на дно?

- Ты, ты...., - задохнулась от возмущения Альвина, - как ты смеешь!

- А что я такого сказал, Альвина? Может неправду? Вы с матерью оказались без денег, без покровительства, в ближайшее время, скорее всего, и без дома. Как бы ты жила дальше? Нашла бы себе богатого благодетеля? А, может, вышла бы замуж за любого, кто предложит? Но вот незадача, ты же, оказывается замужем!

- Только вот незадача, я-то не знала об этом, - угрюмо огрызнулась Альвина, остывая и прекрасно понимая, что Себастин прав. Ей сейчас страшно думать, что было бы с ней и матерью в ближайшее время. И что бы ей пришлось сделать, чтобы не умереть от голода. Но все же, несмотря на его правоту, слова Себастина и тем более его тон, ранили.

- Альвина, - неожиданно миролюбиво произнес Себастин, - мы всю дорогу от Глосса неплохо ладили, значит, вполне можем обходиться без ссор.

- Потому что я очень старалась, а ты опять задеваешь меня и подстрекаешь. Зачем?

- Ты постоянно перечишь мне. Позволь тебе напомнить, что я твой муж, а это подразумевает - господин и ты должна меня беспрекословно слушаться и безропотно повиноваться.

- Ну вот, опять и заново! - с досадой воскликнула Альвина. - Зачем тебе это - мое полное подчинение? Ты мстишь мне за то, что я когда-то натворила? Никак не можешь простить? Наслаждаешься, что я теперь зависима от тебя?

- Если бы это было так, то я еще восемь лет назад бы не упустил случая испортить твою жизнь своим присутствием и всячески унижить тебя. А сейчас я только хочу, чтобы ты поняла - все решаю я.

- Зачем? Неужели же нельзя не подавлять, не унижать, не ставить перед фактом, а

советоваться, спрашивать мое мнение?

- Спрашивать твое мнение? Советоваться? - удивился Себастин. - По поводу чего?

- Хотя бы если это касается непосредственно меня! Я не останусь в твоём замке, который находится неизвестно где. Ты должен взять меня с собой в столицу. Согласна, что мне, возможно, не стоит сейчас присутствовать при твоём разговоре с королем, но....

- Присутствовать при моём разговоре с королем! - перебил гневно Себастин. - Что ты себе возомнила! Если я эти дни вел себя с тобой учтиво, заботился о тебе, даже стерпел твои пощечины, то теперь ты можешь что-то диктовать мне, ставить свои условия, лезть в мои дела, указывать что и как мне делать, пусть даже это и касается тебя? Я разберусь без тебя и твои советы мне нужны.

- Я твоя жена, как ты утверждаешь и...!

- Вот как моя жена, - опять перебил Себастин, - ты останешься в замке, до него, кстати, не больше пары часов пути, а я поеду дальше, в столицу.

Альвина хотела ответить, но Себастин, зло сверкнув глазами, припечатал:

- И больше я это обсуждать не намерен!

Альвина, глотая злые слезы, отвернулась к окну. Как так получилось, что они опять поссорились? Столько дней все было хорошо. Но она и, правда, не хочет оставаться в каком-то его замке. Если уж быть честной перед собой, то у нее есть все основания бояться, что Себастин не вернется в ближайшее время, забудет о ней опять надолго, как только она исчезнет с его глаз. Хорошо, пусть сейчас будет по его, у нее пока нет власти, у нее ничего сейчас нет, ни денег, ни места, где бы она могла укрыться, ни людей, кто бы ее приютил. Она не может вот просто уйти от него, он не отпустит, и надавит на нее, заставит сделать все, как ему хочется. А так уж ли она хочет от Себастина сбежать? Пока она отступит, притворится, что подчиняется ему, но придет и ее время, как когда-то говорила ее няня, и в ее доме будет праздник. И жить вдалеке от мужа, терпеть его равнодушие не будет! А пока пусть будет так, как он хочет. Но когда-нибудь она все ему припомнит!

Глава тринадцатая

Оставшийся путь они сидели напротив друг друга и напряженно молчали. Себастин временами бросал на жену раздраженные взгляды, Альвина же ни разу даже не скосила на него глаза, не отрывая взгляда от того, что проплывало за окном. Когда появился замок вдалеке, она тоскливо вздохнула.

- Тебе не нравится мой замок? - спросил Себастин, прерывая затянувшееся молчание.

- Не знаю какво внутри, но снаружи этот угрюмый, какой-то пасмурный замок вызывает у меня странные образы, - соизволила ответить Альвина. - Я чувствую себя узницей, которую везут в заточение и впереди беспросветность и обреченность.

- Не придумывай! Какая еще узница! Я вернусь за тобой совсем скоро.

Могучий замок вырос на вершине крутого холма. Карета объехала высокий холм, проезжая по небольшому поселению у подножия, затем взобралась на холм по крутой дороге, ведущей к подъемному мосту перед воротами замка. Замок, окруженный рвом, щетинился зубцами высокого каменного забора, стоящего сплошной неприступной стеной. Две мощные воротные башни по сторонам массивной кованой решетки, закрывающей вход и въезд в замок смотрели угрюмо и угрожающе узкими амбразурами (бойницами). За мощным, кажущимся неодолимым ограждением, высились две круглые башни с конусными крышами.

Это была неприступная, величественная цитадель. Глядя на приближающуюся

громадину замка, Альвина с тоской думала, что если бы у отца была такая почти недоступная твердыня, то, может быть, все было бы не так печально. Они бы смогли, при наличии большого гарнизона очень долго выдерживать осаду и кто его знает, как бы все повернулось. А впрочем, о чем это она? Если бы сопротивление затянулось, то возможно, все бы закончилось еще хуже. Но у их родового замка ограждение было скорее декоративным, и тем более не было никакого рва и подъемного моста, при желании поднимающегося и закрывающего наглухо вход в замок, и гарнизон был малочисленным. Для королевской гвардии захват их замка был скорее развлечением, чем серьезной осадой. И уже который раз за эти годы Альвина недобрым словом помянула отца. О чем он думал, укрываясь в не достаточно защищенном замке?

Перед подъехавшей каретой с ужасным грохотом и лязгом поднялась решетка и они въехали во двор замка, за ними с таким же жутким бряцаньем решетка опустилась.

Альвина передернулась, ей показалось, что этот лязг оглушил ее, это был похоронный перезвон по ее дальнейшей жизни. Все! Она отсюда уже никогда не выберется!

Карета проехала, громыхая по мощенному бульжником двору, и остановилась.

- Что с тобой? - спросил Себастин, видя бледное лицо жены, дрожащие губы, руки, нервно теребящие перчатки.

- Что это за место? - спросила тихо Альвина, пытаясь не разрыдаться. - Острог? Здесь отбывают наказание неверные жены и дочери мятежников?

Себастин удивленно вздернул брови.

- Какой острог, Альвина? Это мой замок, вернее, это родовой замок Адьяров.

- Укрепленный и воинственный? Здесь ты держишь в заточение своего кузена за то, что он посмел обратить на меня свое внимание?

- Нет, он здесь никогда не был. И вообще, я преувеличил, сказав, что держу его взаперти. Он уже давно свободен, пообещав мне не приближаться к тебе близко.

- А что мне надо сделать, как заслужить твою милость, чтобы ты разрешил мне покинуть этот замок?

- Ну, хватит, Альвина! Это мой замок и теперь ты тоже его хозяйка и никак иначе, - раздраженно произнес Себастин, открывая дверцу кареты, подбежавший совсем молодой слуга уже откинул ступеньки и, кланяясь, протянул герцогу руку.

Себастин злобно что-то прошипел вмиг побледневшему лакею и вылез из кареты без посторонней помощи.

- Альвина, выходи, - бросил через плечо герцог, отвлекаясь на спешащего к нему мужчину.

Девушка, опираясь на руку все так же склоненного лакея, выбралась наружу. Себастин о чем-то разговаривал с подошедшим высоким, мощным мужчиной, не обращая внимание на жену. Судя по доносившимся до Альвины обрывкам фраз, мужчина был начальником замкового гарнизона и докладывал обо всем, что произошло в отсутствие хозяина.

Стоя у кареты, Альвина настороженно оглядывалась. Они подъехали к двухэтажному дому, с двух сторон его подпирали башни, крыши-шпили которых она видела еще при подъезде к замку, а дом тогда не просматривался, был скрыт высоким ограждением. Высокие ступени просторного крыльца вели к мощным трехстворчатым дверям, обитых железными обручами. Чтобы открыть эти двери при условии осады, надо будет применить много сил и средств и положить много жизней, если учесть, что над дверями и по всему периметру дома виднелись узкие щели бойниц, из которых прекрасно просматривался двор

и крыльцо. Башни, судя по всему, тоже были оборудованы и укреплены в случае нападения и осады. Хозяйственные постройки, скорее всего, располагались за домом. А сад на территории замка есть?

Двор постепенно заполнялся людьми, мужчины кланялись, женщины в большинстве своем приседали в неуклюжем реверансе. Оглядываясь вокруг, Альвина немного успокоилась. Конечно же, это не острог, а весьма обжитый замок и вполне способный себя защитить, что само по себе неплохо

Себастин оглянулся на стоящую у подножия лестницы Альвину и, приказав начальнику гарнизона собрать всех во дворе, подошел к жене.

- Если королю придет в голову мысль арестовать тебя, то его гвардии придется нелегко, осаждая замок, - сказала Альвина герцогу, - в отличие от замка Лэвирин, где они просто развлекались, а не воевали. Поэтому ты привез меня именно сюда?

- Альвина, я подданный короля, и если ему покажется, что я предал его, то буду вынужден отдаться в руки правосудия, уповая на милость и здравомыслие нашего короля...

- То есть ты без раздумийпустишь гвардейцев в этот замок? - перебила испуганно Альвина.

- Нет, они сюда не войдут. Я сказал, что я сдамся, а не замок. Здесь ты будешь в полной безопасности, пока я буду в отъезде.

Альвина прижала руки к груди и смотрела на Себастина в панике.

Себастин за локоть притянул к себе Альвину и, наклоняясь к ней близко, сказал успокаивающе:

- Ну что ты, все будет хорошо. Наш король не самодур, а я не раз доказывал ему свою преданность. То, что я женился втайне от короля, разозлит его немного, но не до такой степени, чтобы обвинить меня в измене или мятеже. Если я оставляю тебя в этом замке, ничего страшного не означает. Ты слышишь? Все будет хорошо. Просто дождись меня здесь.

Альвина, боясь, что если она откроет рот, то разревется, просто кивнула.

- Вот и прекрасно, - сказал Себастин, обнимая жену за плечи и направляясь вместе с ней к лестнице и поднимаясь по ней.

Развернувшись на крыльце лицом ко двору, Альвина увидела, что он заполнен гомонящими людьми. Сколько же человек живет в замке? А позади толпы выстроились стражники. Увидев их, Альвина вздрогнула.

Герцог поднял руку и гвалт стих.

- Представляю вам свою жену герцогиню Адъяр, - громко произнес Себастин.

Толпа в едином порыве поклонилась.

- Ее слово после моего для вас закон, - продолжил герцог, - слушайте ее беспрекословно.

Себастин кивнул начальнику замковой стражи и стоящей рядом с ним немолодой полной женщине, они стали подниматься на крыльцо.

- Дорогая, - обратился герцог к жене, - разреши тебе представить начальника местного гарнизона барона Арона Гонрэ и управляющую замком госпожу Фелисию Пренмэ.

Мужчина склонил голову, а женщина, несмотря на свою полноту, присела в изящном реверансе.

Альвина кивнула начальнику гарнизона и улыбнулась женщине.

- Ну а с остальными обитателями замка тебя познакомят или Фелисия, или Арон по

мере необходимости, - произнес Себастин.

Герцог велел распустить людей и барон зычно крикнул, чтобы все расходились.

- Фелисия, мои покои готовы? - спросил Себастин у госпожи Пренмэ.

- Конечно, Ваше сиятельство, - ответила управляющая, - ваши комнаты всегда готовы. И как только мы получили от вас послание, открыли смежные с вашими покои герцогини и привели их в порядок.

- Прекрасно, подайте ужин туда, - велел Себастин, беря Альвину под руку и направляясь к дверям и оглянувшись на барона, добавил: - я буду готов через час.

Альвина недоуменно посмотрела на Себастина. К чему он будет готов? Но он ничего не пояснил ей.

Войдя в дом, они оказались в огромном холле, больше похожим на бальный зал, с его колоннами поддерживающими потолок и облицованным разноцветной узорчатой плиткой полом, сценическими, жанровыми картинами на стенах. Альвина с любопытством оглядывалась кругом. По обеим сторонам холла в открытые двери были видны анфилады комнат. Девушка поняла, что справа большая гостиная, за ней, судя по всему музыкальный салон, что дальше было уже плохо видно, слева - скорее всего большая столовая, там виднелся длинный стол, покрытый скатертью и прислоненные к нему стулья, следующая дверь за столовой была закрыта. За анфиладами комнат, скорее всего где-то там, находились входы в башни. Прямо перед ними по обеим сторонам стены находились крутые, винтовые, узкие лестницы, ведущие наверх, галерея, в виде балкона соединяла лестницы, под ними были двери, ведущие, скорее всего в подсобные, хозяйственные, служебные помещения.

Альвине подумала, что по узким лестницам нападающим будет нелегко взобраться наверх, тем более, что с галереи легко просматривались лестница и вход, там могут засесть лучники. А сквозь анфилады комнат тоже, скорее всего, нелегко добраться до входа в башни, если что. Поймав себя на этих мыслях, девушка ужаснулась - о чем она думает? Альвина поняла, что боится остаться здесь, в незнакомом месте, среди чужих людей, которые вряд ли станут ее защищать, если придут гвардейцы за ней. Укрепленный замок, намерение Себастина оставить ее здесь, его странные оговорки, что король не станет наказывать за брак с ней, и в тоже время, он не хочет, чтобы она была рядом с ним в столице, все это всколыхнуло с таким трудом забытые страшные воспоминания об осаде замка Лэвирин.

- Тебе нравится? - спросил Себастин оглядывающуюся Альвину.

- Красиво, - ответила она, - отделка, мебель, ковры - все новое, дорогое. Этот замок не так давно ремонтировали и заново обустраивали?

- Да, я его восстановил чуть ли не из развалин. Я приехал сюда уже после смерти отца и был неприятно удивлен состоянием замка, больше всего досталось дому. Прежний герцог поддерживал в более-менее пригодном состоянии ограждение, ров, подъемный мост, а на дом и башни у него, по-видимому, уже не было ни средств, ни сил, ни желания. А мой отец, когда вступил в наследство, даже не был здесь ни разу. А мне замок понравился, и я его за год привел в порядок.

Рассказывая все это, Себастин потянул Альвину к лестнице и стал по ней подниматься, ведя за собой жену.

- А отчего умер твой отец и когда? - спросила девушка, цепляясь за руку герцога, следуя по крутым ступеням за ним.

- У него был удар, после которого он не смог восстановиться и умер спустя месяц после этого, - глухо ответил Себастин, не поворачиваясь к Альвине. - это было полтора года назад.

Поднявшись наверх, они свернули в боковой проход, выведший их в коридор, по одной стороне которого находились витражные окна, сквозь которые пробивался тусклый солнечный свет, по другой стороне располагались двери, ведущие, скорее всего, в комнаты.

Покои герцога были в самом конце коридора, одна дверь вела в мужские комнаты, другая в женские. Покои герцога и герцогини сообщались между собой. Себастин, пока они шли, объяснил Альвине, что женская половина ему была пока не нужна и стояла закрытой, но теперь ее приготовили к приезду герцогини.

Войдя в покои, предназначенные для нее, Альвина прошлась по всем комнатам, все посмотрела, за ней повсюду следовал Себастин. По полу, застланному коврами, его трость глухо стучала, в отличие от того, как звонко цокала на камнях во дворе и плитке на первом этаже дома.

В комнатах мебель стояла резная, воздушная, новая, светлая и, в общем-то, все понравилось Альвине. Единственное, что ее не устроило в спальне - столбики по краям кровати и натянутый балдахин на них. Она терпеть не могла висящие тряпки над своей головой.

- Тебе нравится? - спросил Себастин, когда они, осмотрев все, вышли в гостиную. - Если хочешь, то можешь все здесь переделать.

- Мне нравится, - откликнулась Альвина, усаживаясь перед камином в застланное пушистым пледом кресло. - Как будто здесь все устроили для меня, зная мои предпочтения. Изразцы на печи в спальне меня изумили, таких я еще не видела, если честно.

Озвучив эти слова, она замолчала, задумавшись, а потом, лукаво улыбнувшись, добавила:

- Единственное, что ты не учел - я не люблю балдахины над кроватью.

- Думаешь, что здесь все сделано под тебя? Отнюдь, - усмехнулся невесело Себастин. - Возможно, я и рад бы это подтвердить, но эти покои, и мои в том числе, ремонтировали и обставляли без моего участия. Я только выразил небольшие пожелания и то для своих комнат, а здесь я даже ни разу не был. Мне и самому сейчас было любопытно увидеть покои герцогини.

- А до этого не было любопытно? - спросила разочарованно Альвина.

- Нет, эти комнаты были закрыты и что здесь находится, мне было все равно.

- Мне бы хотелось пройти в твои покои, посмотреть что ты там пожелал.

- В следующий раз, потом, когда я вернусь от короля. А пока мы поужинаем здесь и потом я уеду.

- Как уедешь?! Уже! Оставишь здесь, в незнакомом для меня месте, среди чужих людей? Что я буду делать без тебя в этом замке?

- Перестань, Альвина, - поморщился Себастин, - ты герцогиня Адъяр, я тебя представил, эти люди теперь обязаны и тебе служить. Все с тобой будет хорошо, я уверен - ты способна со всем справиться.

- Но почему надо выезжать на ночь глядя? Неужели же нельзя отдохнуть здесь пару дней? Или хотя бы дождаться утра? К чему такая спешка?

- Ты понимаешь сама что говоришь? - начал раздражаться герцог. - Его Величеству, я уверен в этом, уже все давно доложили! Ты хочешь, чтобы меня в столицу на аудиенцию к королю пригласили, прислали велеречивое письмо с нижайшей просьбой появиться и все объяснить? Или, может,ждемся, когда гвардейцы появятся у наших стен, чтобы сопроводить в королевскую тюрьму?

- Нет! - вскрикнула Альвина. - Что ты такое говоришь?!

- Прости, - тут же покаялся Себастин, увидев побледневшее лицо жены, - но мне и в самом деле надобно как можно быстрее добраться до короля. Я и так задержался, вначале в пути, а потом, делая круг, чтобы отвезти тебя сюда. И дело даже не только в моей женитьбе. Я служу королю, но все бросил, уехал, не объяснив толком куда именно и зачем, пообещав вскоре вернуться, но, увы, задержался.

- Ты обвиняешь меня в этом?

- Ни в чем я тебя не обвиняю, Альвина. Не придумывай того, чего нет!

Раздался стук в двери и Себастин крикнул, чтобы входили. Слуги принесли обед, расставили его на столе и ушли. Один остался с намерением обслуживать их во время обеда, но Себастин кивнул ему на дверь, чтобы уходил.

Приступая к ужину, Альвина подумала, что все-таки Себастин лукавит насчет того, что эти покои делали не для нее. Вот и стол стоит у окна, как она любит.

- Я давно хотела тебя спросить, Себастин, ты не раз бывал в Глоссе за то время, что я отбывала ссылку. А тебе никогда не хотелось навестить меня? Ну же, признайся, что ты приезжал в Луйск, чтобы увидеть меня, но старался не попасться мне на глаза.

Себастин оторопело смотрел на Альвину, забыв о еде.

- Ну, знаешь ли, - наконец справился с удивлением герцог, - ты все-таки неподражаема! Ты так и не поняла, что не всё вертится вокруг тебя и ради тебя.

- Так как, ты бывал в Луйске ради меня? - не унималась Альвина.

- Нет! - резко ответил Себастин. - Я не знал, что ты в Луйске, и где ты отбываешь ссылку, не интересовался. И если бы не кузен, я до сих пор не знал бы о тебе ничего.

- Ну да, ну да, - улыбнулась Альвина.

- Думаешь что хочешь, - бросив салфетку на стол, Себастин встал, - фантазируй дальше, а мне пора.

Он взял прислоненную к столу трость и направился к двери.

- Подожди, - всполошилась Альвина, поднимаясь, - ты вот просто так оставишь меня и уедешь?

Герцог остановился и развернулся к Альвине.

- Если хочешь, поцелуй меня на прощание, как примерная жена, - сказал он.

- Примерная жена? - задумчиво проговорила Альвина, медленно подходя к Себастину. - Знаешь, удивительно, но мне хочется быть для тебя хорошей женой.

- О, да, - усмехнулся Себастин, - твое желание стать хорошей женой и, правда, удивительно.

Альвина подошла к мужу и положила ладони ему на грудь, затем медленно провела по груди, плечам и сцепила руки на его затылке. Себастин обнял ее и наклонился к лицу.

- Не делай глупостей, пока меня не будет, - прошептал он ей в губы.

- Постараюсь, - так же шепотом ответила она и поцеловала его.

Этот поцелуй щемил предстоящей разлукой, горчил недоверием и обидами, и жег неудовлетворенным желанием. Но, несмотря на это, пьянил и сводил с ума.

- Мне пора, - произнес с сожалением Себастин, прерывая неохотно поцелуй, - отпусти меня, Альвина.

Девушка сняла руки с шеи мужа и отступила на шаг, выбираясь из его объятия.

- Иди, я не держу, - произнесла с некоторой долей обиды в голосе Альвина.

Себастин развернулся и сделал несколько шагов к выходу, открыл дверь и на пороге

оглянулся.

- Я буду ждать тебя, возвращайся скорее, - сказала Альвина, улыбаясь сквозь набежавшие слезы.

Она видела, что он дернулся к ней, но замер.

- Чтобы не произошло, теперь я точно вернусь, - сказал он, улыбаясь в ответ, и закрыл за собой дверь.

- Не обмани, вернись ко мне, пожалуйста, Себастин, - прошептала Альвина, - не обижай меня, прошу тебя.

Но он уже не слышал, спеша на выход, его ждала легкая, маневренная карета, и путь до столицы без сна и отдыха.

Трясаясь в карете, Себастин размышлял о том, что если бы Альвина, когда он стоял на пороге и никак не мог уйти, попросила остаться хотя бы на ночь, он бы на все плюнул и задержался, отложил бы отъезд до утра. Все это наводило его на невеселые думы - он опять, как бы ни пытался сопротивляться, подпадает под ее чары, она опять сможет вить из него веревки. А этого никак нельзя допустить! Нельзя ей опять доверить свое сердце и душу!

Глава четырнадцатая

Альвина рассеяно слушала госпожу Пренмэ, бездумно выводя закорючки на книге доходов и расходов.

Себастина не было уже больше недели. Спустя два дня после отъезда он прислал с курьером записку со словами, что пока не может вырваться, завален делами в Департаменте Магических преступлений, но в самое ближайшее время приедет за ней. И после этого от него не было ни записок, ни писем, ни его самого. Альвина уже не знала что и думать. Он ее все-таки бросил? Обманул? В это так не хотелось верить, но все вело к тому. А если не так, то тогда что случилось? Король его наказал? И Себастин в данный момент в остроге?

- Ваше Сиятельство, - окликнула Альвину госпожа Пренмэ.

- А, что? - очнулась от невеселых мыслей Альвина.

- Мы все обсудили. Я могу быть свободна?

- Да, конечно, идите, - рассеянно откликнулась Альвина.

Управляющая замком собрала книги, тетради и, покачивая головой, сочувственно сказала:

- Не переживайте так, леди Альвина, у Его Сиятельства есть, скорее всего веские основания не писать и не появляться здесь. Я уверена, все скоро разрешится к лучшему.

- Да, может статься и так, - тяжело вздохнула Альвина, - распорядитесь подать сюда, в кабинет, обед, госпожа Пренмэ, спустаться в столовую нет никакого желания.

- Хорошо, как скажете, - ответила женщина, - но я бы вам посоветовала пойти прогуляться. Вам ведь понравился наш сад за домом?

- Да, понравился, после обеда, возможно, и выйду туда.

Госпожа Пренмэ ушла, а Альвина вспомнила первые ее дни, проведенные в замке.

На следующее утро, после того, как уехал Себастин, Альвина проснулась бодрая и отдохнувшая, с большим желанием что-то сделать, как-то изменить свою жизнь. Она решила про себя, что надо поверить Себастину, он не обманет, не бросит ее здесь, придет за ней. Она уверяла себя - если он сказал, что не может взять с собой жену, то так оно и есть. А ей надо просто дождаться его. Она ведь обещала ему это.

После завтрака, проведенного в своей спальне, точнее в кровати, Альвина оделась, причесалась с помощью приставленной к ней молоденькой горничной и вызвала к себе управляющую замком. Госпожа Пренмэ пришла в сопровождении юноши, несшего с собой толстые книги и тетради. Молодой человек оказался секретарем, делопроизводителем, писчем и помощником в одном лице. Альвина предложила пока оставить изучение книг и тетрадей на потом, а сейчас ей бы хотелось осмотреть замок вдоль и поперек. Управляющая замком, если и была удивлена, то этого не показала.

Госпожа Пренмэ оказалась доброжелательной и вежливой женщиной. Общаясь с ней, Альвина уверилась, что управляющая получила отличное образование и воспитание. В ней чувствовалась порода и аристократические корни. Но на прямой вопрос об этом, Пренмэ ушла от ответа, ловко переключив внимание Альвины на другое. Помощник управляющей сопровождал всюду Альвину, а сама госпожа Пренмэ не всегда это могла сделать, все-таки не все дела можно было отложить. Но и помощник оказался умным и знающим обо всем, что творится в замке.

Осмотреть всё до обеда не успели, тем более, что молодая герцогиня дотошно во все вникала, со всеми знакомилась, расспрашивала попадающихся им людей о жизни в замке, обязанностях ими выполняемых, их семьях, здоровье и так далее. Альвина с удовольствием исполняла роль хозяйки большого замка.

После обеда, который Альвина потребовала накрыть в парадной столовой, знакомство с замком и его обитателями продолжилось.

К вечеру у Альвины не было сил, она очень утомилась, но осталась довольна и замком и тем, как все было организовано в нем. Ужин она велела принести в покои.

На следующее утро все продолжилось. Ей очень хотелось вникнуть в дела замковой стражи, но барон Гонрэ вежливо, но категорично отказался ей рассказать все о гарнизоне, графике службы, наличии вооружения, местах расположения часовых. Все, что касается службы, оказалось не в ее компетенции, гарнизон подчинялся только барону и герцогу. А он дал исчерпывающие приказания не подпускать ее к службе замковой стражи. Барон заверил Альвину, что и он, и его солдаты будут до последней капли крови защищать ее, и что замок

неприступен. Единственное что разрешил барон - посетить казармы и посмотреть как налажен быт у солдат.

Обедать в огромной, пустой столовой Альвине не понравилось, но на первом этаже располагалась и малая столовая. Обедать всегда Альвина решила там, а ужинать и завтракать в своих покоях, о чем и информировала госпожу Пренмэ.

Потратив два дня на осмотр замка и знакомству с его обитателями, герцогиня Адъяр приступила к изучению документов. Расположившись в кабинете (да, в ее покоях и кабинет был!), Альвина внимательно и дотошно погрузилась в изучение домовых книг, тщательно проверяла разлинованные тетради, въедливо сверяя доходы и расходы. Если это теперь и ее замок, то, наученная (битая) прошлой своей жизнью, она справедливо решила, что контроль не повредит, и ей надо обязательно знать куда и как тратятся деньги Себастина.

Но, судя по всему, в замке был порядок, доходы и расходы не разнились и всё до самой мелкой медной монетки совпадало. И госпожа Пренмэ не раздражалась и не возражала, предоставляя герцогине все домовые, расходные и доходные книги и тетради. Она доброжелательно все разъясняла и показывала теперь уже своей хозяйке, если той что-то было непонятно или в чем-либо сомневалась. В ответ Альвина не делала поспешных выводов, если с первого раза ей что-либо не понравилось или не так поняла. И очень старалась вначале думать, а потом говорить, чтобы не обидеть людей, которые окружали ее в замке. И была очень горда собой, когда прикусывала язык, глотая вырывающиеся резкие слова, тем более что они чаще всего были несправедливыми. Ну вот, может же она быть милой и сдержанной! Но и прослыть слишком доброй и уступчивой Альвине бы не хотелось, поэтому иногда она, если видела, что это необходимо, показывала свой не особо-то медовый характер, но все же все равно старалась быть вежливой.

С кого хотелось Альвине брать пример, так с управляющей замком. Несмотря на всю свою воспитанность и вежливость, госпожа Пренмэ железной рукой управляла замком, и никому не давала спуска. Она могла спокойно и не раздражаясь так отчитать провинившегося, что тому хотелось провалиться на месте, лишь бы не слушать “вежливые слова” госпожи Пренмэ. И наказания она придумывала занимательные и с такой выдумкой, что этого все боялись, как огня. Но госпожа Пренмэ, видя рвение молодой герцогини вникнуть во все дела замка, прониклась к ней уважением.

Придя к утешительному выводу, что, в общем-то, ничего в замке переделывать срочно или вводить какие-то новшества не надо, Альвина успокоилась. Все, что бы она изменила или дополнила, могло подождать, пока она совсем не освоится. Единственное, что решила срочно поменять Альвина это свою кровать, ну не могла она спать под балдахин. Подходящее ей ложе герцогиня нашла в одном из гостевых покоев и потребовала поменять на кровать в ее спальне. А все остальное в ее покоях Альвину устраивало.

И было еще, что очень не понравилось Альвине, но она пока ничего не могла с этим поделать. Покои Себастина оказались запертыми и со стороны коридора и со стороны покоев герцогини. А госпожа Пренмэ сделала вид, что ключей у нее нет, но Альвина была уверена, что та лжет.

В замке оказалась большая мастерская, где работали прекрасные белошвейки, кружевницы, вышивальщицы. Мастерство рукодельниц Альвина оценила и завалила их заказами. Такие же многочисленные заказы свалились и на швею и ее помощниц. Здесь, недалеко от столицы, мода, как надеялась Альвина, не очень отличается от столичной и она заказала кучу платьев по эскизам швеи, уверяющей молодую герцогиню, что совсем недавно

была в столице и все новинки увидела и зарисовала. А замковый запас и выбор тканей поражал воображение. Себастин что, готовился к приезду жены? Или собирался завести в этом замке любовницу, и, судя по всему не одну? Эти мысли кололи сердце и саднили душу.

А еще на территории замка был действующий храм бога Конэура и притуленная к нему часовня богини Аумонэ, защитницы женщин. Альвина принесла храму достойную жертву в виде денег, жрец остался доволен, но госпожа Пренмэ позволила себе немного поворчать на эти ненужные по ее мнению траты. А в часовне она каждый день проводила некоторое время, молясь богине, прося у нее защиты, обещая стать для Себастина хорошей женой.

Занятая первую неделю, Альвина не находила времени на страдания по поводу отсутствия Себастина. Иногда перед сном ее тревожили мысли по поводу слишком долгого молчания мужа, его затянувшийся отъезд, но усталость брала свое и она засыпала беспробудным сном.

Но шли дни, а ее тревога только росла и уже домашние, замковые хлопоты и дела не могли отвлечь от дурных мыслей.

Альвине вчера пришла идея самой поехать в столицу, раз Себастин никак не может вернуться за ней. Этим она поделилась с госпожой Пренмэ, та всполошилась и прислала к герцогине барона. Альвина пришедшего барона пригласила отобедать с ней. За обедом начальник замкового гарнизона откровенно дал ей понять, что он служит в замке, но не подчиняется лично ей, а только ее мужу, герцогу Адьяру. И у него есть строгие указы от герцога не выпускать герцогиню за пределы замка, ни при каких условиях. Так что ее желание уехать в столицу неосуществимо, пока не прибудет герцог или не поступят от него другие распоряжения.

Альвина позволила себе в резких выражениях высказать барону все, что она думает о нем и еле удержалась, чтобы и мужа не помянуть при бароне все в тех же выражениях.

А сегодня она все утро была не в духе, тяжелые мысли никак не отпускали. Вот даже и госпожу Пренмэ слушала вполуха, и о чем та советовалась и что докладывала, не поняла.

Альвине опять пришло в голову, что Себастин запер ее здесь, как в остроге. И все, чем она занималась эти дни, теперь казалось ей смешным и ненужным. Она с чего решила, что теперь имеет на что-то право? Себастин разрешил ей думать, что она хозяйка большого замка. Но ничем, как игрой это не является. Она просто узница.

И все же, все же.... Так не хотелось думать, что Себастин оказался вероломным, и все это месть с его стороны. Где то в глубине души Альвина не верила в это.

Но если это не месть, и она на самом деле герцогиня Адьяр и Себастин намерен был приехать за ней в ближайшее время, то по всему выходит, что с ним что-то случилось. Что?! И как теперь поступить ей? Безропотно ждать, что будет дальше?

Осторожный стук в дверь выдернул Альвину из невеселых дум. Горничная, не успевшая уйти после того, как принесла обед, открыла дверь и впустила стражника.

- Ваше сиятельство, - поклонился молодой мужчина, - прошу простить, что побеспокоил вас, но меня послал барон Гонрэ.

- Что-то случилось? - всполошилась Альвина.

- Дозорные заметили приближающихся к замку всадников.

- Это герцог возвращается? - вскочила со стула взволнованная герцогиня, готовая бежать немедленно навстречу мужу.

- Нет, это не Его Сиятельство, - с сожалением в голосе ответил стражник.

- Гвардейцы? - помертвевшими губами произнесла Альвина, придя в ужас от своей

догадки.

- Нет, вряд ли, их всего пятеро. И одеты они в дорожную штатскую одежду, на них нет никакой формы. Но барон не исключает, что это может быть гвардейская разведка.

- Где сейчас барон?

- В привратной башне.

- Отведите меня туда, - решительно сказала Альвина, - и даже не возражайте.

- Да, конечно, следуйте за мной, Ваше Сиятельство, я провожу.

Альвина велела горничной подать теплый плащ, последние пару дней похолодало и выходить на улицу раздетой было чревато простудой.

Выйдя на крыльцо дома, Альвина ожидала увидеть переполох и беспорядочную суету, она помнила растерянность и неразбериху, возникшие в их замке, когда гвардейцы появились на горизонте. Но здесь все было спокойно, люди неторопливо шли по делам, а если кто и спешил, то не видно было, что они напуганы. На стене по специальной дорожке, выложенной по верху всей длины высокого каменного забора так же, как и всегда несли службу стражники, иногда выглядывая сквозь зубцы наружу ограждения. И никакой суматохи или паники Альвина не заметила. Все было как всегда. Может зря и она всполошилась?

Альвина и стражник пересекли двор и достигли ворот. Мужчина помог герцогине по узкой лестнице подняться в одну из дозорных башен, примыкающую к воротам замка. Барон, стоящий у узкой бойницы башни, оглянулся на вошедшую герцогиню.

- Доброе утро, ваше сиятельство, - мрачно произнес он, - я так и знал, что вы захотите пожаловать сюда, поэтому разрешил вас привести.

- Здравствуйте, барон, - ответила Альвина и огляделась кругом.

Башня внутри была пустой и пыльной. По всему периметру находились узкие окна - бойницы. Во всех, что смотрели наружу замка стояли стражники с арбалетами.

Альвина быстрым шагом подошла к начальнику гарнизона и тоже попыталась выглянуть из-за его плеча. Но барон не дал этого сделать.

- Нет, леди Альвина, подождите, так вас могут увидеть те, кто подъезжает к замку.

- Они уже так близко? Кто они?

- Пока не знаю. Если хотите посмотреть, то, пожалуйста, сделайте это осторожно, стараясь, чтобы вас не было видно.

Барон кивнул одному из стражников и тот отошел в сторону, а на его место он предложил встать герцогине.

Альвина одной рукой оперлась на широкий подоконник узкого окна, прижалась грудью к стене, стараясь не думать, что она пыльная, и с опаской, осторожно, буквально одним глазом посмотрела наружу.

Пятеро всадников подъезжали к откидному мосту. Одеты, как и говорил стражник, они были в простые плащи, шляпы, высокие сапоги, по всему было видно, что это не форма, а обыкновенная одежда. Но ведь гвардейцы могли и не носить форму? Хотя, насколько она знала, они всегда красовались в гвардейской форме, чтобы все видели кто перед ними, и боялись.

- Как вы думаете, кто они и зачем здесь? - шепотом спросила Альвина у барона, не таясь стоящего в соседнем окне - бойницы.

- Не знаю зачем, - ответил барон, не отрывая взгляда от всадников, - но подозреваю. Вернее, я знаю одного из них и где он служит. И мне бы не хотелось вас пугать, но следом за

ним частенько следуют гвардейцы. Поверьте, его нельзя впускать сюда.

- Где же он служит? - замирая от ужасных подозрений, спросила Альвина.

Барон ничего не ответил, наблюдая за подъезжающими к решетке ворот всадниками. Внезапно один из них поднял голову и Альвина резко отпрянула и прижалась к стене спиной, со страхом смотря на барона.

- Барон Арон Гонрэ! - услышала Альвина насмешливый голос доносящийся снизу. - Так вот вы куда исчезли!

- Что вам нужно, граф Варэ? - спросил начальник замкового гарнизона. - Вам здесь не рады.

- Да неужели? - все тот же насмешливый голос донесся до башни. - Барон, все никак не можете забыть? Так я действовал в рамках своих полномочий. Но мы приехали не к вам. Велите поднять решетку, барон.

- Нет, - коротко рубанул барон.

- Еще раз повторяю, - уже не насмешливо, а с угрожающим предупреждением в голосе, произнес все тот же мужской голос, - я здесь не по поводу вас. Мы приехали к герцогине Адъяр, вернее, за ней. Поднимите немедленно решетку!

Барон бросил быстрый взгляд на охнувшую Альвину, и ответил:

- Убирайтесь, или я подниму мост и вы окажетесь пришибленными к этой решетке.

- Вы сошли с ума, барон?! - заорал граф Варэ. - Доложите о нас герцогине!

Не успев все обдумать, Альвина поддавшись порыву, оказалась в узком окне - бойнице. Барон дернулся к ней, с целью оттолкнуть ее, но она шикнула на него:

- Не смейте!

Барон остановился, но стал внимательно смотреть вниз, дав какой-то знак стражникам.

- Кто вы? Представьтесь! - заносчиво крикнула Альвина.

Один из всадников снял шляпу и склонил голову, за ним это сделали и другие.

- Прошу прощения, герцогиня Адъяр, как я понимаю? - сказал мужчина, подняв голову. - Разрешите представиться - граф Варэ, начальник Департамента отдельной курьерской службы. Я прибыл к вам по поручению Его Величества. Велите, наконец, поднять решетку, Ваше Сиятельство.

- Вы можете хоть сколько приказывать, леди Альвина - услышала шепот барона герцогиня, - но не забывайте, что гарнизон подчиняется мне, а не вам.

- Что понадобилось от меня королю? С чего вдруг он обо мне вспомнил? - насмешливо крикнула Альвина. - Я его не беспокоила своими просьбами.

На самом деле ей было далеко не смешно, от ужаса замирало сердце и отнимались ноги, она вцепилась в кирпичную кладку подоконника и не замечала, что ломает ногти об него.

- Дерзите, герцогиня? - донеслось снизу. - Я не собираюсь с вами дальше перекрикиваться. Пустите меня немедленно в замок!

Альвина бросила быстрый взгляд на барона, он покачал в отрицании головой.

- Герцогиня Адъяр, - раздраженно крикнул снизу опять граф, не дождавшись ответа, - ладно, барон, ему терять нечего. Но вы-то будьте благоразумны. Не впускать посланника короля чревато неприятными последствиями для вас. Или вы забыли, что стало с вашей семьей и вами?

Угрозы, как бы это ни было странно, внезапно разозлили Альвину и немного утишили (уняли) страх.

- Вы не войдете в замок, граф, - соизволила, наконец, промолвить Альвина, - никогда!

- Вы сошли с ума? Немедленно поднимите решетку и впустите нас в замок!

- Вы бы граф со своими сопровождающими сошли с моста, - весело крикнула Альвина, - а то велю поднять его вместе с вами на нем.

- Вы поплатитесь за это, герцогиня, - злобно ответил граф, но велел своим людям развернуться и съехать с моста.

- Граф, - окликнул барон уже развернувшегося на коне посланника, - под холмом есть деревня, вы проезжали ее, там найдете небольшую гостиницу, остановитесь в ней. Вечером вас навестят. Ждите.

- Я это так не оставлю, - ответил граф.

- Шавка королевская, - пробурчал барон вслед удаляющемуся графу.

Альвина ощутила саднящую боль в пальцах и подняла руки, с недоуменным ужасом рассматривая окровавленные пальцы. Ее внезапно затошнило, закружилась голова. Подскочивший барон успел поймать падающую герцогиню в объятия.

- Все, все, леди Альвина, вы молодец, - утешал барон, прижимая к себе девушку.

Альвина всхлипнула раз, другой и разрыдалась, уткнувшись в плечо мужчины.

Глава пятнадцатая

Альвина, с забинтованными руками, и барон сидели в гостиной герцогини. Чай уже остыл, но никто и не вспоминал о нем.

- Леди Альвина, - говорил барон, - я не пустил графа потому, что этому шакалу нечего делать в нашем замке, а не по личным причинам.

- Но вы хорошо его знаете, и у вас к нему, как я поняла, свои счеты.

- Как и у него ко мне, но это не имеет никакого отношения к тому, что я не пустил его в замок. Я хорошо знаю его подлую натуру, вот это в первую очередь и было первопричиной.

- Кто он такой? Что от него можно ожидать? Говорите все, пожалуйста, откровенно.

- Он возглавляет курьерскую специальную службу. Но тот, кто в курсе, знает, что это прикрытие. На самом деле, он главный ловчий.

- Ловчий? - удивилась герцогиня.

- Да, он прекрасный розыскник, у него собачий нюх. Ему нет равных в поиске кого-либо.

- Вы знаете кто я на самом деле?

- Вы герцогиня Адъяр, леди Альвина.

- Мой отец...

- Простите, - не совсем вежливо перебил барон, - но я знаю, что вы дочь герцога Лэвирина и что вы были в ссылке.

- Возможно, граф разыскивал именно меня, дочь мятежного герцога Лэвирина. Но ведь я не прячусь. Вернее, я здесь не совсем по своей воле. Меня сюда привез мой муж. Или то, что я покинула место ссылки, считается побегом? И потому главный ловчий здесь? - ужаснулась Альвина.

- Не знаю, может статься и так. Все узнаем совсем скоро.

- Вы сами пойдете на встречу с графом Варэ? Оставьте меня здесь одну?

- Нет, на саму встречу пойду не я, но буду неподалеку, наблюдать, а потом все будет зависеть от сложившихся обстоятельств.

- Как вы думаете, барон, - обеспокоенно спросила Альвина, - что все-таки случилось с Себастином? Ох, простите, с герцогом Адъяром. Он арестован?

- Не знаю, я ничего не знаю, - произнес барон, - но уверен в одном - я буду вас защищать

до последней капли моей крови.

- Спасибо, - растрогалась девушка.

Барон увидел заблестевшие слезы в глазах герцогини.

- Не надо, не плачьте, давайте будем надеяться на лучшее. Наш король жесток, но все-таки справедлив.

Барон встал с места и произнес:

- Мне пора, но вы ничего не бойтесь, леди Альвина. Никто не войдет в замок без разрешения. Мне жаль, что пострадали ваши руки. Если бы я знал, вовремя увидел, что вы...

- Ничего, госпожа Пренмэ намазала какой-то чудодейственной мазью, обещала, что все быстро заживет. Идите, Арон, я буду ждать от вас известий. Очень прошу, когда вернетесь, сразу же придите ко мне, независимо от того, какие новости принесете.

- Конечно, леди Альвина.

Барон поклонился и вышел.

Альвина оставшись одна еще долго сидела в полной прострации и опять и снова вспоминала этот день. Она и так и сяк прокручивала свой диалог с ловчим, до последней буквы вспоминая его слова и свои тоже. А что если она навредила своим отказом впустить его в замок не только себе, но и людям, которые здесь живут? Альвина прекрасно помнит что было в ее родном замке после того, как небольшой гарнизон, вернее даже маленький отряд стражников, оказали сопротивление гвардейцам. Она не хотела еще раз пережить это. Но с другой стороны, она ничего не могла поделать. Барон не собирался поднимать решетку. А вот то, что у него какие-то личные счеты с графом очень плохо. Но ведь могла же она промолчать, затаиться в этой башне и просто наблюдать за тем, как барон ведет переговоры с графом. Зачем она-то вмешалась? О, боги, когда же она станет благоразумной?! И что случилось с Себастином? Почему вдруг здесь появился этот главный ловчий? Он ясно сказал, что приехал к ней, вернее, как он выразился, за ней. И куда же он должен ее сопровождать? Обратно в ссылку? Королевскую тюрьму? И что же все-таки с Себастином? Почему от него нет вестей? Он знает, что происходит под стенами его замка? И знает ли кто приехал за его женой?

От всех этих мыслей и дум можно было сойти с ума, отчаянье овладевало ей все больше и больше. Да еще нестерпимо болели руки. Как так она не чувствовала, когда ломала ногти и ссаживала пальцы?

Пришла госпожа Пренмэ, покачала головой, велела убрать остывший чай, чуть ли не силком увела Альвину в малую столовую на ужин. Стояла на ней, пока та хоть что-то не съела, все время уговаривая, успокаивая девушку, уверяя, что барон знает свое дело, он прекрасный воин, сильный боевой маг, он сумеет защитить и замок и его обитателей. Да и король благоволит к герцогу Адьяру, и все, что сейчас происходит какое-то недоразумение, скоро все разрешится к лучшему.

Альвина слушала управляющую и так хотелось ей верить, что все будет хорошо. Но ее отец тоже был сильным магом, с бесконечным рядом родовитых предков, верно служивших короне, однако это не помогло. Конечно, можно сказать, что он сам виноват, но а кто теперь виноват в том, что происходит сейчас? В какой-то мере все же покойный отец, или и Себастин тоже?

В горле стоял горький комок отчаянья, мешавший ей дышать и который Альвина никак не могла сглотнуть, а в животе холодным ужом поселился и ворочался страх. Альвина ушла в свои комнаты, на улице уже стемнело, во дворе замка зажглись факелы, а барона все не

было.

Вернувшись к себе, герцогиня не находила места в своих покоях и безотчетно ходила из комнаты в комнату, выглядывая в окна и прислушиваясь к тому, что происходит за ними и к шагам за дверями. Она послала горничную узнать, не вернулся ли барон. Но никто даже не стал слушать, тем более докладывать какой-то служанке, где барон и когда вернется. Альвина порывалась сама пойти к капитану стражников, но представив, что придется пересечь темный двор, она передумала. И вызывать к себе заместителя барона тоже не стала, а вдруг пока он будет у нее, что-то случится и надо будет мгновенно принимать решение, а капитана замковой стражи нет на месте.

Утомившись, Альвина присела в гостиной в кресло, подтянула колени к груди, обхватила их руками и замерла, глядя на еле заметный огонь в камине. И, видимо, задремала, стук в двери заставил ее подскочить и испуганно открыть глаза. Сорвавшись с кресла, герцогиня кинулась к двери и, открыв ее, увидела барона.

- Входите же скорее, Арон, - воскликнула Альвина, делая пару шагов назад, - что вы узнали?

- Я все расскажу, леди Альвина, - сказал барон, проходя в комнату, - только велите подать ужин и вина.

- Я сейчас распорядюсь, чтобы ужин подали сюда, если вы не возражаете.

- Нет, не возражаю, спустаться в столовую нет желания, да и не хотелось бы, чтобы наш разговор кто-то услышал. А вы ведь, леди Альвина, не станете ждать, пока я поем? Вам же не терпится все услышать?

- Да, я измучена ожиданием вестей от вас, но если вы устали и хотите есть, то я, так уж и быть, подожду. Только одно скажите - то, что вы узнали очень страшно для меня, это сильно изменит мою судьбу?

- Все не так просто, герцогиня. Думаю, что мы успеем поговорить пока принесут ужин.

Альвина не успела дать распоряжение прибежавшей горничной, как появилась управляющая. Она тоже была обеспокоена происходящим, и тоже ждала барона, и она же занялась ужином.

Пока накрывали на стол в гостиной, барон предложил пройти в кабинет. Там они устроились за небольшим письменным столом.

- Вот, - вымолвил барон, доставая из кармана два конверта и протягивая их Альвине, - здесь послание к вам от короля, и от него же распоряжение для графа доставить вас к нему.

Альвина протянула руку и взяла бумаги.

- Барон, вы ведь читали письмо ко мне? - спросила герцогиня, разворачивая бумагу дрожащими пальцами, заметив, что печать сломана. - Или не вы вскрыли его?

- Прошу меня простить, леди Альвина, - повинился барон, - я не мог отдать вам письмо, не зная что в нем.

Кивнув, герцогиня стала читать послание от короля.

- Его Величество приглашает меня к нему на аудиенцию, - удивленно сказала Альвина, отрываясь от чтения, - но хочет видеть незамедлительно и для этого прислал за мной графа Варэ. Король обращается ко мне как к герцогине Адьяр, но при этом, ни слова не написал о моем муже. Что это значит, Арон?

- Я не знаю, - как-то обреченно вздохнул барон.

- Но что вы думаете или предполагаете по поводу всего этого? Мне следует отправиться в сопровождении графа в столицу, к королю?

- Нет, - резко ответил барон, - с графом я вас не отпущу.

- Но вот же, - потрясла другим конвертом Альвина, - распоряжение короля графу Варэ доставить меня к нему. Подозреваете, он может послушаться короля и сделать что-то во вред мне? Почему? Что он может иметь против меня? И что мне, по-вашему, делать, как поступить?

Барон нахмурился и, тяжело вздохнув, ответил:

- Здесь нигде не написано как и в каком виде вас доставить. Это, во-первых.

Альвина охнула.

- А во-вторых, эти письма граф отдал почти добровольно, это настораживает, поэтому я не уверен, что у него нет других, тайных поручений и полномочий. Уж слишком странного посланника выбрал король.

- И что же мне делать? - в отчаянье воскликнула Альвина. - Как поступить? Ослушаться короля и продолжать сидеть в замке? Ждать, когда придут гвардейцы за мной? И я с ума теперь схожу от беспокойства о Себастине. Может, все же мне стоит отправиться к королю? Ведь никаких угроз в его письме нет, разве только, что он требует незамедлительно приехать.

Барон не успел ответить, раздался стук и голос госпожи Пренмэ из-за двери известил, что стол накрыт. Альвина ответила, что они сейчас придут, а барону предложила обсудить дальнейшее за ужином, но он предложил после ужина.

Аппетит у барона был отменный, по-видимому, его ничто не могло испортить. Альвина с трудом сдерживалась, чтобы не поторопиться с удовольствием и тщательно жующего мужчину. Сама она только выпила полбокала вина.

Наконец с едой было закончено, слуги убрали все со стола. Госпожа Пренмэ хотела остаться и расспросить барона, но он сказал ей, что то, что посчитает нужным, потом ей объяснит, и она, бросив странный взгляд на герцогиню, ушла.

- Надеюсь, она не подумает, будто бы у нас с вами порочная связь, - нервно хихикнула Альвина.

- Нет, - позволил себе улыбнуться барон, - она так не подумает, госпожа Пренмэ порядочная, милая женщина и прекрасно знает, что я никогда не предаю герцога.

- А я, значит, способна на измену мужу? - возмутилась Альвина. - Но вы такой стойкий не поддадитесь мне, не соблазнитесь, даже если буду настаивать?

- Нет, что вы, я просто не так выразился. Прошу меня простить.

- Ох, я тоже что-то не то говорю. Но со мной такое бывает.

- Леди Альвина, нам с вами есть что обсудить. Давайте вернемся к нашим проблемам.

- Да, а то уже наступает ночь, а вы мне еще не сказали, что вы об этом всем думаете, и что собираетесь делать.

- Вот что я надумал, леди Альвина. Вам надо поехать к королю, игнорировать или ответить отказом, по моему разумению не выход. Но и поехать в сопровождении графа Варэ тоже нельзя, не доверяю я ему. Поэтому вы уедете тайно из замка, и сопровождать вас будут мои люди.

- А вы?

- А я останусь здесь, я не могу бросить замок. Но вы не беспокойтесь, с вами я пошлю толковых, надежных, проверенных людей, они доставят вас в целости и сохранности в столицу. Пока вы добираетесь, я буду всячески задерживать здесь графа, морочить ему голову, уверяя, что вы вне себя от радости от приглашения короля и собираетесь в путь, но

ведь женщине так много времени и сил надо, чтобы подготовиться к путешествию. В замок я его, само собой разумеется, не пушу. Плохо, что он вас видел, знает теперь, как вы выглядите, а то можно было ему показывать какую-нибудь девушку, выдавая ее за вас.

- Вы думаете, что среди обитателей замка есть кто-то способный изобразить меня? - оскорбилась герцогиня. - А вы не забываетесь, барон?

- Да, пожалуй, вы правы, - улыбнулся мужчина, - прошу меня простить. Никто здесь не сможет так вести себя, чтобы граф поверил, что перед ним герцогиня, даже если учесть, что я собирался только с башни показывать подменную вас. Госпожа Пренмэ держится, как аристократка, но, увы, она не подойдет ввиду возраста и комплекции.

- Себастьян говорит, что я одна такая неповторимая, - пробормотала Альвина, - вот только сомневаюсь, что это комплимент в его устах (из его уст).

- И он прав, леди Альвина, - перестав улыбаться, серьезно сказал барон, - и это не комплимент, а констатация истины.

- Даже не знаю, обидеться мне или возгордиться.

- Не надо обижаться, я не хотел вас ничем оскорбить, наоборот, я хотел сказать, что вы лучше многих женщин, которых я знаю.

- О! Если бы еще так считал мой муж!

- Он так и считает, я уверен.

- Ладно, оставим это. Лучше скажите, как мне быть в столице. Сразу же направиться в королевский дворец?

- Нет, я вам советую, вначале открыто поселиться в столичном особняке герцога, отдохнуть, привести себя в порядок, пошлите записки своим друзьям, подругам, знакомым, что вы в столице и приехали по приглашению короля, и что он вам назначил аудиенцию. И вы вне себя от радости по этому поводу. Но не задерживайтесь с визитом к Его Величеству, и обязательно оповестите всех о дате и часе сего события.

- Боюсь, что мало кто ответит на мои послания, - невесело усмехнулась Альвина, - и скорее всего, почти никто не навестит меня.

- А это не важно, главное, чтобы как можно большее количество людей узнает, что вы вернулись и намерены посетить королевский дворец по приглашению самого короля. Пусть это станет главной новостью среди столичной знати. Тогда будет труднее вас безвестно опять отправить в ссылку, или закрыть в каземате.

- Вы думаете, что король вызывает меня только затем, чтобы арестовать? Но это глупо!

- О, нет, наш король далеко не глуп. Я могу ошибаться, но вся эта затея с приглашением может быть только для того, чтобы выманить вас из замка. Подозреваю, что король опасается - мы не дадим просто так арестовать вас и увезти, как пленницу. А вот как гостью к королю можем спокойно отпустить. Вот только одного не учел король - мы с графом давно знакомы и я прекрасно знаю кто он на самом деле.

- Когда я должна выехать?

- Еще до рассвета. У вас осталось несколько часов, чтобы немного поспать и собраться, с учетом того, что вам предстоит визит во дворец. Насколько я знаю, платья вам пошили?

- Да, у меня найдется наряд, в котором не стыдно появиться перед королем, во всяком случае, я надеюсь, что это так.

- Прекрасно. Госпожа Пренмэ даст вам письмо к управляющему столичным особняком.

- А что если герцог в столице и я застану его в особняке?

- Не знаю. Все может быть, хотя я и сомневаюсь в этом.

- Но если он там, то почему же молчит почти две недели?

- Вот вы это и выясните, если найдете мужа в столице. И еще, леди Альвина, вам придется как можно скорее достичь столицы, и никакого комфорта в пути не будет. Спать и есть вам придется на ходу.

- Ничего, я вытерплю.

- Что ж, я пойду подбирать людей, а вы готовьтесь к отъезду. И советую вам хотя бы немного поспать.

- Да, конечно, идите.

Глава шестнадцатая

Еще до рассвета, под покровом темноты, герцогиню и троих стражников вывели из замка по подземному переходу, который пролегал под холмом и заканчивался в лесном овраге. Там их ждали оседланные кони, а за лесом неприметная легкая карета. Но до кареты Альвине пришлось доехать на коне с одним из стражников. Другие распределили между собой багаж герцогини.

Когда Альвина увидела, что ее сопровождать будут только три человека, удивилась и обеспокоилась. Но барон успокоил ее, объяснив, что большое количество охраны вызовет подозрения, да и эти трое стоят десятерых.

Дорога до столицы показалась Альвине ужасной, ее везли какими-то странными, частенько казалось непроезжими дорогами, в объезд всех селений и городов. Она измучилась в неудобной карете без сна, отдыха, с редкими и кратковременными остановками. В постоянно мотающейся по неровной дороге и подпрыгивающей на ухабах карете есть было просто невозможно, ее и так тошнило от постоянной тряски. Иногда ей казалось, что у нее все внутри перемешалось и уже никогда не встанет на место. Пару раз она даже слетала на пол, больно ударяясь коленками и локтями, со страхом думая, что так можно и сломать себе что-нибудь.

И хорошо, что стояла сухая погода, а то, если бы прошел дождь, не дай боги сильный, карета застряла бы в раскисшей колее, а всадники бы погрузились, возможно, по круп коней в грязь.

Уже к вечеру, когда стало темнеть, они достигли столицы. Проезжая через столичную заставу, Альвина услышала, как один из сопровождающих на вопрос “кто находится в карете” назвал стражникам на воротах не ее имя, а чужое, и их пропустили, даже не заглядывая внутрь кареты.

Город уже готовился к темноте ночи, зажигались на фасадах домов факелы и масляные лампы-фонари, магазины и лавки закрывались и над вывесками и дверями так же зажигались огни.

Чем ближе был центр города, тем все ярче освещались улицы, теперь уже вдоль них стояли фонарные столбы, а дома становились больше, богаче, вывески на магазинах красочней. Вот уже стали появляться особняки. Карета ехала по улицам и Альвина выглядывала из окна, со щемящей тоской рассматривая знакомый с детства город. Карета повернула на следующую улицу и девушка с замиранием сердца ждала, когда проедут мимо дома герцога Лэвирина. Особняк встретил темнотой и тишиной, наглухо закрытыми воротами, даже фонари не горели вдоль решетчатого забора. Никаких признаков жизни не наблюдалось ни во дворе, ни в самом здании.

Альвина с тоской и болью смотрела из окна кареты на проплывающий перед ней родной дом. Когда-то эти черные окна светились огнями и частенько из них лилась музыка.

Мать очень любила балы, развлечения, отец ей во всем потакал, и их шумный дом всегда был заполнен гостями, друзьями, родственниками, казалось, здесь никогда не переводился праздник, особенно в это время года. Осень - время балов и званых вечеров, негласно являющимися смотринами. Именно осенью, ближе к зиме больше всего заключалось помолвок. А весна - время свадеб. Но ее свадьба так и не состоялась. Вернее, она вроде как замужем, но свадьбы у нее не было. Альвина вытерла набежавшие слезы. Неужели же когда-то ее жизнь была легкой и беззаботной! Как далеко это было!

Насколько помнила Альвина, дом герцога Адьяра находился на соседней улице, и до него оставалось немного. А до этого придется проехать мимо особняка герцога Эвилича, отца маркиза Дэвиера. А ведь она даже не поинтересовалась ни у кузена Себастина, ни у него самого, сочетался ли браком с кем-то маркиз, или так и ходит в холостяках. И сейчас она удивленно думала, что ей все равно как жил все эти годы ее бывший жених и что с ним теперь.

Но перед особняком герцога Эвилича пришлось пробираться сквозь вереницу карет. Ворота были распахнуты настежь, из дома доносились громкие звуки музыки, шум веселья, видимо, герцог давал бал. Альвина откинулась на спинку и задернула шторку, смотреть на этот дом у нее не было никакого желания, да и не хотелось, чтобы ее кто-то сейчас увидел и узнал, такую запыленную, растрепанную, измученную дорогой.

Наконец карета добралась до особняка герцога Адьяра. Несмотря на то, что дом был тише и тих, а перед воротами горел всего один фонарь, плохо освещающий двор, здесь ощущалась жизнь, в отличие от ее родного дома. Кованые ажурные ворота стояли приоткрытые, кое-где в окнах мелькали огни. Альвина, выйдя из кареты с помощью с одного из сопровождавших ее мужчин, с любопытством оглядывалась. Внутри, по другую сторону высокого забора, который казалось состоит из острых часто расположенных пик, росли деревья и плотные кустарники, что было, в общем-то удивительно для столицы. Ведь в городе если и были какие-то растения, то за домом, в саду. А двор чаще всего был открыт для обозрения с улицы, и ничего кроме цветов на клумбах не росло. А в этом дворе то, что творилось за забором, плохо было видно, тем более в темноте, зато за кустарниками и в тениях деревьев можно было спрятать, например охрану. По двору пробежала служанка, увидев карету и выходящую из нее Альвину, тихо ойкнула и кинулась обратно в дом. Из ворот выскользнул слуга, или, скорее всего, стражник, до этого, видимо, державшийся в тени забора.

- Кто такие? - недружелюбно крикнул мужчина, - Что вам нужно?

- Открывай ворота, - выступая вперед, ответил один из сопровождающих Альвину, - и доложи управляющей, что приехала герцогиня Адьяр.

- Кто? Герцогиня давно здесь не появлялась и это точно не она, - показал пальцем на Альвину стражник.

Альвина удивилась - есть еще одна герцогиня Адьяр? А, это, наверное, он имеет в виду мачеху Себастина?

- Я тебе сейчас руку отрублю, - прорычал все тот же сопровождающий, угрожающе надвигаясь на опешившего стражника, - открывай ворота и бегом докладывать о приезде герцогини!

Внезапно из тени вышли трое мужчин и двое из них были вооружены нацеленными на приезжих арбалетами, третий держал меч и явно готов был применить его в бою. Сопровождающие Альвину стражники молниеносно задвинули ее себе за спину и встали

перед ней стеной.

Герцогиня испугалась, что их не пустят в дом, или еще хуже - убьют. И постаралась отмахнуться от гадкой мысли, что так их встречают по приказу Себастина.

- Леон?! - произнес удивленно человек с мечом. - Что ты здесь делаешь?

- Сопровождаю герцогиню Адъяр, - выступил вперед тот, кто обещал отрубить руку. - Подозреваю, Его Светлости очень не понравится, что его жену не впускают в дом.

- Герцога нет в столице больше недели, - произнес мужчина, опуская меч, - и я ничего не знаю о герцогине. То, что герцог женился, он не сказал перед отъездом. И мы не ждем гостей.

- Ален,пусти нас, прекрати устраивать бесплатное представление для всей улицы, - потребовал Леон, - я представлю все доказательства, у меня есть письма от барона Гонрэ и госпожи Пренмэ.

- Проверь карету, - кивнул Ален стражнику, который встретил первым прибывших и добавил для дернувшегося Леона: - не дури, ты прекрасно понимаешь, что я обязан это сделать, и будь благодарен, что не обыскиваем вас.

Карету быстро осмотрели, Ален велел опустить арбалеты и впустить всех во двор.

Альвина прошла за ворота и покачнулась, затем стала опадать на мощеный двор. Отсутствие вестей от Себастина, ее подозрения по этому поводу, ужасные события последних двух дней, бессонная ночь накануне отъезда, выматывающая дорога, нахлынувшие воспоминания о прежней жизни, бередящие душу мысли о том, чего она лишилась восемь лет назад, повергали ее в отчаянье, вызывали страх за свое будущее и даже за жизнь. Девушка последнее время прилагала огромные усилия, чтобы держаться, не пасть духом, не забиться в истерике, но далеко не радушная встреча перед домом Себастина стала последней каплей, лишила остатков сил, и Альвина свалилась без чувств. Ее успел подхватить Леон.

- Ты ответишь за это! - прорычал он Алену. - Герцог будет очень недоволен, когда узнает обо всем!

- Извини, - развел тот руками, - но кому как не тебе знать, что я выполнял свою работу. А Его Сиятельство скорее наказал бы меня, если бы я свободно впустил в дом незваных, подозрительных гостей.

-Слабая женщина для тебя подозрительная и опасная?

- Ты-то со своими головорезами далеко не безобиден! Не надо было требовать и орать под воротами дома! Но если и, верно, что эта девушка жена герцога, то чего стоишь? Неси ее скорее в дом, Леон.

Альвина выплывала из беспамятства, прислушиваясь к доносившемуся шепоту. Женский шипящий голос тихо отсчитывал кого-то. Альвине не хотелось открывать глаза, ее не мотало, не трясло, она лежала на чем-то мягком, уютно укрытая теплым одеялом. И возвращаться в реальность совсем не хотелось, там было слишком много проблем, а ей так хотелось тишины, спокойствия, умиротворения, счастливой, беззаботной жизни. И чтобы ее любили, баловали и холили, как когда-то это делал отец. Она не сдержала всхлипа.

- Ваше Сиятельство, - услышала знакомый голос Альвина, - вы очнулись? Где у вас болит?

Она открыла глаза и увидела над собой обеспокоенное лицо Леона.

- Сердце у меня болит, - хрипло ответила Альвина.

- Что с ее сердцем? - повернулся Леон к присутствующему здесь же еще одному

человеку.

Альвина перевела взгляд и увидела стоящего по другой стороне кровати, на которой лежала, немолодого мужчину, он крикнул и наклонился к ней.

- Где у вас болит, леди, в каком месте? - елеино, чуть ли не сюсюкая, спросил незнакомый мужчина. - Боль какая? Острая или тупая, а может тянущая?

- Тянущая, - устало произнесла Альвина, прикрывая глаза, - острая, и тупая. Оставьте меня все в покое.

- Так, выйдете все, дайте леди отдохнуть, а то не отдохнуть от вас здесь. Да и нечего вам делать в комнате девушки! - раздался громкий непререкаемый женский голос, и Альвина удивленно распахнула глаза.

В ногах кровати стояла высокая, сухопарая женщина неопределенного возраста, поджав и так тонкие губы, она осуждающе смотрела на Альвину.

- Но ведь леди больна, - возмутился Леон, - пусть лекарь еще раз осмотрит герцогиню.

- Я не больна, я просто устала, - промолвила Альвина и спросила, глядя на женщину: - Кто вы?

- Меня зовут Регина Борнэ, я управляющая этим домом. Вам надобно отдохнуть, поспать, я вижу, что вы без сил.

- Да, я бы хотела, чтобы меня все оставили в покое, - сказала Альвина, опять прикрывая глаза, проваливаясь в сон, и уже не слыша, как женщина выдворяет из комнаты Леона и лекаря.

Альвина резко проснулась, села на кровати, недоуменно оглядываясь кругом. Ей только что снилось что-то кошмарное, она куда-то бежала, от кого-то спасалась. Откинув одеяло, увидела, что все еще в дорожном, пыльном платье. Выбравшись из кровати, нашла на полу свои туфли и, обувшись, прошла по комнате. По обстановке было непонятно чья это комната, но скорее всего это не гостевые покои, а комнатка или для гувернантки, или еще для кого-то чуть выше служанки. Судя по солнцу, ярко и весело заливающим комнату светом, было или позднее утро, или даже день. Внезапно засосало в животе, и Альвина вспомнила, что последний раз ела нормально еще в замке. Она направилась к двери, но она сама внезапно распахнулась.

- Ой, Ваше Сиятельство, - присела в корявом реверансе молоденькая девушка, - а меня послала госпожа Борнэ, глянуть проснулись ли вы.

- Увидела? - раздраженно спросила Альвина, девица кивнула. - А теперь позови управляющую.

- Так это, она наказала, как только вы проснетесь, проводить вас в другие, значица, покои, их уже приготовили, и вещи туда снесли, - зачастила служанка. - А туточки комната не для герцогини, но никто же ж не знал, что вы жена нашего господина. А герцогининские покои закрыты, так готовы другие, побольше и побогаче, тама все убрали, помыли, белье поменяли. Хотя че там было убирать, у госпожи Борнэ не забалуешь, у нее всюду завсегда чистота.

Девушка развернулась к двери и помахала рукой, приглашая пойти за ней:

- Идемте же ж, я вас провожу. И ванна тама уже готова, и завтрак скоренько принесут.

Альвина тяжело вздохнула и направилась следом за служанкой. Как она поняла вчера вечером, Себастина в этом доме сейчас не встретит, он здесь уже давно не появлялся. И где же он?

Идя по дому, выспавшаяся и отдохнувшая, но голодная Альвина с любопытством все

рассматривала. Она никогда не была в особняке герцога Адьяра, хоть он и давал балы и званые вечера, но ее отец, герцог Лэвирин, никогда не посещал их, и запрещал это делать жене и дочери.

Что же, как и ожидала Альвина, все было шикарно, богато, светло, стены оббиты дорогой тканью и панелями из редких пород дерева, украшены картинами в золоченых рамах и вышитыми шелковыми нитями гобеленами. Потолок и двери поражали воображение искусными, резными фигурными бордюрами, барельефами, орнаментами. Но все же, надо признать, вычурности, безвкусицы не было. И кругом порядок и умопомрачительная чистота. Или Себастин так хорошо умеет подбирать управляющих, или ему просто везет на них.

Покои, куда привела служанка, Альвина не стала рассматривать, сразу же направилась в ванную, указав болтливой служанке принести туда халат и приготовить платье. Та испуганно воззрилась на герцогиню, но потом часто закивала и кинулась в гардеробную.

После принятия ванны, Альвина закуталась в халат, и, выйдя, увидела накрытый стол. Пока она ела, подсохли волосы и, переодевшись в платье, Альвина велела все той же болтливой, суеющей служанке, расчесать ее и сделать прическу, хотя бы простую. Но увидев ее ошарашенный взгляд, передумала, и распорядилась позвать управляющую.

Служанка убежала, Альвина увидела разложенные на туалетном столике свои щетки для волос и подумала, что ей ведь не привыкать себя обслуживать. Усевшись перед зеркалом, она решила просто заплести косу - сейчас сойдет и так. Пока расчесывала волосы, вспомнила слова мужчины, который, встретил их, что герцог уже вторую неделю не появляется в особняке. Так где же Себастин? Что с ним может быть? Дом не конфискован, так что, возможно, Себастин не арестован. И у кого ей узнать о муже? Наверное, только у короля.

Закончив с прической, Альвина вышла в гостиную, оглядевшись, присела на диван, перед которым стоял чайный столик.

Раздался стук в дверь и, не дождавшись ответа, вошла госпожа Борнэ, а за ней втиснулась все та же служанка.

- Доброе утро, - сказала управляющая.

Альвина оглядела женщину с головы до ног и раздраженно произнесла:

- Вы должны были сказать - доброе утро, Ваша Светлость. И почему открыли дверь, не дождавшись разрешения войти?

Альвина выжидающе уставилась на управляющую.

- Доброе утро, Ваша Светлость, - поджав губы, наконец, ответила она, - прошу прощения, но мне показалось, что вы ответили.

- В чем дело, госпожа Борнэ? Почему мне приставили бестолковую, деревенскую девчонку в роли горничной?

- Че это я бестолковая! - возмутилась служанка.

- Еще и наглуую, и невоспитанную! - продолжила Альвина и, глянув на попытавшуюся возразить девушку, шикнула на нее. - Цыц!

Служанка проглотила все слова и застыла, ошарашено глядя на леди.

- У меня нет свободных опытных служанок, все при деле, - ответила заносчиво управляющая и кивнула в сторону переминающейся девушки, - эта только вчера была нанята и поэтому не пристроена никуда, а, значит, пока свободна.

- Что?! - изумилась Альвина. - Вы прислали мне ту, что попалась вам под руку и вообще

не опытная и не проверенная?! Неужели же горничная для вашей хозяйки такая неважная мелочь и не достойна тщательного выбора? Подберите мне толковую горничную, и мне все равно где вы ее найдете, от каких обязанностей освободите. Вы давно служите в этом доме?

- Я служила много лет герцогине Адъяр.

- Я так понимаю прежней герцогине Адъяр, мачехе моего мужа?

Управляющая неохотно кивнула.

- Герцогиня Адъяр теперь я, а ваша прежняя хозяйка - вдовствующая герцогиня и этот титул не имеет никакой силы. Я - ваша хозяйка и госпожа!

Управляющая позволила себе хмыкнуть, а Альвина решила, что, возможно, придется искать новую управляющую.

И еще Альвина подумала, что надо будет узнать, где сейчас находится жена, вернее вдова, отца Себастина. Расспрашивать у этой настроенной против нее женщины, и тем самым расписываться в своей неосведомленности о делах семьи Адъяров, пожалуй, не стоит.

Еще раз оглядев с ног до головы недовольную управляющую, Альвина дальше стала высказывать свои претензии:

- Почему меня поселили вначале в комнате для прислуги? Что за неуважение и дерзость?

- Прошу прощения, Ваша Светлость, - сквозь зубы процедила управляющая, - но я не знала кто вы такая на самом деле.

- А когда узнали, почему не переселили?

- Вы уже уснули к тому времени и мне не хотелось вас беспокоить. Но я распорядилась, что как только вы проснетесь, проводить в эти комнаты.

- Вы лжете! Вам сразу же стало все известно. И эти покои, кстати, меня также не устраивают, здесь я не останусь. Велите перенести мои вещи в покои герцогини.

- Но те покои леди Беатрисы!

- Чьи?

- Герцогини Адъяр, - высокомерно ответила управляющая.

- Вы оглохли? Еще раз повторю для слабослышащих, я - герцогиня Адъяр, а ваша леди Беатриса вдовствующая герцогиня. И в этом доме она может появляться только, если я приглашу ее. И вот эти покои - Альвина обвела рукой комнату, - вполне подойдут для нее, а я поселюсь в покоях, приличествующих мне, то есть в комнатах герцогини.

- Да как вы смеете!

- Это вы как смеете! И что себе позволяете! Если вы будете разговаривать со мной в таком тоне, надолго в этом доме не задержитесь. И мне все равно, сколько и кому вы здесь служили, все будет зависеть от того, как вы будете служить и угождать мне. Если вы меня не устроите в чем-либо, я вас выгоню и обеспечу такими отзывами и рекомендациями, что вы нигде не найдете себе место. Или вы, вероятно, рассчитываете на заступничество герцога? Не обольщайтесь. Я - любимая жена, а вы по большому счету просто наемная прислуга. Так на чью сторону встанет мой муж? И будет ли он во все это вникать и не решит ли, что наем прислуги и ее расчет дело жены, а никак не его?

Управляющая молчала, поджав губы.

- И посмейте только еще раз в чем-либо мне возразить или не выполнить мои поручения! - сказала Альвина, вроде бы и не повысив голоса, но так, что управляющая вздрогнула, а служанка подпрыгнула.

Госпожа Борнэ гулко сглотнула и, растеряв весь свой апломб, опустила взгляд и тихо

промолвила:

- Прошу прощения, если мой тон или какие-либо мои действия как-то оскорбили вас.

Все будет исправлено сейчас же.

- Доведите до всей прислуги, что теперь я здесь хозяйка. Надеюсь, никто не будет мне впредь перечить и не исполнять моих приказов.

- Да, конечно, Ваше Сиятельство.

- Ступайте! И пришлите мне немедленно новую горничную. Не ошибитесь на этот раз с выбором. Или мне самой стоит выбрать горничную для себя, раз управляющая с этим не справляется?

- Нет, Ваше Сиятельство, я пришлю к вам самую лучшую горничную.

- Ах, да, еще хотела спросить, - остановила герцогиня уже открывающую дверь госпожу Борнэ, та напряглась, - люди, что были со мной, уже уехали?

- Нет пока, но собираются.

- Задержите их, я хочу поговорить с ними чуть позже.

Альвина хотела, чтобы эти мужчины стали ее личной охраной.

- Это все? Разрешите идти? - спросила управляющая.

- Ступайте.

Управляющая, не удержавшись, бросила напоследок на Альвину ненавидящий взгляд и быстро вышла.

Альвина, глядя на закрывшуюся дверь, решила, что ничего хорошего от этой женщины, похоже, ждать не придется. Все-таки от нее надо будет избавляться. А вот, интересно, почему же ее с собой не забрала мачеха Себастина? И, судя по всему, и не заберет, раз управляющая так испугалась, что ее выгонят. Обязательно надо будет разузнать все о вдовствующей герцогине.

- А ты что стоишь? - обратила внимание Альвина на задержавшуюся служанку. - Ты мне больше не нужна, ступай отсюда.

- Госпожа леди герцогиня, - заскулила девчонка, - не гоните, я всему научусь быстренько. Я чистоплотная, у меня все в руках горит.

- Хорошо, - смилостивилась Альвина, - можешь остаться, пока будешь выполнять мои мелкие поручения и учиться обслуживать леди.

- Да, да, - закивала головой служанка.

Альвине пришло в голову, что ей нужен будет здесь человек, преданный и обязанный только ей. А из этой наглой девчонки может выйти доверенная горничная.

- Но смотри мне, - погрозила пальцем Альвина, - ты никогда и никому, слышишь, никому и никогда, не должна рассказывать что я тебе поручаю делать. Ты подчиняешься теперь только мне и никому другому, даже управляющая не будет властна над тобой.

- Ой, - радостно взвизгнула служанка, - да я..., да я за ради вас..., да я для вас..., я все сделаю, не сумлевайтесь.

- Иди - поморщилась Альвина, подумав, что ее ненадолго хватит слушать этот деревенский говор, поэтому придется заняться речью этой личной горничной, - проверь, как там готовят покои герцогини.

- Ага, ага, - закивала опять девчонка и кинулась к выходу.

- Подожди, - окликнула служанку герцогиня.

- Ась? - развернулась девчонка.

- Тебя как зовут?

- Так я Элька.
- А полное имя как?
- Эления, - неожиданно смутилась служанка.
- Кто же тебя таким красивым именем назвал? - улыбнулась Альвина.
- Папка же и назвал.
- Ладно, я тебя буду звать Неля. Иди.

Служанка вихрем вылетела, хлопнув дверью.

Глава семнадцатая

Не успела за девушкой, которую Альвина предполагала сделать доверенной горничной, закрыться дверь, как пришли несколько служанок. Одна из них сказала, что ее послала госпожа Борнэ и она теперь ее горничная. Девушка мило улыбалась, приседала в изящном реверансе, быстро организовала других служанок, чтобы перенести все вещи Альвины в другие покои, мягко и ненавязчиво предложила сделать прическу. Вроде бы не к чему было придраться, но новая горничная не понравилась. Может тем, что извиняясь и странно улыбаясь, предложила поменять платье? Возможно, Неля выбрала и не совсем подходящее, но незачем было намекать на это, как будто Альвина и без нее это не знала. А может, не пришлось по душе, что она была явно ставленницей управляющей и, наверняка, все будет доносить ей. Альвина решила, что раз эта горничная, судя по всему опытная и расторопная, пусть пока останется ненадолго, только надо будет быть осторожной в ее присутствии. Платье все же Альвина не передела, но позволила сделать себе прическу простую, но красивую.

Прибежала Неля, доложила, что покои открыли, там чисто, вымыто, и все перенесенные вещи герцогини сейчас раскладывают и развешивают. Альвина известила новую горничную, что эта девушка будет ее помощницей и велела обучать ее, показывать все нюансы работы и поправлять ее речь. Та поморщилась, но очень быстро сменила недовольную гримасу натянутой улыбкой и изъявила явно фальшивое горячее желание обучить Нелю всему, что знает сама.

Альвина спохватилась, что, наверное, надо все-таки поинтересоваться именем новой горничной. Оказалось, ее зовут Эмилия, что очень удивило Альвину. Управляющая подбирала прислугу по громким именам? Одну зовут, как нынешнюю королеву, у другой имя предыдущей королевы. Удивительно, ведь такие имена обычно простолюдины девочкам не дают, даже больше того, им это негласно запрещено, а тут сразу же две “королевы”. Это ж в каком храме это позволили? Новую горничную Альвина переименовала в Лию.

Альвина осмотрела свои новые покои герцогини, они ей не понравились, но оставила переделку на потом, сейчас у нее были более срочные и значимые дела. Затем вызвала своих охранников. Поговорила с ними, предложила остаться, и служить лично ей, они согласились, сказав, что барон предполагал такое и разрешил заранее. Леон обеспокоенно спросил, как герцогиня себя чувствует. Альвина ответила, что прекрасно, а вчера просто было недомогание от переутомления и постоянного эмоционального напряжения в последнее время, все это ее вымотало. Но она отдохнула и теперь с ней все в порядке. Девушке стало немного стыдно и досадно, что вчера ее видели такой слабой, болезненной, но и в то же время было приятно, что хоть кто-то беспокоится о ней, о ее самочувствии.

Альвина узнала имена двух других мужчин. Обговорила с Леоном, что они будут ее охранять и выполнять поручения. Затем вызвала госпожу Борнэ и поставила ее перед фактом, что эти трое мужчин ее личные телохранители и никому не подчиняются, кроме

нее, герцогини Адъяр, и распорядилась выделить своим стражникам комнаты. Управляющая позволила себе попытку возразить, что в доме есть охрана достаточно многочисленная и вооруженная, и лишние люди в особняке ни к чему. На это Альвина резко отчитала женщину, сказав, что она доверяет только этим, личным стражникам, и сама решит, сколько людей будет жить здесь, и чтобы она больше не слышала от управляющей возражений и обсуждений ее, герцогини Адъяр, хозяйки этого дома, распоряжений и желаний. Дело управляющей только выполнять, а не ставить под сомнение указаний своей хозяйки.

До обеда оставалось немного времени, и Альвина, отпустив всех, решила составить список тех, к кому бы она могла обратиться, написать приглашение, или хотя бы отправить извещение, что она теперь герцогиня Адъяр и вернулась в столицу.

Альвина долго и мучительно вспоминала всех знакомых, подруг, дальних родственников. Загвоздка была еще в том, что за эти годы могло все сильно измениться. Кто-то мог жениться, выйти замуж, тем самым изменить имя, титул, переехать, умереть, в конце концов. Сидя в Луйске, она ничего не знала ни о ком.

Когда Альвина тряслась в карете, и размышляла, что она будет делать, как отправлять приглашения, письма, то предполагала, что ей поможет управляющая столичным особняком. Но ожидания не оправдались, обращаться за помощью к этой госпоже Борнэ не было никакого желания. Альвина с тоской вспомнила госпожу Пренмэ, та бы с радостью помогла герцогине.

Альвине в голову пришла шальная мысль - узнать кто сегодня дает бал, или званый вечер и заявиться туда без приглашения. Возможно, ее не выгонят. Хотя кто его знает, как отнесутся к жене герцога Адъяра теперь, когда неизвестно что с ним, и где он тоже непонятно. Немного подумав, Альвина отвергла этот вариант и занялась списком тех, кого можно и нужно оповестить, что она вернулась под именем герцогини Адъяр.

В первую очередь, под номером один герцогиня вписала свою кузину, которая была моложе ее на год, и оставалась ничтожная вероятность, что она не замужем, и ее можно найти в доме ее отца, графа Брумэкса. Но Альвина опасалась, что и семья графа, а значит и кузина, пострадали из-за того, что натворил герцог Лэвирин, ведь они все же были родственниками, жены графа и герцога - родные сестры.

Написав несколько писем, Альвина отправила их по адресам, поручив доставку Леону, он уверил, что прекрасно знает столицу.

Все утро, чтобы она не делала, мысли постоянно возвращались к Себастину. Где он? Что с ним? И какую роль играет в его исчезновении король?

После обеда Альвина решила продолжить писать письма, согласно составленному списку. Перед ней еще стояла главная проблема, из-за которой она и приехала сюда. Надо, наверное, известить как-то короля, что она прибыла в столицу и готова к аудиенции. Или как это делается? Она никогда не просила аудиенции у короля и не знала как это делается. Может, стоит собраться и просто поехать во дворец? Ведь приглашение у нее есть. А если она приедет не вовремя? Когда королю будет совсем не до нее? Нет, скорее все же стоит вначале сообщить, что она приехала по велению короля и смиренно ждет аудиенции.

Альвина вернулась к списку, не успела дописать одно письмо, как открылась дверь и в кабинет влетела Неля.

- Что такое? - строго спросила Альвина. - Тебе надоела твоя новая должность? Почему врываешься без стука?

- Ой, мамочки, леди герцогиня! - завопила девчонка. - Тама внизу такое деется!

- Что случилось?! - вскочила со стула Альвина.

- Так тама вас требуют, а ваши то, ну кто с вами приехал, не пушают их, грозятся их прибить. Ох, и сердятся все тама внизу!

Альвина подхватила и кинулась к выходу из своих покоев. Сердце билось от страха где-то в горле, мешая дышать, но она бежала по дому, не чувствуя ног под собой.

Выбежав на широкую лестницу, которая вела в холл, Альвина увидела внизу двоих своих охранников, они препятствовали пройти наверх трем сотрудникам королевской службы безопасности. Уж эту форму она прекрасно знала. Было видно, что вот прямо сейчас, после словесных баталий, между мужчинами завяжется настоящий бой. У Альвины все оборвалось внутри от ужаса.

- Прекратите! - закричала Альвина, стремительно сбегая вниз.

Она встала между своими стражниками, вспомнив, что коренастого крепыша зовут Артюр, а высокого блондина Оберон.

Прерывисто, рвано дыша, Альвина прохрипела, обращаясь к чужакам:

- Что вам нужно, господа? Уберите немедленно оружие!

- Я так понимаю, вы - герцогиня Адьяр? - спросил один из мужчин, делая шаг вперед, не опуская меч. Артюр и Оберон выступили вперед, почти заслонив собой Альвину.

- Да, я - герцогиня Адьяр, - ответила Альвина, пытаюсь привести дыхание в порядок, и выглядывая из-за плеч своих охранников.

- Разрешите представиться - граф Ферзэн, - произнес тот, кто выступил вперед, а затем кивнул на стоящих рядом с ним мужчин, - а это мои сотрудники виконт Пабрэ и барон Рамье.

Граф убрал меч в ножны, и приказал виконту и барону сделать то же самое.

- Что вам нужно, граф? Почему вы вошли в мой дом, угрожая моим людям оружием? - спросила Альвина, все так же выглядывая из-за спин своих людей. Несмотря на то, что оружие эти люди убрали, она им не доверяла, прекрасно зная, как молниеносно можно выдернуть меч из ножен. И поэтому не стала приказывать убрать оружие Артюру и Оберону.

- Видимо произошло недоразумение, - миролюбиво произнес граф, - мы просили проводить нас к герцогине Адьяр. Но нас задержали, пытались вынудить сдать оружие, ваши охранники требовали сказать, зачем нам понадобились вы, но это не их дело. Почему мы здесь можем сказать только вам.

- Я еще разберусь, почему вас вообще пропустили в дом, - угрожающе произнес Артюр, - почему не задержали еще на воротах.

- Ну-ну, - усмехнулся граф, - смотрите, как бы не пришлось в подвалах нашего ведомства объяснять, почему вы нас здесь держите и угрожаете.

- Будьте добры, прекратите угрожать моим людям, - произнесла Альвина, немного тесня своих охранников и устраиваясь уже между ними, а не позади. - Вы ворвались в мой дом, стали требовать, а не просить, я уверена - грубо и нагло, и ждете в ответ любезностей? И объяснитесь, наконец, что вам нужно от меня.

- Здесь, в холле? - удивился граф. - В присутствии посторонних лиц?

- Да, - твердо ответила Альвина, - здесь и сейчас. И эти люди для меня не посторонние.

- Что же, как вам будет угодно, - уже не так миролюбиво, с угрожающими нотками в голосе, промолвил граф.

Альвина почувствовала, как напряглись Артюр и Оберон, попытавшись опять встать перед ней. Но она кинула на них предупреждающий взгляд и прошептала:

- Прекратите, дайте графу объясниться.

- Ваше Сиятельство, - торжественно (церемонно) произнес граф, - Его Величество выразил желание видеть герцогиню Адъяр немедля, и я должен сопроводить и доставить вас во дворец как можно быстрее.

- Это арест? - спросила помертвевшая от ужаса Альвина, а охранники предприняли очередную попытку задвинуть ее за свои спины.

- Нет, что вы, Ваше Сиятельство, это не арест... пока, а если вы не угомоните своих людей, то, увы, ничего обещать не могу. Я в любом случае доставлю вас во дворец. А как это будет, добровольно, или насильно, практически под конвоем, зависит от вас. Будьте благоразумны, не подвергайте ни себя, ни своих охранников опасности быть арестованными, сопротивляясь королевской службе безопасности.

- Как я понимаю, своих людей мне брать с собой нельзя.

- Правильно понимаете.

- Вы дадите мне времени, чтобы переодеться? В домашнем виде мне бы не хотелось представлять перед королем.

- Да, конечно, Ваше Сиятельство. Но, надеюсь, что это не повод сбежать или наделать глупостей?

- Я спущусь через полчаса.

- Леди Альвина, - напряженно промолвил Артюр, - только одно ваше слово и...

- Артюр, даже если случится чудо, и мы вырвемся из столицы, как долго нам удастся скрываться? От королевских приглашений, пока это приглашение, нельзя отказываться. Так что, ничего не предпринимайте, просто ждите, когда я спущусь, - ответила Альвина и направилась наверх.

Уже преодолев несколько ступенек по лестнице, она оглянулась и сказала своим людям:

- Дальше холла этих не пускать, и из дома не выпускать. Пусть стоят у дверей, ожидая меня.

- Ваше Сиятельство, - окликнул граф Альвину, возобновившую подъем по лестнице, - зря вы так, я злопамятен.

- У меня тоже хорошая память, граф, - ответила насмешливо Альвина, не обернувшись, продолжая подниматься по ступенькам.

Вернувшись в свои покои, Альвина велела достать платье для торжественных визитов, соорудить себе праздничную прическу. Конечный результат прически ее удивил, но Лея заверила, что именно так сейчас и делают. Немного подумав, Альвина решила довериться Лее, наверное, горничная сейчас в этом более разбиралась, чем она, после восьми лет отсутствия.

Спустившись вниз, Альвина увидела Леона. Он что-то тихо выговаривал графу, а тот имел виноватый вид и, судя по всему, в чем-то оправдывался.

- Ваше Сиятельство, - склонил голову Леон, заметив Альвину, - вы прекрасно выглядите.

- Спасибо, Леон, - ответила она, внимательно разглядывая отчего то смущенного графа и спокойного, уверенного Леона.

“И кто же на самом деле этот Леон?” - подумала Альвина.

Леон подошел к герцогине и тихо сказал ей, улыбнувшись:

- Не тряситесь так, король не ест на ужин хорошеньких женщин.

- Неужели же так заметно, что я очень боюсь?

- Леди Альвина, это не арест. Король хочет вас видеть, но это не означает, что все будет плохо. Советую держаться уверенно, вы ни в чем не виноваты, а за других не должны отвечать. Герцога куда-то, по всей видимости, услали. Я пытался выяснить, но, увы, не сумел. Все ваши письма я разнес. Ваша кузина вышла замуж и, к сожалению, ее нет в столице, но ее родственники заверили меня в том, что она должна приехать вместе с мужем в ближайшее время, сезон балов ваша кузина не пропускает никогда.

- Спасибо.

- Леон, нам пора, мы и так слишком задержались, - встрял в разговор граф.

- Хорошо, - сказал Леон, оглядываясь, - но я же могу проводить герцогиню до вашей кареты?

- Можете, - с досадой в голосе ответил граф.

Леон помог Альвине сесть в неприметную карету, еще раз улыбнулся и пообещал, что все будет хорошо. В карету вместе с герцогиней сели граф и виконт, а барон пристроился на запятках.

Как только карета отъехала, граф задернул плотные черные шторы.

Продолжение следует.....